

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра археологии, этнографии и музеологии

Археологические памятники Алтая

Выпуск 1

А. А. Тишкин, Н. Н. Серёгин, С. С. Матрёнин

**УРКОШСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН
(ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ)**

Монография

Под научной редакцией В. В. Горбунова

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2016

УДК 902(571.151)
ББК 63.48(2Рос-4Алт-6Г)-42
Т473

Серия основана в 2016 году

Рецензенты:

доктор исторических наук **А. В. Харинский**;
кандидат исторических наук **В. И. Соёнов**

Научный редактор:

доктор исторических наук **В. В. Горбунов**

Т473

Тишкин, А. А.

Уркошский археологический микрорайон (Центральный Алтай) [Текст] : монография / А. А. Тишкин, Н. Н. Серёгин, С. С. Матрёнин ; науч. ред. В. В. Горбунов. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. – 208 с. : ил. – (Археологические памятники Алтая. Вып. 1).
ISBN 978-5-7904-2159-4

В монографии подробно представлены результаты фиксации и изучения археологических памятников в урочище Уркош, расположенном на левом берегу Катунь в Онгудайском районе Республики Алтай (Россия). Проведенные исследования и полученные материалы позволяют охарактеризовать основные этапы разработанной культурно-хронологической схемы и рассмотреть традиционную систему жизнеобеспечения, сформировавшуюся в ходе освоения Центрального Алтая древними, средневековыми и современными животноводами.

Этой книгой предлагается открыть серию научных изданий «Археологические памятники Алтая», что будет способствовать системной публикации многочисленных материалов, полученных в ходе археологических исследований важной историко-культурной области Евразии.

УДК 902(571.151)
ББК 63.48(2Рос-4Алт-6Г)-42

*Монография подготовлена при финансовой поддержке
Российского научного фонда (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция
систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий
в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)*

ISBN 978-5-7904-2159-4 © Тишкин А.А., Серёгин Н.Н., Матрёнин С.С., 2016
© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2016

ВВЕДЕНИЕ

На современной археологической карте Алтая есть еще много «белых пятен» и слабо обследованных районов, несмотря на продолжительное изучение данной историко-культурной области и хорошую видимость на поверхности значительной части древних и средневековых объектов. Сказанное касается не только труднодоступных территорий, но и участков, находящихся вблизи населенных пунктов, автомагистралей, а также неподалеку от мест, где уже проводились раскопки с научными целями. Эффективной формой выявления археологических комплексов в рассматриваемом регионе (в условиях сильно расчлененного рельефа и большой плотности памятников) является сплошное и неоднократное обследование одного или нескольких урочищ*. В ходе такой работы можно получить значительный объем разноплановой информации, которая обеспечит решение ряда научных проблем, а также позволит оптимизировать процесс стационарных полевых исследований или вообще обойтись без раскопок [Тишкин А.А., Матрёнин С.С., Серёгин Н.Н., 2009, с. 129].

Начиная с 2001 г. подобная стратегия реализовывалась Яломанской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов монографии. Данная работа предусматривала и дальнейшее целенаправленное изучение культуры древних и средневековых кочевников Центрального Алтая, а также их системы жизнеобеспечения. В результате было выделено несколько археологических микрорайонов и комплексов памятников в Онгудайском районе Республики Алтай (рис. 1), а также предприняты их исследования. Сведения об этом регулярно докладывались на конференциях и публиковались в разных изданиях [Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а–б, 2003; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К., 2004; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матрёнин С.С., 2004, 2006; Тишкин А.А., 2004, 2005а–б, 2006а–б, 2007а–в; Тишкин А.А., Чекрыжова О.И., 2004а, б; Матрёнин С.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2006; Тишкин А.А., Матрёнин С.С., Серёгин Н.Н., 2009; Тишкин А.А., Серёгин Н.Н., 2009а–б; и др.]. К сожалению, полевые работы в Центральном Алтае пришлось прекратить из-за негативного отношения местного населения к археологическим раскопкам. Материалы, накопленные

* Урочище – любая часть местности, выделяющаяся среди окружающего ландшафта естественными границами или признаками и, как правило, имеющая свое название.

за несколько лет, имеют важное значение. Они использовались при разработке культурно-хронологической схемы изучения истории народов Алтая поздней древности, раннего и развитого средневековья [Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а, 2005; Тишкин А.А., 2006б, 2007в, 2009а; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011], а также необходимы для реконструкции этнокультурной ситуации и многих сторон системы жизнедеятельности, о чем речь пойдет в данной книге. Кроме указанного, существенным является учет, сохранение и использование обнаруженных объектов историко-культурного наследия. С этой целью дается полная сводка памятников, зафиксированных в урочище Уркош. Данный информационный потенциал обеспечил возможности интерпретационного характера, а также необходим при выполнении проектов, связанных с развитием туризма, планируемой прокладкой газопровода, строительными и другими мероприятиями.

Применяемый многими специалистами метод выделения и исследования археологических микрорайонов уже использовался при изучении памятников Алтая [Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990; Худяков Ю.С., 1998а–б, 2003; Худяков Ю.С., Миронов М.В., 1999; Древние культуры..., 1994; Молодин В.И., 1994; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, 2005; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Бородовский А.П., 2004; Тишкин А.А., 2004, 2007а–б; Бородовская Е.А., 2009; и др.]. Анализ имеющихся в литературе сведений, касающихся различных аспектов понимания археологического микрорайона (АМР) и отражающих его компоненты [Археологические микрорайоны..., 1994, 2004, 2009; Матющенко В.И., 2003, с. 50–56; и др.], в целом подтверждает правомерность переноса общих тенденций определения обозначенного явления на территории со сложной орографической структурой.

За последние десятилетия сотрудниками нескольких научно-исследовательских центров России накоплен существенный опыт в области систематизации погребальных, поминальных, петроглифических и, в меньшей степени, поселенческих комплексов, расположенных на территории Республики Алтай (например: [Кубарев В.Д., 1979, 1987а, 1991 и др.; Суразаков А.С., 1989; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Соёнов В.И., Суразаков А.С., 2001; Соёнов В.И., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Молодин В.И. и др., 2004; Бородовский А.П. и др., 2005; Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006; Погожева А.Н. и др., 2006; Акимова Т.А. и др., 2008; Степанова Н.Ф., Соёнов В.И., 2009; и др.]). Вместе с тем очевидна необходимость продолжения таких работ, направленных на выявление и всестороннюю фиксацию археологических памятников важной историко-культурной области, которая часто обозначается как «Горный Алтай». В ходе указанной деятельности имеется возможность получения значительного объема научной информации, которая обеспечит решение ряда проб-

лем без трудоемких раскопок. Кроме этого, в современных условиях практически бесконтрольного землепользования и частного землевладения важно вовремя поставить на государственный учет объекты историко-культурного наследия.

Одним из вариантов осмысления и интерпретации информации, полученной в ходе разнопланового изучения памятников, является моделирование археологических микрорайонов [Археологические микрорайоны..., 1994а–б, 1997, 1998, 2004, 2009; и др.]. Применение такого подхода, имеющего как сторонников, так и критиков, получило достаточно широкое распространение и отражает исследовательский уровень понимания историко-культурных и этногенетических процессов, происходивших на конкретных территориях в различные исторические периоды. Не менее важным является применение указанного подхода для реконструкции системы жизнеобеспечения, в том числе в разных урочищах Алтая [Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003]. Данный опыт был использован при написании монографии.

Один из археологических микрорайонов, зафиксированный в Центральном Алтае, располагается в урочище Уркош, на левом берегу Катунь, в 1,5 км к северу от устья р. Большой Яломан, в Онгудайском районе Республики Алтай между селами Купчегень и Малый Яломан (рис. 2). Южный и западный борта рассматриваемого участка ограничены горами, протянувшимися от одного скального массива (Яломанбом) до другого (Уркошбом) (рис. 3). Северные и восточные склоны гор обрываются в пойме Катунь, протекающей на этом участке относительно прямо и делающей затем резкий поворот на запад (рис. 4.-а). Общая протяженность долины с юго-востока на северо-запад составляет около 2,5 км при максимальной ширине чуть более 1 км. Территория представляет собой каскад низких и высоких террас аллювиального происхождения, изрезанных логами, оврагами, сглаженными конусами выносов. Рельеф дополняют крупные валуны и скальные обломки (продукты древнейшего прорыва Катунь), а также каменистые осыпи. Поверхность террас и их склоны покрыты в основном степной растительностью. Урочище сообщалось с долиной р. Большой Яломан через горную тропу, шедшую по краю Яломанбома, примерно в 0,35 км к западу от современного Чуйского тракта, для строительства которого была взорвана кромка горной гряды, спускавшейся к Катунь. Топографические характеристики отражают некоторую изолированность представленного участка местности, который вместе с зафиксированными памятниками может рассматриваться в качестве Уркошского археологического микрорайона (рис. 3, 4.-б, 5). Об этом речь пойдет в основном тексте монографии.

В работах по изучению памятников Уркошского археологического микрорайона, кроме авторов монографии, в разные годы принимали участие В.В. Горбунов, А.Н. Мухарева, О.И. Чекрыжова, Е.В. Шеле-

пова, Е.Г. Гиенко, С.П. Грушин, А.В. Шмидт, Т.Г. Гребенникова (Горбунова), Т.С. Паршикова, М.Ю. Лысов, Т.А. Краскова, Е.В. Дружинина (Кудрявцева), А.С. Толкацкая (Тарасова) и др. Всем участникам экспедиций авторы выражают огромную благодарность за сотрудничество.

Данная монография начинает цикл крупных обобщений о результатах проведенных обследований и раскопок под руководством А.А. Тишкина в Онгудайском районе Республики Алтай в течение нескольких лет (начиная с 2001 г.). Этой книгой предлагается открыть серию научных изданий «Археологические памятники Алтая», что будет способствовать дальнейшей системной публикации многочисленных материалов, полученных в ходе археологических исследований такой важной историко-культурной области Евразии, как Алтай.

В монографии введение, заключение и четвертая глава написаны А.А. Тишкиным, а первая, вторая и третья главы – А.А. Тишкиным, Н.Н. Серёгиным и С.С. Матрёниным. Иллюстрации подготовлены и сформированы А.А. Тишкиным при частичном участии С.С. Матрёнина, Н.Н. Серёгина, А.Н. Мухаревой, В.В. Горбунова и Е.Г. Гиенко, о чем конкретизировано в подписуточных подписях. Таблица в приложении подготовлена авторами книги совместно.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В УРОЧИЩЕ УРКОШ

Несмотря на длительную историю изучения, Онгудайский район, занимающий центральную часть Алтая (рис. 2), является с археологической точки зрения одной из слабо исследованных территорий Республики Алтай. Вместе с тем на сегодняшний день в этой части региона известно значительное количество погребальных, поминальных и других комплексов, а также местонахождений предметов и наскальных изображений, относящихся к различным историческим периодам от каменного века до этнографической современности.

Первые сведения об археологических памятниках, расположенных на территории Центрального Алтая (современный Онгудайский район), получены задолго до начала реализации систематических научных изысканий [Уманский А.П., 1959; Дёмин М.А., 1989; Марсадолов Л.С., 1996; Тишкина Т.В., 2010; и др.]. В определенной степени это было связано с возрастанием в 70-е гг. XIX в. среди сибирской интеллигенции и представителей академической науки интереса к малоизученным областям Азии [Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2004, с. 14]. Как следствие, Русским географическим обществом и его сибирскими филиалами при содействии Археологической Императорской комиссии были организованы экспедиции, маршруты которых проходили через Алтай [Марсадолов Л.С., 1996]. К примеру, в 1878 и 1880 гг. Н.М. Ядринцев [1883, с. 195–196], известный публицист, этнограф и археолог, описал курганы в долинах Катунь, Чуи, Чулышмана и Улагана. В частности, исследователь сделал план расположения и краткое описание археологических памятников в местности Кур-Кечу, находящейся в непосредственной близости с урочищем Уркош [Тишкин А.А., 20076].

До него на территории Центрального Алтая работал В.В. Радлов [Артюх Е.А., 2010; Тишкина Т.В., с. 51–58]. В ходе экспедиции 1865 г. им был исследован курган, относимый к афанасьевской культуре [Погожева А.Н. и др., 2006, с. 10], а также раскопаны другие объекты, в том числе три сооружения из комплекса четырех рядом стоявших оградок «...недалеко от Ангодайской миссии» (ныне Онгудайский район Республики Алтай). С восточной стороны каждого объекта зафиксированы «маленькие столбики», а в центральной части одной из оградок под плитами найден железный нож [Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2008, с. 8].

В 1879–1881 гг. на Алтае и в Монголии работал Г.Н. Потанин. Известен рисунок одной из тюркских скульптур, обнаруженных им [Потанин Г.Н., 1885, с. 53, табл. II.-16] на территории нынешнего Онгудайского района Республики Алтай (долина Урсул). Данную иллюстрацию в своих публикациях использовал В.Д. Кубарев [1984, с. 114, 118, табл. IX.-58; 1998, с. 262].

Кроме этого, можно отметить известного финского исследователя И.-Р. Аспелина, который во втором своем сибирском путешествии в 1888 г. посетил Алтай. О пребывании экспедиции под его руководством в нашем регионе пока имеется мало сведений [Тишкин А.А., 2000, 2002]. Поэтому основным источником является издание, подготовленное Х. Аппельгрэн-Кивало на немецком языке [Alt-Altaische Kunstdenkmäler..., 1931], где опубликованы письма и изобразительные материалы, полученные во время путешествия из Барнаула до Минусинска через Алтай. До Онгудая И.-Р. Аспелин ехал ночью, поэтому не увидел многих важных объектов, о которых часть информации он получил от местного священника. Затем караван, организованный при участии купца Хабарова, отправился в сторону Монголии. О ходе и результатах этого путешествия сообщается в письме из Минусинска, датированном 20 августа 1888 г. [Alt-Altaische Kunstdenkmäler..., 1931, с. 28–29]. В пути участникам экспедиции в большом количестве встречались большие и малые каменные курганы. По мнению И.-Р. Аспелина, многие из них не были раскопаны. Ученый обратил внимание на ряды каменных столбов, стоявших у каменных сооружений и направленных на восток. Из увиденных по дороге древних памятников наибольшее внимание привлекли изваяния, которые художник Вуори зарисовал [Altaische Kunstdenkmäler..., 1931, рис. 315–317]. Путь И.-Р. Аспелина, как и многих других, пролегал через урочище Кур-Кечу, где была устроена переправа через Катунь и находится существенное количество древних и средневековых памятников. В указанном письме упоминаются данные факты, а также рассказывается о том, как караван проходил урочище Сальдяр по горам, но из-за тумана не удалось рассмотреть находящиеся в данном районе археологические объекты [Alt-Altaische Kunstdenkmäler..., 1931, с. 28–29].

Судя по всему, информация об урочище Кур-Кечу и переправе через Катунь имеется у разных путешественников, в частности у Г.Н. Потанина (об этом неоднократно упоминал в своих работах В.Д. Кубарев [1984, с. 5–6; 1985, с. 137; и др.]). Это же место показано на «Маршрутной карте» барнаульского исследователя В.И. Верещагина [1910], который осуществлял поездку по Алтаю летом 1908 г. Там помечен «Перевоз Керкечи». Если соотнести этот пункт с современной картой, то он находился у скалы «Коргучубом» (рис. 3), которая разграничивает урочища Уркош и Кур-Кечу [Тишкин А.А., 2007б].

Однако ни в ходе перечисленных экспедиций, ни в процессе дальнейших целенаправленных полевых работ, проводившихся центральными и местными учреждениями в Онгудайском районе в ходе строительства

Чуйского тракта, а также в последующие годы, памятники Уркошского археологического микрорайона не привлекли особого внимания исследователей. Вероятно, это в значительной степени объясняется тем, что объекты, расположенные на территории рассматриваемого урочища, не отличаются выдающимися размерами и для их выявления необходимы целенаправленные обследования. Данное предположение отчасти подтверждается и тем обстоятельством, что памятники, представляемые во второй главе данной книги, не упомянуты в монографии «Древности Чуйского тракта» [Бородовский А.П. и др., 2004], хотя находятся в непосредственной близости от указанной автомагистрали. Правда, ряд археологических объектов располагается на высокой террасе, заехать на которую порой весьма проблематично, а для пешего восхождения потребуется время.

Справедливости ради все же следует указать на местонахождение петроглифов, следующим образом отмеченное В.Д. Кубаревым и Е.П. Маточкиным [1992, с. 48] в их небольшой монографии: «ЯЛОМАН-II. На левом берегу Катунь, в 1 км ниже устья р. Большой Яломан. Рисунки оленей, козлов и другие изображения выполнены на крупных глыбах камнепада у подошвы гор». К сожалению, авторы не уточнили год фиксации обозначенного памятника. Исходя из контекста сведений по истории изучения петроглифов Алтая, кратко изложенной в указанной книге [Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с. 3–44], это могло произойти в 1980-е гг. Процитированная информация послужила основанием для детального обследования данной территории. Это позволило выявить серию местонахождений петроглифов (рис. 5), о чем подробно будет изложено в следующей главе. Всем таким объектам дано обозначение по наименованию урочища Уркош. Их интерпретация нашла отражение в специальных публикациях [Тишкин А.А., Серёгин Н.Н., 2010; Сидорова М.О., Маточкин Е.П., 2010].

Начало археологических исследований памятников Уркошского микрорайона относится к последней четверти XX в. В 1989 г. в рассматриваемой местности проводила работы совместная экспедиция Института археологии АН СССР и ГАНИИИЯЛа под руководством В.А. Могильникова и А.С. Суразакова. Одним из комплексов, раскопанных в ходе полевых изысканий, стал могильник, находящийся к северу от устья р. Большой Яломан и обозначенный авторами раскопок как «Большой Яломан-II» [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 41–47, рис. 4–16]. Памятник состоял из восьми сооружений, расположенных по линии Ю–С. В центре некрополя были сгруппированы объекты №1–4, исследованные одним большим раскопом. К северу и к югу от этого скопления находились еще четыре насыпи (объекты №5–8). Всего на рассматриваемом комплексе исследованы шесть курганов. Материалы раскопок полностью опубликованы [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994]. Предметный набор из погребений оказался невыразительным, поэтому заключения о датировке и культурной принадлежности объек-

тов, представленные авторами раскопок, основывались прежде всего на анализе характеристик погребального обряда. По мнению исследователей [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 44], наиболее древним был курган №5, о чем свидетельствовала сильная скорченность ног умершего. Авторы раскопок датировали данное погребение VI в. до н.э., предположив, что выкладка №6, раскопки которой не дали каких-либо находок, а также неисследованные сооружения №7–8 относятся к тому же времени. Курганы №1–3 по ряду признаков В.А. Могильников и А.С. Суразаков [1994, с. 44–46] связали с пазырыкской культурой и определили в широких хронологических рамках (V–III вв. до н.э.). Среди специфичных характеристик исследованных объектов они отметили наличие двух колец в структуре насыпи, соединение отдельных сооружений своеобразными каменными перемычками и отсутствие сопроводительных захоронений животных. Выкладка №4, пристроенная с северо-запада к самому крупному кургану №3 и содержащая одиночное захоронение лошади, была отнесена к кенотафам и датирована на основе обнаруженного предметного комплекса VII–VIII вв. н.э. [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 47].

Параллельно с раскопками могильника было начато изучение наскальных рисунков и культурного слоя святилища, указанного А.С. Суразакову горно-алтайским археологом О.В. Лариным в конце 1980-х гг. и получившего обозначение Большой Яломан-III [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 38]. Некоторые результаты работы на указанном памятнике, в том числе прорисовка части изображений, опубликованы Александром Сазоновичем в небольшой заметке [Суразаков А.С., 1996, с. 82–84, рис. 1], где исследователь привел общую характеристику выявленных рисунков, предположив, что основное ядро композиции сложилось в эпоху бронзы, а в последующие периоды было дополнено. Произведенные раскопки показали, что перед скальными выходами своеобразного вида и с петроглифами для совершения ритуальных действий разжигали костры, производились жертвоприношения, о чем свидетельствовали находки костей животных [Суразаков А.С., 1996, с. 82]. По мнению А.С. Суразакова [1996], начиная с эпохи бронзы исследуемое место имело значение священного центра для родоплеменных групп достаточно обширной территории. Это привело к сакрализации всего урочища, где позднее появились многочисленные «малые святилища», которые устраивались небольшими семейно-родственными коллективами. Кроме этих важных заключений, А.С. Суразаков [1996] попытался наметить семантику имеющихся композиций, где главной сюжетной линией, переданной через общую мировоззренческую схему, являлся охотничий промысел, конкретную удачу в котором можно было «...испросить у духа-хозяина местности (человеческая фигура, стоящая на спине у оленя – его ездового животного)». Обозначена также связь святилища с верхним миром.

Реализация комплексных исследований на территории урочища Уркош связана с деятельностью Яломанской археологической экспедиции Алтайского государственного университета (АлтГУ) под руководством одного из авторов настоящей монографии, который, работая в экспедициях Ю.Т. Мамадакова во 2-й половине 1980-х гг., был знаком со спецификой расположения древних и средневековых памятников в Центральном Алтае. С начала 2000-х гг. проводились целенаправленные работы по выявлению и всесторонней фиксации погребально-поминальных комплексов, местонахождений петроглифов и других объектов, относящихся к различным историческим периодам на участке долины Катунь от р. Большой Илыгумень до с. Иня. Полученные результаты позволили приступить к реконструкции историко-культурных процессов не только на территории нескольких выявленных микрорайонов, но и в целом на Алтае.

Одним из направлений работ Яломанской археологической экспедиции стало обнаружение и мониторинг наскальных изображений, находящихся на обозначенной территории Уркошского микрорайона. Так, начиная с 2001 г. осуществлялись обследование местности у святилища Большой Яломан-III и наблюдения за состоянием писаницы. Предварительные результаты подобных работ опубликованы [Тишкин А.А., Чекрыжова О.И., 2004а; Тишкин А.А., 2005б, 2006б, 2009]. Нет сомнений, что рассматриваемый комплекс представляет исключительный научный интерес и является важным историко-культурным объектом. Однако его сохранность вызывает серьезные опасения, несмотря на то, что памятник еще мало кому известен, находится немного в стороне от Чуйского тракта и от активных туристских маршрутов. В настоящее время территория археологического объекта не используется в хозяйственном отношении, хотя еще хорошо видны следы бывшей летней животноводческой стоянки. Обеспокоенность связана с тем, что святилище в полной мере не исследовалось, а между тем оно регулярно подвергается негативному природному и антропогенному воздействию. Наскальные изображения писаницы Большой Яломан-III, создававшиеся на протяжении многих сотен лет, искорежены современными варварскими выбивками и нелепыми примитивными подражаниями. Заложенный в свое время археологический раскоп остался нерекультивированным, его края осыпались, а отвал, поросший сорняком и крапивой, дополняет неприглядный вид. Участвовавшие неконтролируемые посещения «диких» туристов и местных жителей, приезжающих на автомобилях, могут нанести дополнительный ущерб незащищенному объекту культурно-исторического наследия.

Имеются и некоторые проблемы, связанные с изучением святилища. Начатое копирование основной писаницы обозначило ряд серьезных трудностей, связанных с достоверностью фиксации рисунков, а также с их последующей интерпретацией. Некоторые опубликованные результаты [Тишкин А.А., Чекрыжова О.И., 2004а] привлекли внимание специалистов по наскальному искусству и позволили обсуждать имеющиеся

проблемы в научно-исследовательском и охранном плане. В частности, кемеровская исследовательница Е.А. Миклашевич указала на характерные и, возможно, неоднократные «обновления» древних изображений человеческих фигур с грибовидными головными уборами на центральной композиции. Стало очевидно, что для дальнейшего продуктивного изучения петроглифов святилища Большой Яломан-III необходимо сотрудничество с квалифицированными специалистами, занимающимися фиксацией наскальных рисунков. В связи с этим для работы в составе Яломанской экспедиции была приглашена сотрудница Кемеровского государственного университета А.Н. Мухарева, которая выполнила ряд прорисовок, представленных в данной монографии. Особое внимание она уделила изучению необычных для Алтая, крупных изображений, которые связаны с памятником Уркош-XV и выполнены в технике шлифовки [Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016]. Следует отметить, что работы по копированию петроглифов Уркошского археологического микрорайона далеки от своего завершения, и необходимо в дальнейшем продолжить систематические копирования и детальное документирование.

Проведенные работы на святилище Большой Яломан-III обозначили актуальность привлечения специалистов других научных направлений, в том числе геодезистов и астрономов. Такая практика в определенной мере реализовывалась на Алтае и сопредельных территориях [Марсадолов Л.С., 2000а–б, 2001; Ларичев В.Е. и др., 2004; Марсадолов Л.С. и др., 2005; Тишкин А.А., 2007а; и др.] и нашла свое отражение на обозначенном памятнике, о чем будет ниже изложено в данной монографии.

При осмотре каменных плоскостей, находящихся рядом с петроглифами, участник Яломанской археологической экспедиции АлтГУ В.В. Горбунов обратил внимание на небольшие знаки, сделанные черной краской в нише у подножья скального массива. При внимательном рассмотрении удалось выявить остатки надписи [Тишкин А.А., 2006а; Тишкин А.А., Матрёнин С.С., Горбунов В.В., 2006, с. 157]. Скопированный одним из авторов монографии, лучше всего сохранившийся фрагмент надписи и фотографии местонахождения были переданы для экспертизы С.Г. Кляшторному в Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. В результате оказалось, что текст сильно испорчен, и целиком прочесть его нет возможности. Тем не менее специалисты предварительно определили, что надпись тюркская и сделана она «древнеуйгурским письмом, скорее всего, в VIII–IX вв.». Эти данные позволили считать памятник Большой Яломан-III уникальным, так как подобных свидетельств в Горном Алтае еще не обнаруживалось, а ближайшая аналогичная находка была известна в Монголии около г. Улангома [Тишкин А.А., 2009б]. Результаты этих и других исследований на памятнике более подробно представлены ниже и в следующих главах, одна из которых посвящена рассмотрению возможностей реконструкции историко-культурной ситуации на территории Уркошского микрорайона.

В полевом сезоне 2004 г. Восточно-Алтайский отряд Североазиатской археологической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН под руководством В.Д. Кубарева совместно с южнокорейскими коллегами из Института Когурё (г. Сеул) осуществляли изучение петроглифов Алтая. В результате открыто их небольшое скопление в устье р. Большой Яломан. В отчетной публикации приведены изображение лошади и козла, отнесенные к эпохе ранних кочевников [Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу, 2004, с. 308, рис. 4). Другая информация там не отражена.

Помимо работ на уже известных комплексах, участники Яломанской археологической экспедиции выявили ряд новых объектов. В 2003–2005 гг. зафиксированы погребально-поминальные комплексы Яломан-XV*, Уркош-I–VI. Анализ ряда признаков данных памятников позволил предварительно отнести их к различным периодам раннего железного века и средневековья [Тишкин А.А., Матрёнин С.С., Горбунов В.В., 2006]. Результатом археологических разведок, проведенных в 2008–2009 гг., стало обнаружение погребально-поминальных комплексов Уркош-VII–X, XIII, среди которых имеются объекты периода энеолита (афанасьевская культура), скифо-сакского времени (пазырыкская культура) и, возможно, раннего средневековья [Тишкин А.А., Матрёнин С.С., Серёгин Н.Н., 2009; Тишкин А.А., Серёгин Н.Н., 2009а–б]. Кроме того, в ходе обследований уточнено расположение и осуществлена фиксация местонахождений петроглифов, обозначенных в упомянутой монографии В.Д. Кубарева и Е.П. Маточкина [1992, с. 48] как Яломан-II. Следует обратить внимание на то, что урочище, в котором обнаружены рассматриваемые объекты, находится вне долин рек Большой и Малый Яломан. Археологический комплекс с наименованием Яломан-II известен специалистам в качестве некрополя булан-кобинской культуры Алтая [Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003]. Для обследованных групп петроглифов более обоснованным стало присвоение очередных обозначений в кругу памятников местности Уркош (Уркош-XI, XII и т.д.).

Среди обнаруженных скоплений рисунков особенно выделяются наскальные изображения пункта, открытого в 2002 г. участниками Яломанского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина и обозначенного позднее как Уркош-XV. «Плоскость с петроглифами, отличающимися значительными размерами, обращена на восток. Особенно выделяются среди других изображений три фигуры, образующие основу многофигурной композиции. Изображения двух оленей, стоящих друг напротив друга, нанесены в центральной части плоскости. Длина туловища левой фигуры составляет 1,3 м, высота – около 1,2 м. Размеры правой фигуры – около 1,2 × 1,1 м. Ее частично перекрывает

* В одной из публикаций данный могильник рассмотрен в одном комплексе с памятниками долины р. Большой Яломан [Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матрёнин С.С., 2004]. В настоящий момент совершенно понятно, что некрополь Яломан-XV является крайним объектом южной части Уркошского археологического микрорайона.

изображение лошади, выбитое сравнительно недавно поверх древних петроглифов. Еще одна крупная (длиной около 2,2 м) фигура животного, по всей видимости, также оленя, расположена левее и просматривается лишь частично. Петроглифы таких размеров редки в наскальном искусстве Южной Сибири. Аналогичной величины рисунки известны, пожалуй, только на памятнике Малый Баянкол (Республика Тыва)» [Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016, с. 91–93]. На территории Алтая, кроме Турочакских писаниц, где одно из изображений лося, выполненного охрой, достигает 2,25 м [Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с. 45; Молодин В.И., 2016], до настоящего времени настолько крупных петроглифов не зафиксировано. «Все изображения (не считая выбитых современных подражаний) выполнены в технике шлифовки. При этом только у крупных фигур контур проработан тщательнее внутреннего заполнения. Вероятно, при создании этих петроглифов выбор такого технического приема, как шлифовка, определялся именно особенностями используемого субстрата – твердость и неровность скальной поверхности делают процесс нанесения петроглифов чрезвычайно трудоемким. Вероятно, в древности все петроглифы местонахождения Уркош-XV были хорошо видны на скальной поверхности за счет различия в цвете, но со временем покрылись патиной и в настоящий момент трудноразличимы. В определенное время суток, когда солнце освещает плоскость под прямым углом, рисунки полностью пропадают. Но при косом свете, а также когда плоскость находится в тени, изображения становятся видны» [Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016, с. 93]. Работы по документированию петроглифов памятника проводились регулярно в полевые сезоны с 2009 по 2011 г. Их результаты будут подробно представлены и проиллюстрированы во второй главе. Таким образом перечень пунктов наскального искусства, расположенных на территории Уркошского археологического микрорайона, был дополнен обнаружением скопления петроглифов, обозначенного как Уркош-XV [Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016]. Дальнейшие обследования позволили рассматривать данный памятник в качестве святилища [Тишкин А.А., 2010; Тишкин А.А., Гиенко Е.Г., Дружинина Е.В., 2012].

В феврале 2009 г. Е.П. Маточкиным в Онгудайском районе Республики Алтай, в долине Катунь у Чуйского тракта (на 688,9 км) обнаружены изображения, выбитые на трех крупных камнях. Затем эти рисунки изучались в октябре 2009 г. Материалы памятника Уркош-XIV опубликованы в следующем году [Сидорова М.О., Маточкин Е.П., 2010]. Для названия этой группы петроглифов авторы публикации учли уже имевшийся опыт обозначений археологических памятников в данной местности [Тишкин А.А., Матрёнин С.С., Серёгин Н.Н., 2009; Тишкин А.А., Серёгин Н.Н., 2009а–б].

В течение 2007–2009 гг. на территории ближайшего Яломанского археологического микрорайона осуществлялись исследования по выявлению возможности использования лихенометрического ме-

тогда датирования курганов и тюркских оградок. Весной 2009 г. по просьбе одного из авторов монографии лихенометрическим методом проводились датировки петроглифов памятника Уркош-XV. Данная работа осуществлялась под руководством Н.И. Быкова, к.г.н., сотрудника АлтГУ, который предоставил следующую информацию. На почти вертикально расположенных скальных поверхностях был зафиксирован один вид накипного лишайника *Acaraspora agabientis*. В пределах контура крупного животного, расположенного с левой стороны, обнаружены две основные возрастные генерации, которые соответствовали диаметрам в 155–157,5 и 188,5 мм. В районе головы той же фигуры отмечена группа, вероятно, сросшихся, но уже отмерших лишайников этого же вида. На изображении оленя, находящегося справа, обнаружены лишайники одной возрастной генерации (диаметром 155–157 мм). Между этими крайними петроглифами лишайники указанного вида достигали диаметров 146, 167, 181,5 и 208 мм. Ранее исследования *Acaraspora agabientis* как индикаторного вида для датирования на Алтае не проводились, поэтому о возрасте зафиксированных изображений, по мнению специалистов, можно предполагать пока лишь предварительно. Этому в определенной мере могли бы способствовать находящиеся неподалеку изображения другой группы наскальных рисунков местонахождения Уркош-XV. Непосредственно в пределах контуров этих петроглифов обнаружены лишайники размерами 35–49 мм. С изображением крупного козла соприкасается лишайник диаметром до 90 мм. Если за начальную точку отсчета взять 49 мм, то возраст изображений в урочище Уркош может составлять от 3160 до 4590 лет, если 90 мм – то 1722–2500 лет. По мнению ученых, дополнительные лихенометрические исследования на петроглифических комплексах разного возраста в этом районе Центрального Алтая позволили бы создать и уточнить модель роста и более достоверно установить датировку наскальных изображений урочища Уркош.

В 2010 г. участниками Яломанской археологической экспедиции осуществлен мониторинг состояния памятников Уркошского микро-района, в ходе которого определено современное состояние известных объектов, уточнены их параметры, планировка и взаимное расположение. Одним из выявленных примеров антропогенного воздействия на памятники, помимо представленной выше ситуации с комплексом Большой Яломан-III, стало то, что на месте одиночного кургана Уркош-V оказалась возведена груда камней, похожая на «обо». Судя по всему, предполагаемое более древнее надмогильное сооружение не пострадало. В последующее время наваленные камни использовались местными жителями как основа для монтажа «пугала», которое должно было выполнять соответствующую функцию в связи с участвовавшими появлениями в урочище волков.

Помимо уточнения информации об уже известных комплексах, в 2010 г. был выявлен ряд новых памятников – местонахождения петроглифов Уркош-XVI-XVIII, XX, а также одиночный курган Уркош-XIX. На святилищах Большой Яломан-III и Уркош-XV осуществлены работы с привлечением специалистов по изучению наскального искусства (А.Н. Мухарева, Кемеровский государственный университет) и археоастрономии (Е.Г. Гиенко, Сибирская государственная геодезическая академия, Новосибирск). Результаты этих работ позднее частично опубликованы [Тишкин А.А., Гиенко Е.Г., Дружинина Е.В., 2012; Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016] и будут отражены ниже.

В данной информации, взятой из опубликованных статей, важной стороной являются методика проведенных исследований и полученные результаты.

В 2009 г. после проведения лихенометрических исследований удалось удалить лишь часть лишайников на крупных петроглифах местонахождения Уркош-XV. В 2010 г. расчистка нижней части плоскости была завершена. Освобожденные участки скальной поверхности отличались по цвету патины, но позволяли выявить линии, образующие крупную фигуру в левой части плоскости, а также изображение оленя, расположенное ниже. Сразу после расчистки выполнялась фиксация изображений. Методика копирования петроглифов местонахождения Уркош-XV на микалентную бумагу, а также переводение их маркерами на прозрачные материалы желаемого результата не принесли. Тем не менее на этапе камеральной обработки эта неполная копия была частями сканирована и в программе Photoshop смонтирована в единое цифровое изображение. Наиболее продуктивные результаты достигнуты при создании прорисовки по цифровой фотографии [Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016].

В 2011 г. было решено выполнить фотографирование рисунков с искусственно созданным постоянным источником света. В ходе ночной фотосъемки получены фотоснимки различного плана. Значительно усложняли работы размеры выполненных на плоскости основных фигур, а также самой скальной поверхности. Фотографирование такой плоскости одним кадром не позволяло прорисовать все фигуры. Соответственно, необходимо было сделать серию кадров при наиболее благоприятном освещении, из которых затем склеить панораму для прорисовывания. Затем поверх фотографий отдельным слоем выполнена цифровая прорисовка, на которой прослеживаются видимые линии и изображения, включая современную выбивку, особенности субстрата скальной поверхности, места, расчищенные от талломов лишайников, и т.д. К сожалению, даже при наличии цифрового фотоизображения высокого разрешения не все линии и фигуры удалось проследить. В результате проделанной работы удалось выявить основные изображения и создать графическую прорисовку композиции. Как было отмечено ра-

нее, основу ее составляют три крупные фигуры. Все они выполнены в единой своеобразной манере, характерной для изображений аржано-майэмирского времени. Выше этих двух оленей зафиксирована фигура лучника, стреляющего в одного из козлов, изображенных на плоскости. Стилистически эти фигуры соотносятся по манере исполнения с крупными изображениями оленей, однако, учитывая композиционные особенности сцены, можно предположить, что на плоскость они были нанесены уже после основных изображений, так как расположены на свободном поле и практически не перекрывают крупные рисунки. Таким образом, петроглифы пункта Уркош-XV относятся к одной эпохе и по стилистическому сходству с известными аналогиями могут быть датированы аржано-майэмирским временем [Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016]. Следует отметить, что объекты аржано-майэмирского времени (бийкенская культура) зафиксированы в 40 м к юго-востоку от этого пункта – на памятнике Яломан-XV [Тишкин А.А., Матрёнин С.С., Серёгин Н.Н., 2009]. Курганы локализованы в самой высокой части террасы, в непосредственной близости от ее края и постоянно расширяющегося карьера. По всей видимости, именно с ним могли быть связаны рассмотренные выше петроглифы.

Астрономические и геодезические исследования на памятниках Большой Яломан-III и Уркош-XV выполнялись с 4 по 6 августа 2010 г. Для измерений и вычислений использовались теодолит ТТ4 со штативом, GPS-навигатор «Garmin etrex», геодезическая рейка и программируемый калькулятор Casio FX-603P.

На каждом святилище приглашенным специалистом Е.Г. Гиенко выполнялись следующие измерения:

- общий осмотр памятника, определение возможных вариантов местоположения наблюдателя и отметок направлений;
- определение географических координат центра объекта и отдельных точек с помощью GPS-навигатора;
- определение астрономического азимута направления на приметную точку дальнего горизонта по наблюдениям Солнца;
- ориентировка основных направлений памятника;
- горизонтная съемка – измерение горизонтальных и вертикальных направлений на характерные точки горизонта (или «вывод на горизонт» характерных точек памятника).

Склонения суточных параллелей вычислялись для верхнего края диска Солнца (первый или последний луч) и для нижнего края диска Луны. При этом учитывались рефракция и суточный параллакс [Тишкин А.А., Гиенко Е.Г., Дружинина Е.В., 2012, с. 100].

Рассмотренные святилища Большой Яломан-III и Уркош-XV, расположенные недалеко друг от друга (но на разных бортах горного обрамления лога Уркош), имеют некоторые схожие черты. Их объединяет то, что каменные плоскости с петроглифами ориентированы к юго-вос-

току. В обоих случаях зафиксировано направление меридиана (южное направление, с учетом особенностей расположения плоскостей с наскальными рисунками). Под вопросом находится фиксация на обоих святилищах крайних южных направлений восходов Солнца и Луны. Возможно, древние люди сознательно использовали выделявшиеся каменные плоскости для реализации своих различных целей. Такая ситуация наблюдается не только в урочище Уркош, но и в других местах Алтая. Следует указать, что исследования на указанных памятниках необходимо продолжить, что существенным образом увеличит количество материалов, необходимых для более достоверных интерпретаций и реконструкций [Тишкин А.А., Гиенко Е.Г., Дружинина Е.В., 2012, с. 100].

Кроме указанных работ, была раскопана одиночная ограда Уркош-Х, исследование которой, несмотря на отсутствие каких-либо находок, позволило получить важную информацию о необычном для Центрального Алтая объекте, аналогии которому имеются значительно южнее. В частности, подобные сооружения зафиксированы в Кош-Агачском районе Республики Алтай [Савинов Д.Г., 1972; Дворников Э.П. и др., 2011; Буржуа Ж. и др., 2011а], а также в Баян-Ульгийском аймаке Монголии [Төрбат Ц. и др., 2009]. Такие объекты раскапывались, однако их интерпретация и датировка – довольно сложное дело из-за отсутствия необходимых археологических находок. Определенный вклад в решение имеющихся проблем могут внести естественно-научные методы при наличии соответствующих материалов [Буржуа Ж. и др., 2011б].

Открытие и публикация сведений о средневековой надписи на памятнике Большой Яломан-III [Тишкин А.А., 2006а; 2009а; Тишкин А.А., Матрёнин С.С., Горбунов В.В., 2006, с. 157] привлекли внимание исследователей. В полевом сезоне 2013 г. Чуйский отряд Североазиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН под руководством Г.В. Кубарева в ходе работ на территории Республики Алтай обследовал наскальные изображения святилища Большой Яломан-III, находящегося в урочище Уркош. При осмотре петроглифов данного местонахождения дополнительно обнаружены две новые рунические надписи, которые ранее не были зафиксированы. Подробное описание и результаты изучения трех надписей опубликованы [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014].

Таким образом, к настоящему времени на территории Уркошского археологического микрорайона выявлены 25 памятников: 14 погребально-поминальных комплексов, девять местонахождений петроглифов и два святилища (рис. 5). Имеющийся массив данных является важным источником для изучения и реконструкции специфики историко-культурной ситуации в обозначенной местности и на соседних территориях Центрального Алтая. Подробное описание обозначенных комплексов и результаты исследований представлены в следующих главах монографии.

ГЛАВА II

ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ УРКОШСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

Обследования и другие работы в урочище Уркош позволяют полностью представить полученную информацию. Перечень археологических памятников в данной главе для удобства восприятия и быстрого поиска дается в алфавитном порядке. Из этих же соображений иллюстрации демонстрируются в приложении. Общая характеристика места расположения урочища и памятников археологического микро-района отражена во введении и показана на серии рисунков (рис. 1–5). Здесь же будут даны сведения о каждом комплексе и зафиксированном объекте.

Большой Яломан-II (рис. 5–14)

На погребально-поминальном комплексе Большой Яломан-II изначально были отмечены восемь объектов. Шесть из них в 1989 г. раскопаны. Материалы исследований полностью опубликованы [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 41–47, рис. 4–16]. В связи с тем, что качество сборника, вышедшего в 1994 г., оставляет желать лучшего, авторы монографии посчитали необходимым продублировать описание результатов раскопок, представив иллюстрации, обработанные с применением современной оргтехники, и дополнив их фотоснимками существующего положения дел.

Курганный могильник «...расположен в 2,5 км к северу от устья р. Большой Яломан, то есть вниз по течению р. Катунь, на левом ее берегу (рис. 5). Находится на примыкающем к горам небольшом плато, представляющем собой древнюю коренную террасу Катунь высотой в несколько десятков метров (рис. 6–8). С востока от памятника проходит проселочная дорога, а в 0,8 км к северу расположено святилище Большой Яломан III с петроглифами в основном эпохи бронзы и скифского времени (рис. 6).

...Исследования были начаты с трех курганов (№1–3), сгруппированных в центре могильника в компактную цепочку, вытянутую с севера на юг (рис. 6). Насыпи их очень близко подходили друг к другу и были соединены широкими каменными перемычками. В общем, памятники эти представляли собой единый комплекс, и для изучения их был заложен один большой раскоп (рис. 9).

Курган №1 находился в северном конце цепочки. После снятия дерна зачищена округлая в плане насыпь из беспорядочно набросанных рваных камней диаметром 6,2 м, высотой 0,6 м (рис. 9). В центре кургана на его вершине выявлено небольшое кольцо с внутренним диаметром 1,6 м из уложенных в один слой более крупных камней (рис. 10). Внутри насыпи по ее периметру проходило второе кольцо внутренним диаметром 5,4 м, сложенное из крупного камня в 1–2 слоя на уровне древней поверхности (рис. 10).

Внутри большого кольца находилась прямоугольная со скругленными углами могильная яма (2,8 × 2,1 м; глубина от древнего горизонта 2,4 м), ориентированная длинной осью с запада на восток. У северо-западного ее угла на древнем горизонте найдены фрагменты неорнаментированного глиняного сосуда. В засыпке встречены отдельные угольки.

На дне, ближе к южной стенке ямы, стоял сруб в четыре венца из бревен около 0,2 м толщиной внутренними размерами 2 × 0,95 м. Сохранился тлен от продольного перекрытия из толстых плах.

В камере находились два человеческих костяка на правом боку, с подогнутыми ногами, черепами на восток. Вдоль южной стенки лежал костяк взрослого, далее к северу – подростка (рис. 11.-а).

В северо-восточном углу сруба обнаружены фрагменты двух лепных глиняных кувшинов, а у середины северной стенки найден крестец барана.

Курган №2 находился в центре цепочки и был соединен с предыдущими и последующими сооружениями широкими каменными перемычками (рис. 6). После зачистки выявлена округлая в плане насыпь из беспорядочно набросанных камней 6 м диаметром и 0,75 м высотой (рис. 9). У юго-восточной и северо-западной ее полы встречены фрагменты неорнаментированной керамики.

Внутри насыпи по ее периферии проходило кольцо внутренним диаметром 3,4 м, сложенное в один слой из более крупного камня (рис. 10). В центре кургана на его вершине выявлено меньшее кольцо диаметром 1,05 м (рис. 10). Такое же кольцо диаметром 1,6 м было пристроено к большому с северо-востока.

В центре большого кольца располагалась подчетыреугольная со скругленными углами могильная яма (0,95 × 1,35 м, глубиной от древнего горизонта 1,8 м), ориентированная длинной осью с запада на восток. В заполнении встречались отдельные угольки.

На дне стоял двухвенцовый сруб из бревен около 0,2 м диаметром внутренними размерами 1,4 × 0,65 м. Сохранился тлен от продольного перекрытия из толстых плах, поверх которых были уложены крупные плитообразные камни (рис. 11.-б).

Человеческий костяк очень плохой сохранности. Судя по костному тлену, он лежал вдоль южной стенки камеры на правом боку, с подогнутыми ногами, черепом на восток (рис. 11.-б).

В северо-восточном углу сруба находились крестец и кость ноги барана. У середины северной стенки и в северо-западном углу камеры обнаружены фрагменты раздавленных лепного высокогорлого кувшина и приземистого широкогрудого сосуда. Тесто обоих рыхлое, слоится, поверхность коричневатого цвета слегка подлощена.

Курган №3 находился в южном конце цепочки и заметно превышал по размерам предыдущие (рис. 6). Задернован. После зачистки выявлена округлая в плане насыпь из беспорядочно набросанных камней диаметром 8,65 м, высотой 0,6 м с грабительской западиной в центре (рис. 9). Среди камней западной полы найдены обломки двух трубчатых костей животного.

Внутри насыпи по ее периферии проходило кольцо внутренним диаметром 6,3 м, сложенное в 2–3 слоя из более крупного камня (рис. 10). В центре его располагалась подчетырехугольная со скругленными углами могильная яма (3 × 2,4 м, глубиной от древнего горизонта 1,6 м), ориентированная длинной осью с запада на восток (рис. 11.-в). В заполнении попадались отдельные кости двух человеческих скелетов и фрагменты керамики. Последние представлены обломком и частью уплощенного дна крупного лепного сосуда (рис. 13.-3), фрагментами тонкостенного кувшина с частью скругленного сверху венчика (рис. 13.-1), обломком грубого сосуда, имевшего короткий, отогнутый наружу и закругленный сверху венчик и орнамент в виде горизонтального пояса вертикальной насечки по верхнему краю плечиков (рис. 13.-2), фрагмент венчика со скошенной наружу верхней поверхностью (рис. 13.-4).

По периметру дна ямы сохранился тлен от бревенчатой камеры. Кости взрослого мужчины и подростка или молодой женщины разбросаны в беспорядке (рис. 11.-в). У дна обнаружены отдельные угольки, фрагменты керамики, крестец, поясничные позвонки и кость ноги молодого барана, обломок лезвия железного ножа (рис. 13.-5).

Захоронение №4 было пристроено с северо-запада к кургану №3 на некотором от него расстоянии (рис. 9 и 10). Представляло собой кенотаф, в котором помещалось погребение взнузданной и оседланной лошади. На поверхности оно было отмечено вытянутой с севера – северо-запада на юг – юго-восток сплошной каменной выкладкой 2,5 × 1,54 м.

Под выкладкой обнаружена подчетырехугольная, со скругленными углами яма (1,7 × 1,3 м, глубиной от древнего горизонта 0,76 м), ориентированная длинной осью с севера на юг (рис. 12.-а). На дне лежал костяк лошади с поджатыми под живот ногами и с ориентировкой на север. Голова ее развернута в обратную, т.е. южную сторону и покоилась у правой лопатки (рис. 12.-а).

В зубах сохранились железные удила с четырехугольными удлиненными окончаниями, имевшими небольшие округлые отверстия, куда были вставлены железные эсовидно изогнутые псалии с круглым сечением и уплощенными окончаниями (рис. 13.-7). В области живота ле-

жали роговая подпружная пряжка с округлой головкой и подвижным язычком (рис. 13.-б) и два железных стремени с петлями для продевания ремня на более узкой шейке, округлым сечением и неширокой уплощенной опорной пластиной для ног (рис. 13.-10, 11). В области спины, чуть выше крестца, лежали бедренная и берцовая кости ноги барана, а между ними два берестяных украшения седла или переметной сумы, в которой хранилась баранина. Оба берестяных украшения вырезаны по форме полумесяцев (рис. 13.-8, 9). Одна их сторона орнаментирована проходящим по периметру узким кантом, внутри которого помещен растительный узор. Весь орнаментальный мотив состоит из нетронутой поверхности, тогда как вся остальная покрыта сплошь тонкими сетчатыми резами.

Погребение №5 находилось в 10 м к югу от кургана №3 (рис. 6), на поверхности отмечено вымосткой из довольно крупных камней $2,9 \times 2,8$ м неопределенной формы (рис. 12.-б).

Под вымосткой находилась овальных очертаний могильная яма ($1,5 \times 1,32$ м, глубиной от древнего горизонта 1,1 м), ориентированная длинной осью с запада на восток.

На дне лежал человеческий костяк на правом боку, так, что пяточные кости вплотную примыкали к тазу, черепом на восток (рис. 12.-б).

Выкладка №6 находилась в 5 м к юго-востоку от предыдущего погребения (рис. 6). Представляла собой овал из рваных камней $1,8 \times 1,6$ м. Под нею нетронутый грунт (рис. 12.-в)» [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 41–47, рис. 4–16].

В настоящее время остался хорошо различимый на поверхности раскоп, который не был рекультивирован (рис. 14).

Археологический комплекс Большой Яломан-II располагается в 400 м на север от обнаруженного позднее некрополя Уркош-XIII, находящегося рядом с зимником (рис. 5–6). Географические координаты раскопанного памятника, полученные с помощью GPS-приемника, такие: N – $50^{\circ}32.696'$; E – $086^{\circ}34.026'$. Высота над уровнем моря, зафиксированная тем же прибором, – 832 м.

Большой Яломан-III (рис. 5, 15–39)

Памятник с живописной скалой с петроглифами и надписями находится на высокой террасе левого берега Катуня ниже устья р. Большой Яломан (рис. 5, 15–16). Его географические координаты по GPS-приемнику такие: N – $50^{\circ}33.017'$; E – $086^{\circ}34.162'$. Высота над уровнем моря – 803 м.

Как уже было отмечено в первой главе, в 1980-е гг. горно-алтайский археолог О.В. Ларин указал этот замечательный объект своему коллеге А.С. Суразакову [1996], который провел там небольшие раскопки, кратко опубликовав предварительные результаты. Отмеченный комплекс представляет исключительную научную важность и является историко-культурным памятником, требующим особого внимания.

Обследование местности у святилища и наблюдение за состоянием писаницы осуществлялись с 2001 г. Яломанской археологической экспедицией АлтГУ. В результате кратковременных посещений было сделано немного. Удалось уточнить месторасположение комплекса и соотнести его с другими археологическими памятниками. Оказалось, что святилище располагается рядом с логом Уркош, обозначенным на карте, в 3-х км к северу от устья р. Большой Яломан. От него до бывшего зимника на юг – юго-запад – 1,1 км, а к востоку до Чуйского тракта – около 0,3 км (рис. 5, 15). Напротив, на правом берегу Катунь, находится урочище Сальдяр с одноименными археологическими объектами [Ларин О.В., 2005].

В результате проведенных обследований выяснилось, что неподалеку от указанного комплекса располагается несколько групп погребальных сооружений и петроглифов, получивших обозначения по наименованию лога. По всей видимости, существует определенная связь между выявленными наскальными изображениями и зафиксированными курганами. Стоит отметить, что их изучение является перспективным направлением при комплексном подходе при проведении исследований.

Основной массив петроглифов (рис. 17–29) святилища Большой Яломан-III располагается на сглаженных каменных блоках, которые выделяются на фоне подножья горы (рис. 16.-б). На центральном выступе находятся две композиции (рис. 17). Одна из них, условно обозначенная как «Охота» (рис. 18), демонстрирует сюжет, который будет более подробно описан в третьей главе монографии. Именно эти наскальные рисунки в первую очередь привлекают внимание при посещении святилища Большой Яломан-III. Главными персонажами являются люди в своеобразных грибовидных головных уборах (рис. 19). Они детально фотографировались во время обследований и при копировании на прозрачный целлофан с помощью фломастеров (рис. 20.-а). К настоящему моменту удалось сделать прорисовку только нижней части композиции (рис. 20.-б). Опыт фиксации этих же изображений уже был раньше опубликован А.С. Суразаковым [1996, рис.] и представлен в настоящем издании (рис. 25.-а). Попытка отразить все петроглифы рассматриваемой композиции также предпринималась (рис. 21). Данный рисунок опубликован [Тишкин А.А., Чекрыжова О.И., 2004а, рис. 1]. Эти предварительные прорисовки могут рассматриваться в качестве сравнительного материала при дальнейшей работе на памятнике. Именно они послужили основанием для привлечения в экспедицию специалистов по наскальному искусству. Под руководством кемеровской исследовательницы А.Н. Мухаревой был реализован ряд необходимых мероприятий, результатами которых стали сделанные фотоснимки и полученные прорисовки нескольких сюжетов (рис. 16.-б, 20.-б, 24, 27.-б)*.

* Авторы благодарны А.Н. Мухаревой за сотрудничество и выполненные прорисовки, вошедшие в монографию в качестве иллюстраций.

При копировании на одной из плоскостей осуществлялось снятие лишайников (рис. 22), которые закрывали имевшиеся изображения (рис. 23). В этом месте А.Н. Мухаревой копировался (также фломастером на прозрачный целлофан) уже ранее опубликованный сюжет [Суразаков А.С., 1996, рис.], связанный с группой идущих оленей и другими животными (рис. 25.-б). Новая прорисовка (рис. 24) демонстрирует массу деталей и существенно уточняет предыдущую копию. При этом она демонстрирует опять же только нижнюю часть изображений зафиксированной плоскости (рис. 23). Для получения полной картины (рис. 22) потребуется много дополнительного времени.

Еще один сюжет, который копировался с помощью прозрачного целлофана, условно обозначен как «Нападение на крупного оленя» (рис. 26, 27.-а). Полученная прорисовка (рис. 27.-б), как и две предыдущие, публикуются впервые. Следует отметить, что большинство петроглифов святилища Большой Яломан-II копировались с помощью самоклеющейся пленки Ogasa1. Такая работа выполнялась участником Яломанской археологической экспедиции АлтГУ О.И. Чекрыжовой и другими сотрудниками.

Еще одна сложная композиция (рис. 28.-а) находится на плоскости того же большого валуна, на котором изображены люди с грибовидными головными уборами (рис. 17), о чем речь шла выше. Особое внимание привлекает характерное изображение оленя, а под ним сюжет с участием всадника и двух пеших людей (рис. 28.-а-б). Данная композиция имеет много палимпсестов. При детальном копировании будет трудно разобраться с имевшими место изобразительными пластами. Однако эта и подобная работа даст возможность установить относительную датировку петроглифов.

Отдельные сюжеты и изображения (рис. 29), в том числе животных (верблюд (рис. 29.-а, в), козлики (рис. 29.-б), олень (рис. 29.-г)) и людей (рис. 29.-д), зафиксированы в разных местах скального массива. Часть древних рисунков перекрыта современными надписями (рис. 29.-е). Такие же следы имеются и на других плоскостях и отдельных камнях у подножья горы. Каждый год такие выбивки добавляются, что угрожает образцам древнего и средневекового наскального искусства.

Как уже было отмечено в первой главе, кроме наскальных изображений, выбитых на скальных поверхностях, были обнаружены три надписи и изображения, выполненные краской (рис. 30–37). Они расположены на одной и той же каменной плоскости (рис. 30), размеры которой составляют около 1,1 × 0,7 м [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014]. Авторы указанной публикации приводят следующую развернутую информацию об этой плоскости и обнаруженных на ней изображениях [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014, с. 78–79], которая сопровождается иллюстрациями, размещенными в данной монографии (рис. 30–37): «...Она представляет собой вертикальную скальную по-

верхность сланцевой породы, имеющую небольшой отрицательный наклон и образующую подобие навеса. Рунические знаки выполнены тонкими резаными линиями, их размер 4–5 см. Первая надпись вырезана в верхней части скальной плоскости в две почти вертикальные строки (рис. 36, 37). Некоторые знаки не очень четкие, что отчасти обусловлено неровной фактурой камня в этом месте. Вторая руническая надпись находится правее и ниже первой, примерно в 25 см от нее.

На первую строку верхней надписи, а также на нижнюю часть второй налегает большая схематичная фигура козла (?) с длинными рогами (рис. 36). Она выполнена тонкой линией красно-желтой краски и едва различима. Показан только контур животного. Это изображение нанесено поверх рунических надписей и, следовательно, является более поздним по сравнению с ними, но насколько – с уверенностью сказать сложно.

Слева, справа и сверху рунические надписи окаймляют надпись уйгурским письмом и изображения, выполненные черной краской. Несомненно, они нанесены позднее рунических надписей, и их автор видел вырезанные до него знаки. Правее и выше рунических надписей, у самого края скальной поверхности находится надпись уйгурским письмом (рис. 31, 32, 36), уже открытая ранее барнаульскими археологами... Ее нижняя часть приходится на незавершенную выбитую контурную фигуру животного. Слева от рунических надписей имеются изображения вертикально расположенных копий (?) и отдельный знак (рис. 35), справа – несколько плохо различимых знаков (рис. 34, 36), которые выполнены широкими линиями и больше всего напоминают пробные мазки кистью (четко видны следы неравномерно прокрашенных пучков).

Еще на одной скальной поверхности, отделенной от уже описанной уступом и находящейся над ней, черной краской нанесены изображения и знаки (рис. 31.-б, 32-б). Размеры этой плоскости 50 × 70 см. Отдельные знаки напоминают тамги, а центральное изображение – фигуру оленя (?).

Благодаря отрицательному наклону скальной поверхности (подобие небольшого навеса, защищающего от дождя и снега) надписи, а также другие знаки и изображения, нанесенные черной и красной красками, сохранились до наших дней».

Результаты специального изучения надписей будут подробно изложены в следующей главе. Прежде чем перейти к описанию другой части осуществленных работ на святилище Большой Яломан-II, следует отметить, что в демонстрируемых иллюстрациях, наряду с дублированием фотоснимков и прорисовок, нашедших отражение в важной статье Л.Ю. Тугушевой, С.Г. Кляшторного и Г.В. Кубарева [2014, рис. 1–6], для сравнения даны ранее опубликованные отдельные материалы [Тишкин А.А., 2006а; 2009а], а также приводятся некоторые другие, еще не введенные в научный оборот.

В ходе астрономических изысканий, проводимых под руководством Е.Г. Гиенко, на площадке перед плоскостью с наскальными изображениями были определены основные направления (восточное и южное):

- наблюдатель, стоящий на площадке спиной к рисункам, смотрит на юго-восток;

- строго на восток от площадки (в пределах 1 градуса) расположена современная выкладка – «обо» (возможно, она сделана на месте древнего сооружения);

- к югу от рисунков расположены курганы.

Перед этим были определены географические координаты святилища Большой Яломан-III спутниковым навигатором «Garmin etrex» в системе координат WGS-84: N – 50°33,0'; E – 86°34,1'. Высота над уровнем моря, полученная тем же прибором, составила 822 м. Результаты дальнейших работ отражены в статье А.А. Тишкина, Е.Г. Гиенко и Е.В. Дружининой [2012, с. 101–102] следующим образом: «В юго-восточном направлении от плоскости с петроглифами, примерно в 100 м, по склону расположены две небольшие прямоугольные площадки размерами примерно 1,5 × 1 м (верхняя и нижняя) (рис. 38). Результаты измерений и вычислений показали, что в направлении нижней площадки наблюдается восход Солнца в зимнее солнцестояние (крайнее южное положение восхода Солнца), а в направлении верхней площадки – восход низкой южной Луны (также крайнее южное положение восхода Луны) (рис. 39). Явных доказательств, что площадки использовались в древности именно для фиксации указанных астрономических событий, нет. Но сделанные заключения можно принять в качестве предположений и рассмотреть следующие детали.

Как верхняя, так и нижняя площадки не «касаются» горизонта при наблюдении их от рисунков, поэтому возникают вопросы о способах проекции их на горизонт в древности и точности фиксирования астрономических направлений. Проекция положений площадок на горизонт в данном случае могли выполняться наблюдателем по отвесу или с помощью вертикального шеста (жезла, посоха). Сначала могли быть определены значимые направления, а потом зафиксированы выкладкой площадок.

При расстоянии до площадки примерно 100 м и изменении положения наблюдателя на 1 м ошибка в направлении составляет величину 0,6 градуса. В пересчете на время годичного движения Солнца в промежутке, близкий к зимнему солнцестоянию, эта ошибка соответствует примерно 10 суткам. То есть восход Солнца над нижней площадкой можно наблюдать от петроглифов в течение недели до зимнего солнцестояния, 3–4 дня во время солнцестояния (солнцеворот) и неделю после события. Для ведения точного календаря этого явно недостаточно.

Крайнее южное положение восхода Луны над верхней площадкой можно наблюдать в различные сезоны в разных фазах: в летнее солнцестояние – это полнолуние, в зимнее солнцестояние – старый месяц, близкий к новолунию. В последнем случае стареющий месяц восходит ранним утром в крайнем южном положении (над верхней площадкой), а затем наблюдается крайний южный восход зимнего Солнца над нижней площадкой. Фазы Луны повторяются по дням года раз в 19 лет, а период прецессии орбиты Луны – 18 и 2/3 года, или целое число лет – 56. То есть описываемое событие наблюдается весьма редко. На следующий день после восхода «самого старого» месяца наступает новолуние и зимнее солнцестояние. Спустя 2–3 дня «рождается» молодой месяц. Он становится видимым вечером на закате, и Солнце после замирания в своем крайнем положении начинает обратный путь на Север. Возможно, такое сочетание восходов светил и календарных событий (стареющий месяц и «замирание» Солнца в день зимнего солнцестояния, а затем возрождение Солнца и рождение месяца) было отмечено на святилище Большой Яломан-III. Однако если это событие имело место, то оно должно было найти свое отражение в наскальных рисунках. Однако эта ситуация не рассматривалась». Необходимо дальнейшее комплексное изучение всех петроглифов обозначенного памятника и их сопоставление с астрономическими наблюдениями, а также с материалами культурного слоя святилища.

Уркош-I (рис. 5, 40–43)

Археологический комплекс находится на левом берегу Катуни в 2,83 км (расстояние до памятника, если ехать по дороге на автомобиле, составляет 3,33 км) к северу от моста через р. Большой Яломан, по которому идет полотно Чуйского тракта, в 5,4 км к северу – северо-западу от с. Малый Яломан (рис. 5). От памятника примерно в 300 м к востоку проходит Чуйский тракт, а в 900 м на юго-западу располагается зимник, к которому ведет полевая дорога. В 178 м к северо-западу от данного некрополя находится святилище Большой Яломан-III (рис. 40). Географические координаты кургана №1 данного комплекса, полученные с помощью GPS-приемника, следующие: N – 50°32.898'; E – 086°34.171', высота над уровнем моря – 814 м. Такие же показатели зафиксированы на других объектах: курган №5 (N – 50°32.903'; E – 086°34.166', высота над уровнем моря – 815 м) и курган №31 (N – 50°32.920'; E – 086°34.184', высота над уровнем моря – 815 м). Общая площадь могильника составляет 47 м по линии Ю–С и 26,5 м по линии З–В (рис. 40–41).

Погребальный комплекс Уркош-I представляет собой компактную группу из 35 курганов, расположенных на слегка наклонной поверхности третьей надпойменной террасы Катуни, ограниченной с западной и северной стороны небольшим логом (рис. 41). Большинство зафиксированных объектов имеют небольшие (от 1,6 до 6 м в диаметре,

при высоте от 0,1 до 0,5 м) задернованные каменные насыпи овальной формы, вытянутые длинной осью с юга на север (рис. 40–43). Они образуют не менее шести ориентированных в широтном направлении цепочек (возможно, состоящих, в свою очередь, из микроцепочек), которые выстроены в плотные ряды (рис. 40). Курганы в цепочках часто соединены друг с другом полами насыпей, а в некоторых случаях пристроены друг к другу надмогильными сооружениями. По периметру большинства объектов отмечены однослойные выкладки-креpidы из более крупных камней. Четыре кургана (№29–32), сконцентрированные в северной части некрополя (рис. 40, 42), отличаются от остальных более крупными размерами и имеют конструкцию в виде многослойной выкладки – стенки из плоских, заранее подработанных каменных плит (рис. 43.-а). Информация о предварительных итогах обследования данного археологического комплекса представлена ниже.

Курган №1 находится в 2,5 м к западу от полевой дороги и открывается с востока цепочку курганов №1–4. Он представляет собой слегка задернованную плоскую каменную насыпь округлой формы с однослойной выкладкой-креpidой по периметру. Размеры объекта: 2,2 × 2 м, высота 0,1 м.

Курган №2 зафиксирован в 0,2 м к западу от края предыдущего объекта и имеет задернованную насыпь овальной в плане формы с кольцевой креpidой в один слой по внешнему контуру. Его размеры: 2,2 × 1,6 м, высота 0,1 м.

Курган №3 расположен в 2,5 м к западу от края кургана №2 и представляет собой небольшую, слегка задернованную, плоскую насыпь овальных очертаний с кольцевой креpidой в один слой по периметру. Размеры объекта: 2 × 1,3 м, высота 0,1 м.

Курган №4 обнаружен в 2 м к северо-западу от кургана №3. На поверхности фиксируется задернованная плоская каменная насыпь круглой формы с выкладкой-креpidой в основании (размеры 2 × 2 м, высота 0,15 м).

Курган №5 находится в 6,5 м к северу от края кургана №3 и втиснут в цепочку объектов №6–10. Это слегка задернованная уплощенная каменная насыпь овальной формы с кольцевой креpidой по периметру. Размеры объекта: 5,1 × 4 м, высота 0,3 м.

Курган №6 расположен в 5,5 м к северо-востоку от края предыдущего объекта и является самым крайним с востока в цепочке курганов №6–10. Насыпь округлой формы была обложена по периметру более крупными рваными камнями, которые образуют кольцевую креpidу. Размеры объекта: 2,9 × 2,5 м, высота 0,1 м.

Курган №7 находится в 0,2 м на запад – северо-запад от предыдущего кургана. Он имеет вытянуто-овальную форму и сложен из рваных камней. По внешнему контуру надмогильного сооружения отмечена крепида. Размеры кургана: 1,8 × 1,2 м, высота 0,05 м.

Курган №8 примыкает с юго-западной стороны к предыдущему объекту. В свою очередь, с севера к нему присоединена наземная конструкция кургана №14. Курган №8 представляет собой задернованную каменную насыпь округлой формы, по периметру которой уложены более крупные камни, образующие крепиду. Его размеры: $2,75 \times 2,8$ м, высота 0,25 м.

Курган №9 находится в 0,5 м к северо-западу от края кургана №5. Это задернованная уплощенная насыпь из камней округлой формы, по периметру которой прослежена крепиды. Размеры кургана: $5,2 \times 4,5$ м, высота 0,3 м.

Курган №9а пристроен с восточной стороны к кольцевой крепиде предыдущего объекта и имеет задернованную каменную насыпь в виде полукольца-крепиды. Его размеры: $1,5 \times 1,3$ м, высота 0,1 м.

Курган №10 расположен в 0,35 м к западу от края кургана №9. Он оформлен в виде каменной насыпи овальной формы с крепидой по периметру. Размеры объекта: $2,8 \times 2$ м, высота 0,2 м.

Курган №11 находится в 5,3 м к северо-востоку от края кургана №6, в 2,5 м к востоку – юго-востоку от кургана №15. Объект представляет собой задернованную уплощенную каменную насыпь овальной формы, ориентированную длинной осью с юга на север. Его размеры: $2,7 \times 1,2$ м, высота 0,1 м.

Курган №12 обнаружен в 4 м к западу от края кургана №11, в 2,5 м к северу – северо-востоку от кургана №7 и соприкасается с западной стороны с западной стороны с наземным сооружением кургана №13. Описываемый объект представляет собой задернованную плоскую каменную насыпь округлой формы, размерами $1,7 \times 1,4$ м, высотой 0,1 м.

Курган №13 примыкает с запада к предыдущему кургану и имеет задернованную плоскую каменную насыпь округлой формы с более крупными камнями по периметру. Его размеры такие: $2,2 \times 1,6$ м, высота 0,2 м.

Курган №14 зафиксирован в 1 м к северу от края кургана №8. Он представляет собой плоскую каменную насыпь округлой формы с крепидой, размерами $2,6 \times 2,2$ м, высотой 0,25 м.

Курган №15 находится на расстоянии 0,8 м с восточной стороны от курганов №12, 16 и входит в цепочку объектов №11–22, вытянутую по линии ЗСЗ – ВЮВ. Объект имеет плоскую каменную насыпь округлой формы с более крупными камнями по периметру, размерами $2 \times 1,8$ м, высотой 0,1 м.

Курган №16 расположен в 0,4 м к западу – северо-западу от кургана №15 и соединяется западной полкой с курганом №17. Насыпь сложена из камней и сильно задернована. По ее периметру отмечены следы крепиды. Размеры объекта: $1,7 \times 1,3$ м, высота 0,05 м.

Курган №17 сливается восточным краем с наземным сооружением предыдущего объекта и представляет собой сооружение в виде плоской

задернованной каменной насыпи круглой в плане формы с крепидой, его размеры $2,7 \times 2,7$ м, высота 0,1 м.

Курган №18 отстоит на 0,3 м к западу от края кургана №17. На поверхности он фиксируется в виде задернованной плоской каменной насыпи округлой формы с выкладкой-крепидой. Размеры объекта: $3,8 \times 3,6$ м, высота 0,15 м.

Курган №19 находится в 1 м к западу от кургана №18 и имеет задернованную плоскую каменную насыпь округлой формы с крепидой. Размеры объекта: $1,8 \times 1,5$ м, высота 0,1 м.

Курган №20 обнаружен в 1,5 м к северо-западу от края кургана №19. Он соприкасается с восточной стенкой крепиды кургана №21 и представляет собой задернованную плоскую каменную насыпь овальной формы с крупными камнями в основании, размерами $4,2 \times 3,7$ м, высотой 0,1 м.

Курган №21 примыкает с восточной стороны к насыпи предыдущего объекта и отстоит на расстоянии 0,5 м к востоку от края кургана №20. Задернованная плоская каменная насыпь с крепидой подовальной формы, ориентированная длинной осью по линии ЮЮЗ–ССВ, имеет такие размеры: $4,2 \times 3$ м, высота 0,2 м.

Курган №22 зафиксирован в 0,35 м к западу от края кургана №21 и представляет собой задернованную каменную насыпь округлой в плане формы, оконтуренную по краю крепидой. Его размеры: $3 \times 2,9$ м, высота 0,15 м.

Курган №23 расположен в 1,1 м к северу – северо-востоку от края кургана №16 и образует вместе с курганом №24 микроцепочку, параллельную линии курганов №11–22. Объект имеет задернованную плоскую каменную насыпь округлой формы с крепидой по периметру. Его размеры: $2,3 \times 1,85$ м, высота 0,05 м.

Курган №24 соприкасается с восточной стороны с предыдущим курганом и представляет собой задернованную плоскую каменную насыпь круглой формы с крепидой в основании. Размеры объекта: $2 \times 1,9$ м, высота 0,05 м.

Курган №25 находится в 1,5 м к северу от края насыпи кургана №20 и входит с курганом №26 в одну микроцепочку, параллельную линии погребальных сооружений №11–22. Он представляет собой надмогильную конструкцию в виде задернованной каменной наброски круглой формы с крепидой в основании, размерами $2,5 \times 2,5$ м, высотой 0,17 м.

Курган №26 обнаружен в 0,25 м к западу от предыдущего объекта и представляет собой конструкцию в виде задернованной уплотненной каменной насыпи овальной в плане формы с крепидой. Его размеры: $3 \times 2,25$ м, высота 0,2 м.

Курган №27 зафиксирован в 0,5 м к северу от края кургана №25 и открывает с востока микроцепочку, состоящую из курганов №27 и 28. Он имеет задернованную плоскую каменную насыпь округлой

формы с кольцом-крепидой в основании. Размеры объекта: $3 \times 2,8$ м, высота 0,2 м.

Курган №28 отстоит на 0,55 м к западу от края предыдущего кургана и представляет собой каменную задернованную насыпь в виде уплощенной выкладки с крепидой по периметру. Размеры объекта: $3,5 \times 2,5$ м, высота 0,2 м.

Курган №29 расположен в северной части могильного поля на расстоянии 7 м к северо-востоку от края кургана №27. По периметру данной насыпи лежат крупные плоские каменные плиты, являющиеся развалом сооружения в виде многослойной кольцевой выкладки-стенки. Размеры объекта: $6,4 \times 6,4$ м, высота 0,45 м. В центре кургана имеется западина диаметром 2,7 м и глубиной 0,2 м.

Курган №30 находится в 3,5 м к северо-востоку от края кургана №29. Он представляет собой объект с разрушенной кольцевой выкладкой-стенкой, первоначальных размеров $3,35 \times 2,8$ м, из горизонтально уложенных друг на друга в несколько слоев каменных плит. Общие параметры надмогильного сооружения: $8 \times 6,5$ м, высота 0,45 м. В центре отмечена западина размерами $3,25 \times 2,8$ м и глубиной 0,3 м.

Курган №30а примыкает вплотную с юго-западной стороны к кургану №30. Он представляет собой небольшую выкладку округлой формы следующих размеров: $2,2 \times 2$ м, высота 0,3 м.

Курган №31 зафиксирован в 0,7 м к северу от края развала кургана №30 и представляет собой разрушенное надмогильное сооружение с многослойной кольцевой выкладкой из горизонтально уложенных друг на друга, плоских, заранее подработанных каменных плит. Фиксируемые размеры объекта: $5,5 \times 4,5$ м, высота 0,35 м.

Курган №32 обнаружен в 2 м к западу от края развала предыдущего кургана. По конструкции он аналогичен объектам №29–31. Разрушенная насыпь с многослойной выкладкой стенкой из плотно уложенных друг на друга каменных плит в центре имеет западину размерами $2,5 \times 2$ м, глубиной 0,15 м. Размеры кургана: $5,5 \times 5$ м, высота 0,3 м.

Курган №33 находится в 7 м к северо-западу от кургана №29. Объект сильно задернован и прослежен на поверхности только по отдельно выступающим камням, образующими выкладку овальных очертаний. Размеры кургана: $3,8 \times 2,6$ м, высота 0,05 м.

Сплошное исследование представленных объектов может дать определенный объем информации, необходимой при изучении булан-кобинской археологической культуры.

Уркош-II (рис. 5, 44–46)

Археологический комплекс находится в 2,67 км на север от моста через р. Большой Яломан, по которому проходит полотно Чуйского тракта, в 530 м к западу – северо-западу от указанной автомагистрали (рис. 5). От кургана №2 данного могильника на восток – северо-восток до нек-

рополя Уркош-I – 230 м. Географические координаты данного комплекса получены с помощью GPS-приемника: курган №1 – N – 50°32.975'; E – 086°34.058' (высота над уровнем моря – 843 м), курган №4 – N – 50°32.922'; E – 086°33.975' (высота над уровнем моря – 863 м).

Памятник представлен четырьмя курганами (размерами от 6,5 до 8,5 м, высотой от 0,35 до 0,7 м), которые расположены на двух мысовидных выступах четвертой надпойменной террасы левого берега Катуни, упирающихся в отвесный горный склон (рис. 44–45). Насыпи курганов находятся на склоне террасы, поэтому сильно пострадали в результате ежегодного таяния снега и дождевых потоков, а также обильного камнепада. Ниже представлено более подробное описание выявленных объектов.

Курган №1 находится на северном мысовидном выступе, в 15 м к востоку – юго-востоку от скалистого склона. Он представляет собой задернованную и поросшую низким кустарником полусферическую каменную насыпь овальной в плане формы 8,5 × 7 м, высотой 0,6 м, сложенную из крупных рваных камней (рис. 46.-а). Восточный край кургана ниже западного и частично сполз вниз по террасе.

Курган №2 расположен на южном мысовидном выступе, в 63,5 м к юго-западу от края кургана №1. Он представляет собой сооружение в виде задернованной и поросшей кустарником полусферической насыпи округлой формы размерами 8,7 × 8 м, высотой 0,65 м из крупных обломков рваного камня. В центре объекта отмечена западина диаметром 3 м, глубиной 0,3 м (рис. 46.-б).

Курган №3 обнаружен в 1 м к западу – северо-западу от предыдущего кургана. Это сложенная из крупных рваных камней, задернованная и оплывшая насыпь размерами 6,5 × 5 м, высотой 0,35 м.

Курган №4 зафиксирован в 30,5 м к юго-западу от края кургана №2 и представляет собой задернованную, поросшую низким кустарником, полусферическую каменную насыпь диаметром 7,5 м, высотой 0,7 м. В центре объекта находится массивный скальный обломок высотой более двух метров.

Уркош-III (рис. 5, 47–49)

Археологический комплекс расположен в 5 км к северу – северо-западу от с. Малый Яломан, в 2,5 км к северу от моста через р. Большой Яломан, по которому проходит полотно Чуйского тракта, в 180 м на юго-запад от могильника Уркош-II (рис. 5). От памятника на восток до Чуйского тракта – 650 м. Географические координаты данного комплекса получены с помощью GPS-приемника: курган №1 – N – 50°32.903'; E – 086°33.817' (высота над уровнем моря – 891 м), курган №6 – N – 50°32.910'; E – 086°33.788' (высота над уровнем моря – 898 м).

Памятник насчитывает шесть курганов с каменными насыпями диаметрами от 5,7 до 10 м и высотой от 0,45 до 0,8 м, которые рас-

положены двумя ориентированными с севера на юг цепочками на мысовидных выступах четвертой левобережной террасы Катунь, примыкающей к горам (рис. 47–49). Площадь памятника пострадала от камнепадов, а также от схода дождевых и снеговых вод (рис. 48).

Курган №1 представляет собой полусферическую сползшую вниз по склону каменную насыпь округлой в плане формы (размерами 8,7 × 8 м, высотой 0,45 м), в центре которой отмечена западина диаметром 4 м, глубиной 0,2 м. Объект является самым южным в группе объектов №1–3.

Курган №2 зафиксирован в 7 м к северу от края кургана №1. Имеет сползшую по склону полусферическую каменную насыпь размером 8 × 7 м, высотой 0,5 м.

Курган №3 находится в 1 м к западу от предыдущего объекта и представляет собой задернованную и сильно оплывшую каменную наброску диаметром 5,7 м, высотой 0,15 м.

Курган №4 расположен в 42 м к западу – юго-западу от края кургана №1 и открывает с юга цепочку погребальных сооружений №4–6. Его насыпь сложена из крупных камней и имеет размеры 4 × 3,5 м при высоте 0,25 м.

Курган №5 обнаружен в 4 м к северу от предыдущего объекта. Он имеет полусферическую подовальную в плане насыпь размером 8 × 6 м, высотой 0,75 м, сложенную из крупных и средних камней.

Курган №6 находится в 5,5 м к северу от края предыдущего кургана и представляет собой конструкцию в виде каменной полусферической насыпи овальных очертаний размером 11,8 × 8 м, высотой 0,8 м.

Объект №7 зафиксирован в 11 м к северу-западу от края кургана №2 и представляет собой выкладку из массивных скальных обломков подпрямоугольной формы (длиной с северо-запада на юго-восток 19 м, шириной 9 м, высотой до 0,45 м). Сооружение примыкает с юга к отвесному горному склону. Определить функциональное назначение этой постройки пока не представляется возможным.

Уркош-IV (рис. 5, 50–51)

Археологический комплекс расположен в 2,4 км к северу – северо-западу от моста через р. Большой Яломан, по которому проходит Чуйский тракт, в 0,77 км к западу от этой автомагистрали. В 0,15 км к северо-востоку от него находится могильник Уркош-III (рис. 5). Географические координаты данного памятника получены с помощью GPS-приемника: курган №1 – N – 50°32.868'; E – 086°33.728' (высота над уровнем моря – 886 м), курган №3 – N – 50°32.887'; E – 086°33.737' (высота над уровнем моря – 894 м). Рассматриваемый комплекс занимает место над четвертой надпойменной террасой левого берега Катунь, в непосредственной близости с границей скалистого склона горы (рис. 50). Значительная часть пространства

террасы пострадала от обильного камнепада и схода дождевых потоков. В ходе обследования зафиксированы три объекта (рис. 50–51), описание которых представлено ниже.

Курган №1 обнаружен рядом с горным массивом. Имеет насыпь округлой в плане формы размерами 8 × 8 м, высотой 0,5 м, с неглубокой западиной в центре. Надмогильное сооружение возведено из крупных рваных камней, уложенных несколькими слоями, в том числе с элементами кладки.

Объект №2 – это каменная выкладка округлых очертаний (диаметром до 5 м, высотой не более 0,3 м), которая выявлена в 30 м к северу – северо-востоку от кургана №1.

Объект №3 находится в 7 м к северу – северо-западу от предыдущего сооружения и представляет собой аналогичную по внешнему виду каменную кольцевую выкладку диаметром около 5 м, высотой до 0,3 м.

Уркош-IVa (рис. 5, 50, 52)

Местонахождение петроглифов расположено в 7 м к западу от кургана №1 памятника Уркош-IV. Зафиксировано несколько изображений козликов.

Уркош-IVб (рис. 5, 50, 53)

Местонахождение петроглифов обнаружено в 170 м к западу – юго-западу от кургана №1 археологического комплекса Уркош-IV. Географические координаты данного памятника по GPS-приемнику: N – 50°32.836'; E – 086°33.580'. Высота над уровнем моря – 893 м. Зафиксировано несколько изображений козликов с длинными рогами.

Уркош-V (рис. 5, 54–55)

В ходе обследований в 2004 г. выявлен одиночный курган с задернованной каменной наброской диаметром 7 м, высотой до 0,35 м, расположенный в 3 км к северу – северо-востоку от моста через р. Большой Яломан, по которому проходит полотно Чуйского тракта (рис. 5). Объект находится на невысоком «холмообразном» выступе третьей надпойменной террасы Катунь, недалеко от горного массива. От памятника в 0,24 км на восток располагается Чуйский тракт, а в 0,185 км к югу – юго-западу – могильник Уркош-I (рис. 54).

В ходе мониторинга памятников Уркошского археологического микрорайона в 2010 г. выяснилось, что на объекте сложена выпуклая куча камней, положенных совсем недавно (рис. 55). Судя по всему, курган был превращен в «обо». Размеры этого сооружения: 3,8 × 3,5 м, высота 1 м. Его географические координаты получены с помощью GPS-приемника: N – 50°33.009'; E – 086°34.263'. Высота над уровнем моря также определена данным прибором и составила 812 м.

Уркош-VI (рис. 5, 56–57)

Одиночный курган с задернованной каменной насыпью диаметром 8,5 м, высотой до 0,45 м находится в 0,5 км к северу от предыдущего пункта, примерно в 0,36 км к западу от Чуйского тракта. Расстояние от погребального сооружения до моста через р. Большой Яломан (близ его устья) составляет 3,5 км. Географические координаты данного памятника получены GPS-приемником: N – 50°33.321'; E – 086°33.734'. Высота над уровнем моря, зафиксированная тем же прибором, составляет 833 м.

Уркош-VII (рис. 5, 58–61)

Памятник расположен в 2,1 км к северу от устья р. Большой Яломан, на ровной площадке, представляющей собой левобережную надпойменную террасу Катунь аллювиального происхождения (рис. 5, 58). Погребально-поминальный комплекс находится между 689-м и 690-м км Чуйского тракта в направлении на с. Ташанта, в 30 м к западу от этой автомагистрали. В 4,3 км к югу – юго-востоку от объекта расположено с. Малый Яломан. Местонахождение петроглифов Уркош-XX зафиксировано в 55 м к югу от объекта №15 рассматриваемого комплекса (рис. 58). Памятник представляет собой группу из 18 выявленных погребальных и поминальных объектов (рис. 57–61). Географические координаты данного комплекса получены с помощью GPS-приемника: курган №1 – N – 50°32.561'; E – 086°34.523' (высота над уровнем моря – 730 м); объект №13 – N – 50°32.563'; E – 086°34.561' (высота над уровнем моря – 731 м); объект №15 – N – 50°32.587'; E – 086°34.465' (высота над уровнем моря – 730 м).

Строгой системы в планировке объектов не прослеживается. Вместе с тем выделяется несколько микрогрупп. Курганы и жертвенник (объекты №15–18), обнаруженные в западной части памятника, расположены цепочкой по линии Ю–С. Погребальные и поминальные сооружения, которым присвоены обозначения №7–14, находятся недалеко друг от друга, представляя собой компактное скопление объектов. Ниже дано подробное описание зафиксированных сооружений.

Курган №1 представляет собой каменную насыпь округлой в плане формы размерами 6,5 × 6 м, высотой 0,2 м. Надмогильное сооружение возведено из некрупных камней. В центре кургана фиксируется неглубокая западина. К юго-востоку от объекта (в 175 м расположен столб со знаком «690 км», в трех метрах от которого находится полотно Чуйского тракта.

Выкладка №2 зафиксирована в 1 м к юго-западу от края насыпи кургана №1. Сооружение из некрупных камней имеет округлую в плане форму, размеры которой 1,5 × 1,25 м и высота 0,1 м. Северо-западный сектор выкладки разрушен.

Курган №3 расположен в 9,2 м к востоку – северо-востоку от края кургана №1. Сооружение округлой в плане формы размерами

7,4 × 7,3 м и высотой 0,3 м возведено из некрупных камней. В центре объекта фиксируется неглубокая западина.

Выкладка №4 обнаружена в 24 м к юго-востоку от края полы кургана №3 и представляет собой округлое в плане, плоское сооружение из камней. Размеры объекта: 1,9 × 1,47 м, высота 0,15 м. В 26,5 м на восток от выкладки расположен столб со знаком «М 52», в четырех метрах от которого находится полотно Чуйского тракта.

Выкладка №5 – это плоское сооружение овальной в плане формы из камней, зафиксировано в 46,5 м к юго-востоку от края полы кургана №1. Это самый южный объект памятника. Его размеры: 1,6 × 1 м, высота 0,1 м.

Курган №6 расположен в 49,2 м к северу – северо-востоку от края кургана №1. Он представляет собой полусферическое сооружение округлой в плане формы из некрупных камней, размерами 5,4 × 5 м и высотой 0,3 м.

Оградка №7 – это объект, обнаруженный в 22,5 м на юго-восток от края кургана №6 и в 29,5 м к северо-востоку от края насыпи кургана №3. Сооружение подквадратной формы из вкопанных в землю плит высотой до 0,15 м, имеет размеры 1,3 × 1,3 м (рис. 60). Южная сторона ограды не фиксируется (вероятно, разрушена). В 0,3 м к северу от объекта находится стела. Ее высота 0,41 м, ширина у основания 0,33 м, толщина до 0,16 м.

Оградка №8 пристроена с юго-восточной стороны к оградке №7 и имеет с ней общую стенку. Представляет собой сооружение подквадратной формы из вертикально вкопанных в землю плит высотой до 0,15 м и размерами 1,3 × 1,3 м.

Выкладка №9 – сооружение аморфных очертаний из некрупных камней, обнаруженное в 3,3 м к востоку от края ограды №8. Ее размеры 1,7 × 1,4 м, высота до 0,3 м. У северо-восточного края выкладки зафиксирована вкопанная в землю стела. Ее высота 0,36 м, ширина 0,3 м, толщина 0,16 м (рис. 61.-з).

Курган №10 расположен в 4,5 м к востоку от края выкладки №9. Размеры надмогильного сооружения округлой в плане формы, возведенного из некрупных камней, – 4 × 3,3 м (высота – 0,3 м).

Выкладка №11 примыкает с юго-восточной стороны к кургану №10 и представляет собой плоскую каменную наброску овальной в плане формы, размеры которой составляют 2,2 × 1,3 м, высота 0,1 м.

Курган №12 находится в 11 м на юго-восток от края выкладки №9 и в 31,5 м к северо-востоку от края кургана №3. Представляет собой плоскую округлую в плане насыпь высотой 0,1 м, размеры которой 5,1 × 5 м.

Выкладка №13 – плоское сооружение аморфных очертаний из некрупных камней, расположено в 3,65 м к западу от края кургана №12. Размеры выкладки 1,7 × 1,3 м, высота 0,1 м. В 0,2 м к западу от объек-

та зафиксирован балбал (вкопанный в землю камень) высотой 0,2 м, шириной 0,28 м и толщиной 0,16 м.

Оградка №14 – сооружение прямоугольной формы, размерами 8 × 6 м, расположено в 1 м к западу от края выкладки №13. Представляет собой оградку, стенки которой состоят из рядов балбалов (вкопанных в землю камней) высотой от 0,03 до 0,09 м. Выявленные камни расположены по линиям Ю–С и З–В, образуя прямоугольник.

Объект №15 – жертвенник, представляющий собой кольцо из восьми крупных камней (рис. 61.-д), обнаружен в 82,5 м к северо-западу от кургана №1. Размеры сооружения такие: 1,5 × 1,74 м. Высота камней – до 0,3 м. В 15,5 м к западу – юго-западу от края жертвенника находится геодезический пункт в виде металлической трубы, рядом с которой на камне имеется прикрепленная металлическая табличка с надписью «ГУГК 2208».

Выкладка №16 расположена в 25 м к юго-западу от края жертвенника №15. Она представляет собой плоскую выкладку овальной в плане формы из некрупных камней, размеры которой составляют 2,5 × 1,5 м, а высота – 0,2 м.

Курган №17 обнаружен в 16,5 м к северу – северо-западу от края жертвенника №15 и представляет собой насыпь округлой в плане формы из некрупных камней, размерами 4,5 × 4,3 м и высотой 0,3 м.

Курган №18 находится в 40 м к северу – северо-востоку от края насыпи кургана №17 и в 112,8 м к северо-западу от полы кургана №1. Размеры насыпи округлой в плане формы, сооруженной из некрупных камней, составляют 4,3 × 4,2 м (высота 0,3 м).

Уркош-VIII (рис. 5, 62–63)

Памятник расположен в 2,35 км к северу от устья р. Большой Яломан, в 190 м к востоку от Чуйского тракта, между 689-м и 690-м км этой автомагистрали, и в 543 м к северо-востоку от погребально-поминального комплекса Уркош-VII. В 4,55 км к югу – юго-востоку от объекта находится с. Малый Яломан. Географические координаты памятника получены с помощью GPS-приемника: N – 50°32.802'; E – 086°34.802'. Высота над уровнем моря зафиксирована тем же прибором и составляет 737 м. Прямо напротив объекта, на другом берегу Катуня, расположен хорошо известный комплекс Сальдьяр-I. Одиночный курган выявлен на самом краю левобережной террасы Катуня (рис. 63.-а–б). Он представляет собой округлую каменную задернованную насыпь диаметром 13,3 м и высотой 0,4 м. На поверхности местами хорошо фиксируется кольцо из плоских плит, вертикально вкопанных по периметру кургана (рис. 63.-в). В центре объекта имеется западина диаметром 5,3 м и глубиной 0,2 м. В 4,5 м к западу от кургана проходит полевая дорога. Объект находится в аварийном состоянии: восточная пола насыпи частично сползла вниз по обрыву.

Уркош-IX (рис. 5, 64–65)

Памятник находится на левобережной террасе Катунь, в 2,55 км к северу от устья р. Большой Яломан, в 82 м к западу от Чуйского тракта. Объект зафиксирован в 460 м к северо-западу от памятника Уркош-VIII. В 169 м от него, к северу – северо-востоку стоит указатель с отметкой «689 км». В 4,7 км к югу – юго-востоку от памятника расположено с. Малый Яломан. Географические координаты объекта по GPS-приемнику следующие: N – 50°32.908'; E – 086°34.527'. Высота над уровнем моря – 733 м. Памятник представляет собой одиночную прямоугольную ограду из вкопанных в землю крупных камней и плит, расположенную на склоне террасы. В центре объекта установлены два крупных камня. Ограда вытянута по линии З–В, длина сторон соответственно 5,7 и 3,35 м, высота объекта – до 0,35 м. Западная стенка сооружения разрушена.

Уркош-X (рис. 5, 66–71)

Памятник расположен на левобережной террасе р. Катунь, в 2,8 км к северу от устья р. Большой Яломан, в 35 м к западу от Чуйского тракта, между 688-м и 689-м км этой автомагистрали (рис. 5). Указатель с отметкой «689 км» стоит в 87 м к югу – юго-востоку от него. Объект находится в 250 м к северу от памятника Уркош-IX, село Малый Яломан от него в 4,9 км к югу – юго-востоку. Географические координаты памятника получены с помощью GPS-приемника: N – 50°33.035'; E – 086°34.521'. Высота над уровнем моря составила 733 м. До раскопок зафиксированный объект представлял собой задернованную одиночную ограду, стенки которой состояли из вертикально вкопанных в землю, небольших камней (рис. 67). Для изучения памятника был заложен раскоп площадью 4,5 × 4 м (рис. 68). В результате была подтверждена зафиксированная структура ограды, размеры которой составили 4 × 3,2 м (рис. 69). Высота вертикально вкопанных камней – 0,1–0,25 м. У северной стенки ограды обнаружен каменный ящик из плит, его размеры 1,1 × 1,1 м (рис. 70.-а). Внутри ящика на глубине 0,22 и 0,4 м находились каменные плиты (рис. 70.-б–в). Глубина ямы составила 0,6 м. Каких-либо находок не обнаружено. После осуществления раскопок и всех необходимых фиксаций (рис. 71) камни были установлены на свои места, а вскрытая площадь засыпана грунтом и заложена дерном.

Уркош-XI (рис. 5, 72–73)

Местонахождение петроглифов расположено в 1,7 км к северу от устья р. Большой Яломан, на ровной площадке, представляющей собой левобережную надпойменную террасу Катунь аллювиального происхождения. Памятник находится в 190 м к северу от одиночного кургана Уркош-XIX (рис. 107) и в 110 м к западу от Чуйского тракта. В

3,9 км к югу – юго-востоку от объекта расположено с. Малый Яломан. Географические координаты описываемого объекта получены с помощью GPS-приемника: N – 50°32.330'; E – 086°34.431'. Высота над уровнем моря – 728 м. Петроглифы выбиты на южной стороне крупного камня. Фиксируются до 20 изображений животных, преимущественно козликов.

Уркош-ХII (рис. 5, 74–76)

Памятник расположен в 1,89 км к северу от устья р. Большой Яломан, на ровной площадке, представляющей собой левобережную надпойменную террасу Катунь аллювиального происхождения. Местонахождение петроглифов находится в 110 м к западу от Чуйского тракта. В 4,1 км к югу – юго-востоку от объекта расположено с. Малый Яломан. Памятник обнаружен в 190 м к северу от предыдущего комплекса (рис. 107). Географические координаты описываемого объекта получены GPS-приемником: N – 50°32.434'; E – 086°34.460'. Высота над уровнем моря – 730 м. Петроглифы выбиты на крупном камне, на нескольких его сторонах. Фиксируются до 30 изображений животных, преимущественно козликов и оленей. Восточная плоскость с рисунками разрушена, часть изображений сколота, а рядом нанесена современная надпись.

Уркош-ХIII (рис. 5, 77–80)

Археологический комплекс расположен на левобережной террасе Катунь, в 2,1 км к северу – северо-западу от устья р. Большой Яломан, в 0,7 км к западу от Чуйского тракта (рис. 5). Курганный могильник обнаружен в 0,4 км к юго-западу от известного могильника Большой Яломан-II. В 30 м к северу от памятника расположена животноводческая стоянка (зимник). Село Малый Яломан находится в 4,5 км к югу – юго-востоку от памятника. Географические координаты памятника получены с помощью GPS-приемника: курган №1 – N – 50°32.459'; E – 086°33.723' (высота над уровнем моря – 811 м), курган №7: N – 50°32.480'; E – 086°33.744' (высота над уровнем моря – 812 м).

Обнаруженный археологический комплекс представляет собой цепочку курганов, расположенных по линии ЮЮЗ–ССВ (рис. 77–80). Всего выявлены восемь объектов: пять курганов и три выкладки. Ниже представлено их подробное описание.

Курган №1 представляет собой каменную насыпь округлой в плане формы, размеры которой 7 × 6,8 м, высота 0,4 м. Надмогильное сооружение возведено из некрупных камней. В центре его фиксируется неглубокая (не более 0,1 м) западина.

Выкладка №2 – самый южный объект памятника. Она обнаружена в 3,2 м к югу от полы кургана №1. Плоская наброска из некрупных камней подовальной в плане формы имеет размеры 1,6 × 0,9 м и высоту 0,25 м.

Курган №3 расположен в 0,8 м к северо-востоку от края кургана №1. Плоское сооружение округлой в плане формы размерами 8,2 × 8 м и высотой до 0,4 м возведено из некрупных камней. В центре фиксируется незначительная западина.

Выкладка №4 пристроена с севера – северо-запада к кургану №3, в 1 м от него. Курган №1 находится в 9,2 м к югу – юго-западу от нее. Объект представляет собой плоскую наброску округлой в плане формы, размеры которой 3,5 × 3,2 м, высота 0,25 м.

Выкладка №5 пристроена вплотную с востока к кургану №1. Она представляет собой кольцо из рваных камней. Размеры сооружения 1,8 × 1,7 м, высота 0,2 м.

Курган №6 обнаружен в 15,8 м к северу – северо-востоку от пола кургана №3 и представляет собой полусферическое сооружение округлой в плане формы из некрупных камней, размерами 10 × 9,8 м, высотой 0,3 м. В центре насыпи видны вывороченные камни.

Курган №7 расположен в 4,3 м к северу – северо-востоку от края кургана №6. Объект представляет собой плоскую каменную насыпь округлой формы с западиной в центре. Размеры сооружения: 12,4 × 11,2 м, высота 0,3 м. По краю насыпи фиксируется каменное кольцо из нескольких рядов камней. Диаметр западины в центре кургана 7 м, глубина 0,35 м.

Курган №8 обнаружен в 2,2 м к северо-западу от предыдущего кургана. Он представляет собой плоскую каменную насыпь округлой формы, размеры которой 7,6 × 7,3 м, высота 0,3 м. На поверхности фиксируются вывороченные камни. Их наибольший развал находится в центре, а также они зафиксированы за пределами надмогильного сооружения.

Уркош-XIV (рис. 5, 66, 81–85)

Местонахождение петроглифов зафиксировано Е.П. Маточкиным в 45 м к северу от памятника Уркош-X в феврале 2009 г. Изображения имеются на южных сторонах крупных валунов, находящихся около края террасы Катунь, в 60–110 м к западу от Чуйского тракта, в 100 м от дорожного знака «689 км» (рис. 5, 66). Отмечены три скопления рисунков, в основном изображений животных (рис. 81–83). Географические координаты одного из них получен GPS-приемником: N – 50°33.065'; E – 086°34.514'. Высота над уровнем моря, зафиксирована тем же прибором, составила 738 м.

Результаты обследований и копирования петроглифов подробным образом изложены в публикации М.О. Сидоровой и Е.П. Маточкина [2010, с. 164–170]. Есть смысл воспроизвести текст почти полностью, проиллюстрировав его соответствующими фотоснимками и графическими прорисовками.

«В феврале 2009 г. в Онгудайском районе Республики Алтай, в долине р. Катунь, на 688,9 км Чуйского тракта у самой дороги нами были обнаружены рисунки, выбитые на трех огромных камнях-монолитах.

Еще раз эти рисунки изучались в октябре 2009 г. В названии петроглифов мы следуем за барнаульскими учеными, которые проводили в этом урочище археологические исследования и опубликовали материалы 12 памятников [Тишкин А.А. и др., 2006; Тишкин А.А., Серёгин Н.Н., 2009]. Поскольку неподалеку они выявили еще курганный могильник, то по общему согласованию было решено назвать новый петроглифический памятник Уркош-XIV. Его географические координаты по GPS-приемнику: N – 50° 33,072'; E – 086° 34,551'. Высота над уровнем моря – 730 м. Монолиты сложены из гранодиорита и на плоскостях с рисунками покрыты коричневой корочкой загара.

В комплексе петроглифов Уркош-XIV зафиксированы шесть участков с выбитыми рисунками. Все они выполнены в мелкоточечной технике неглубокими ударами, лишь слегка обнажившими более светлую породу камня. Из-за этого цвет выбитых рисунков лишь незначительно отличается от фона, в силу чего границы изображений подчас настолько аморфны, что читаются с трудом. В силу этого эстампирование здесь не представляется возможным, и фиксация петроглифов производилась с помощью цифровой фотосъемки.

Участок 1 располагается на камне размерами 4 × 4 м и высотой 1,8 м, лежащем в 15 м на запад от тракта. Рисунки находятся на юго-восточной грани. Они просматриваются плохо еще и из-за мерцающих по всей поверхности белесых бугорков, образующих подчас такие же по тону, как выбивка, некие нефигуративные формы. Изображены два крупных марала, один под другим, обращенные головами на восток, к Катунь. Справа – небольшая фигурка лисы в вертикальном расположении, а еще выше – плохо читаемое изображение животного, показанного с четырьмя ногами (рис. 82, 85.-а).

Изображения маралов профильные, с одной передней и одной задней ногой, с изящным очертанием силуэтов. Головы у благородных оленей похожи на птичьи и оканчиваются клювом. У верхнего самца с длинными ветвящимися вдоль спины рогами клюв раскрыт. У каждого из маралов выделен большой округлый глаз, из-за чего, как отметил Д.Г. Савинов [1990, с. 174], подобные изображения получили название «пигалиц». Характерная особенность рисунка верхнего марала – наличие заметной оконтуривающей линии туловища и подогнутая в колене передняя нога, упирающаяся в спину маралухи. Очертания заднего крупы нижнего марала практически не просматриваются и лишь угадываются.

Участки 2 и 3 располагаются на втором камне с размерами 3 × 6 м, высотой 1,8 м, находящемся в 40 м на северо-запад от первого. На наклонной плоскости 2-го участка представлены в вертикальном расположении три рисунка копытных животных (рис. 83.-а). Верхнее и нижнее – однолинейные изображения оленей (рогатого самца и самки). Центральное – силуэтное изображение марала с двумя вертикальными

рогами. В настоящее время все эти рисунки в той или иной мере покрыты лишайником. От центральной фигуры остались видимыми лишь голова и шея (рис. 83.-б-в, 85.-б).

Участок 3 – небольшая плоскость в 1,2 м ниже. Там однолинейным способом выбито схематичное зооморфное изображение, плохо читаемое.

Участки 4, 5, 6 расположены на южной, разделенной трещинами, вертикальной грани третьего камня с размерами 3 × 1,5 м, высотой около 1 м (рис. 81), находящегося в 10 м на юго-запад от первого камня. Поверхность, по которой производилась выбивка, ноздреватая, хотя и достаточно ровная. Удары неглубокие, силуэты аморфные патинированные, их очертания трудно различимы. На западном 4-м участке треугольных очертаний в центре представлено сравнительно крупное изображение безрогого животного с необычайно длинной шеей; вокруг – более мелкие фигуры копытных. Справа внизу – неясное изображение всадника на лошади, а еще ниже – сцена преследования волком козла с козленком. В левом верхнем углу – контурное изображение животного с рогом козла. Все фигуры, кроме одной, ориентированы головами на восток.

На среднем 5-м участке представлено безрогое животное с еще более длинной шеей, чем на участке 4, ориентированное на запад; к нему обращены три животных меньшего размера. Нижний козлик – более светлый по тону, появился явно позднее (рис. 84.-а-б).

Восточный участок 6 разделен трещиной на две половины. В левой половине все звери, за исключением верхнего козла, обращены на запад. Этот козел, а также еще одно контурное изображение козла выбиты позднее и фиксируются более отчетливо. В правой половине участка просматриваются несколько фигурок копытных с рогами и без рогов, а также изображение кабан. Все они обращены головами на восток. Козел с удлинённой фигурой в правом углу выбит по контуру. Под ним на плоскости с другой поверхностной структурой находится одиночное изображение козла с головой в западном направлении (рис. 84.-в-г) [Сидорова М.О., Маточкин Е.П., 2010].

Уркош-XV (рис. 5, 86–99)

Святылище обнаружено в 2002 г., но зафиксировано позже и в несколько этапов. Географические координаты данного археологического объекта получен при помощи GPS-приемника: N – 50°31.948'; E – 086°34.284'. Высота над уровнем моря – 725 м.

Основное внимание при изучении памятника Уркош-XV было уделено местонахождению петроглифов, располагающемуся к северу от устья р. Большой Яломан, рядом с Чуйским трактом (рис. 86–88). В 40 м к юго-востоку от него находится памятник Яломан-XV, на территории которого сохранились объекты аржано-майэмирского времени (бийкенская культура) и, возможно, афанасьевского периода [Тиш-

кин, Матрёнин, Серёгин, 2009]. Площадка, на которой размещаются погребально-поминальные объекты, имеет вид выступающего узкого мыса, ограниченного с западной стороны отвесным склоном горы и крутым логом, с южной – оврагом, с восточной – карьером. Курганы локализованы в самой высокой части террасы, в непосредственной близости от ее края и постоянно расширяющегося карьера (рис. 87–88).

По всей видимости, обозначенное святилище Уркош-XV в определенной мере было связано с памятником Яломан-XV. Основные результаты осуществленных на нем исследований опубликованы в ряде работ. В данной монографии они представлены в полном объеме и существенно дополнены иллюстрациями.

Святилище представляет собой пространство террасы у выделяющейся каменной плоскости, в чертах которой можно рассмотреть фигуру фантастического или реального животного (рис. 89, 90.-а). У основания стены полукругом в виде своего рода «сцены» расположена плоская выкладка размерами 14,9 × 9 м, высотой 0,5 м. По периметру прослежены крупные камни, пространство внутри которых заполнено скальными обломками (рис. 89, 90.-а-б). Над выкладкой петроглифы не фиксируются. Древние наскальные изображения обнаружены в юго-западной части большой плоскости, ориентированной по линии Ю-С (рис. 91.-а). Вся композиция находится на плоской стене размерами 7 × 5 м (рис. 91.-б-в). В ее центре изображены два оленя (рис. 91.-д), стоящие мордами друг напротив друга [Тишкин А.А., 2010, рис. 12]. Длина туловища южной фигуры оленя составляет 1,3 м, высота – около 1,6 м. Еще одно крупное (длиной более 2 м) изображение животного расположено ниже к югу и просматривается лишь частично (рис. 91.-з).

Как уже было отмечено в первой главе, в 2009 г. проведено изучение накипных лишайников на петроглифах святилища (рис. 92.-а). Был обнаружен один вид *Acaraspora agabientis*, который ранее на Алтае не рассматривался в качестве индикатора датирования, в том числе на ближайшем Яломанском археологическом микрорайоне, где проводились лихенометрические исследования. Указанные лишайники фиксировались и изучались на камне, находящемся примерно в 360 м. Там, кроме крупного изображения козла, имеется ряд других петроглифов (рис. 92.-б).

Далее есть смысл процитировать текст из статьи А.Н. Мухаревой и А.А. Тишкина [2016], специально посвященной результатам изучения обнаруженной, необычной по размерам композиции, и продемонстрировать подготовленные иллюстрации:

«В результате обследования плоскости в 2009 г. было установлено, что сохранность ее не идеальна. Несмотря на то, что скальный массив сложен твердыми гранитоидными породами, в средней его части имеются несколько широких вертикальных трещин, проходящих через всю плоскость. По ним, вероятно, течет вода, разрушая камень и спо-

собствуя росту лишайников. В нижней части плоскости скальная корка местами отшелушена. В первую очередь было решено расчистить нижнюю часть плоскости от лишайников, частично закрывавших изображения (рис. 93).

Полностью удалять лишайники с плоскости не планировалось. В силу чрезвычайной трудоемкости процесса (с неровной крупнозернистой поверхности камня лишайники удалялись с огромным трудом) и большой площади скальной поверхности, верхняя часть которой недоступна из-за отсутствия уступов и каких-либо подходов, лишайники было решено оставить в тех местах, где рисунки не прослеживались. Расчистка производилась капроновыми щетками, деревянными палочками и водой с добавлением перекиси водорода. В 2009 г. удалось удалить лишь часть лишайников, в 2010 г. расчистка нижней части плоскости была завершена. Участки скальной поверхности, где долгое время располагались талломы, значительно отличались по цвету патины, тем не менее стали видны линии, образующие крупную фигуру в левой части плоскости, а также изображение оленя, расположенное ниже (рис. 94). Следует отметить, что неглубокие шлифованные линии в этих местах также лишены патины и едва прослеживаются, что еще раз демонстрирует негативное воздействие лишайников даже на твердые породы камня и, соответственно, на имеющиеся на плоскости изображения. Сразу после расчистки выполнялась фиксация изображений. Как известно, документирование петроглифов, выполненных в техниках, отличных от пикетажа, представляет определенные трудности [Черемисин Д.В., 2011, с. 146], с которыми и нам пришлось столкнуться. Методика копирования петроглифов местонахождения Уркош-XV на микалентную бумагу, а также переводение их маркерами на прозрачные материалы (рис. 95) желаемого результата не принесли. На неровную поверхность камня микалентная бумага едва прибивалась, а поверхностные шлифованные линии не проявлялись при натирании. Во втором случае даже видимые рисунки совершенно терялись под бликующим целлофаном, в результате чего удалось проследить лишь особенности скальной поверхности, современную выбивку, а также отдельные линии крупных фигур, большую же часть изображений перевести не удалось. Тем не менее на этапе камеральной обработки эта неполная копия была частями сканирована и в программе Photoshop смонтирована в единое цифровое изображение (рис. 96). Благодаря этой работе удалось создать основу для будущей цифровой прорисовки, не имеющую проекционных искажений, то есть расположение фигур, их пропорции и размеры на копии соответствовали подлинным изображениям, выполненным на скале (рис. 97).

Наиболее продуктивные результаты были достигнуты при создании прорисовки по цифровой фотографии. Нужно отметить, что фотографирование рисунков и рабочих моментов осуществлялось во все годы

работы на памятнике. При этом фотофиксация петроглифов неоднократно и целенаправленно проводилась при разном освещении: естественном косом свете, рассеянном свете, а также когда плоскость находилась в тени. В 2011 г. было решено выполнить фотографирование рисунков с искусственно созданным постоянным источником света. В ходе ночной фотосъемки нам оказали значительную помощь и дали ряд ценных советов Е.А. Миклашевич и Л.А. Бове ...

Значительно усложняли работы по фотофиксации размеры выполненных на плоскости основных фигур, а также самой скальной поверхности. Фотографирование такой плоскости одним кадром не позволяло прорисовать все фигуры. Соответственно, необходимо было сделать серию кадров при наиболее благоприятном освещении, из которых затем склеить панораму для прорисовывания. Однако снять плоскость такого размера в ортогональной проекции как целиком, так и отдельными фрагментами без специальных приспособлений было невыполнимо.

Даже небольшое отклонение от ортогональной проекции при съемке дает существенное искажение рисунка, а фрагменты плоскости, снятые под разными углами, практически невозможно смонтировать в приемлемое для прорисовывания изображение. Поскольку нами съемка во всех случаях велась «с рук» и «под углом», искажения пропорций на фотографиях были неизбежны. Тем не менее из полученного набора фотографий были выбраны кадры, на которых рисунки оказались видны наиболее оптимально. Эти кадры в программе Photoshop последовательно накладывались на отсканированную ранее контактную копию. Для устранения имеющихся неточностей фотографии корректировались с помощью специальных функций программы в соответствии с основой. После корректировки всех фрагментов удалось получить цифровую фотопанораму плоскости, которая при увеличении на экране монитора позволяла рассматривать даже едва заметные рисунки и особенности их техники, что не всегда возможно было увидеть на скальной поверхности. Затем поверх фотографий отдельным слоем была выполнена цифровая прорисовка, на которой прослеживаются видимые линии и изображения, включая современную выбивку, особенности субстрата скальной поверхности, места, расчищенные от талломов лишайников, и т.д. (рис. 96–97). Преимущества цифровой формы прорисовок, выполненных на основе фотоизображения, и значение для исследовательской работы именно электронных версий неоднократно подчеркивались исследователями [Черемисин Д.В. и др., 2013, с. 370; Миклашевич Е.В., Бове Л.А., 2014, с. 75; и др.]. К сожалению, даже при наличии цифрового фотоизображения высокого разрешения не все линии и фигуры удалось проследить. Протертые изображения, со временем потемнев, практически не отличаются по цвету от скальной поверхности, и сглаженные шлифовкой места, которые можно определить на плоскости при прикосновении к камню, не всегда видны на фотографии. Кроме

того, при прорисовывании изображений мы столкнулись с проблемой адекватной их передачи. Поскольку не все фигуры прослеживались отчетливо, границы многих из них оказались размыты, было принято решение не прорисовывать фигуры четкими черно-белыми линиями, которые весьма успешно помогают передать петроглифы во многих других случаях. В ходе работы над прорисовкой остановились на том, что места, где линию или контур фигуры не удастся проследить наверняка, лучше оставлять размытыми.

Таким образом, в результате проделанной работы удалось выявить основные изображения и создать графическую прорисовку композиции (рис. 97). Как было отмечено ранее, основу ее составляют три крупные фигуры, которые, вероятнее всего, были нанесены на плоскость первыми. И хотя голова и рога самого большого зверя, расположенного в левой части плоскости, не прослеживаются, все три фигуры передают оленей. Все они выполнены в единой своеобразной манере, характерной для изображений аржано-майэмирского времени: маленькая изящная голова, «глаз в виде кружка, примыкающий к линии лба... Ухо примыкает к линии глаза. Выступ на холке. Поджарый корпус... Длинные, тонкие ноги, нижняя часть которых изображена одной тонкой линией» [Шер Я.А., 1980, с. 243]. Несколько выделяется лишь самая крупная фигура оленя, корпус которого заполнен шевронами. Линии, образующие шевроны, более поверхностные, чем контур изображения, и не всегда отчетливо прослеживаются, особенно в местах, где были удалены лишайники. Подобный изобразительный прием, когда внутреннее заполнение корпуса животного показано соединенными линиями, образующими угол, неоднократно встречается в скифо-сакском искусстве и имеет широкий территориальный диапазон. Впервые украшенные шевронами предметы (рис. 98.-б) и наскальные изображения (рис. 98.-в, д) были зафиксированы на памятниках Минусинской котловины. И хотя относительно оглахтинских лошадей Я.А. Шер [1980, с. 245] писал, что «...местными, минусинскими, особенностями» является «разрисовка корпусов животных извилистыми или пересекающимися линиями», подобные изображения, датированные I тыс. до н.э., в настоящее время известны далеко за пределами Минусинской котловины. О территориальном распространении данного изобразительного приема свидетельствуют широкие аналогии в петроглифах Алтая, Казахстана, а также Северного Китая (рис. 98). Хищники, тела которых «украшены» шевронами, неоднократно были зафиксированы на «оленных» камнях Монголии (рис. 98). Подобную «разрисовку» фигур Я.А. Шер [1998, с. 225] относит именно к стилистическим особенностям петроглифов, отмечая, что «по мере продвижения на запад наблюдаются признаки вырождения стиля». Кроме вышеописанных оленей, на плоскости имеются и другие изображения. Так, рядом с оленем, корпус которого заштрихован, в результате расчистки было выявлено изображение гораздо меньшего

размера, предположительно, олененка (рис. 97.-б). Не исключено, что таким образом древние художники изобразили оленуху с детенышем. Это предположение косвенно могут подтверждать фигуры двух других оленей, расположенных на плоскости мордами друг к другу, в позе противостояния из-за самки с детенышем (?). Выше этих двух оленей была зафиксирована фигура лучника, стреляющего в одного из козлов, изображенных на плоскости (рис. 97.-в). Стилистически эти фигуры соотносятся по манере исполнения с крупными изображениями оленей, однако, учитывая композиционные особенности сцены, можно предположить, что на плоскость они были нанесены уже после основных изображений, так как расположены на свободном поле и практически не перекрывают крупные рисунки.

Таким образом, петроглифы пункта Уркош-XV относятся к одной эпохе и по стилистическому сходству с известными аналогиями могут быть датированы аржано-майэмирским временем...».

Результаты астрономических изысканий, о которых было сказано в первой главе, представлены в статье А.А. Тишкина, Е.Г. Гиенко и Е.В. Дружининой [2012, с. 102–103] следующим образом:

«Географические координаты памятника, определенные спутниковым навигатором в системе координат WGS-84: N – 50°32,0'; E – 86°34,3'. Высота над уровнем моря, полученная тем же прибором, – 729 м.

Основные элементы святилища Уркош-XV: большая цельная плоскость без рисунков – «зеркало» (рис. 90), выложенная площадка перед ней, длинный лежащий камень (стела) в пределах ограды площадки, плоскость с петроглифами, небольшая каменная ниша. Рядом располагаются курган с каменным ящиком «раннескифского» времени (бийкенская культура), а также ограда из вертикально установленных плит, относящаяся к «афанасьевскому» периоду. Возможно, существовали еще какие-то ориентиры, но они могли быть утрачены при строительстве Чуйского тракта и при разработке карьера.

По результатам астрономических измерений и координирования основных элементов спутниковым навигатором составлена схема расположения основных объектов памятника (рис. 99).

Как видно на схеме (рис. 99.-в), ориентировка «зеркала» – примерно 189° – близка к направлению на юг. После полудня Солнце перестает освещать «зеркало» и плоскость с рисунками.

Если находиться в центре площадки перед «зеркалом», то направление на западный край афанасьевского кургана дает юг (180°), на центр бийкенского кургана – 175°.

В направлении, перпендикулярном «зеркалу» (279°), происходит восход Солнца в дни, близкие к равноденствию (на высоте 9°), что подтверждено горизонтной съемкой, выполненной от центра площадки (рис. 99.-б). Рукотворных ориентиров, указывающих на это направление, в пределах комплекса не обнаружено.

Некоторые детали, касающиеся возможного астрономического использования элементов памятника, могли бы быть отмечены при реконструкции положения стелы, лежащей в пределах ограждения площадки. Если стела располагалась вертикально в юго-восточном углу ограды, то тень от нее в определенный день года могла “обрисовать” границы площадки.

При астроархеологических исследованиях весьма важно определять точное местоположение наблюдателя, особенно при небольших размерах памятника. На святилище Уркош-XV в явном виде такое место не отмечено. В качестве пробного места наблюдателя была выбрана площадка перед плоскостью с рисунками, и проверены на астрономическую значимость направления на разновременные курганы. Оказалось, что при наблюдении с площадки, в направлении кургана “раннескифского” времени происходит восход Солнца в зимнее солнцестояние, а в направлении “афанасьевской” ограды – восход низкой южной Луны. Как и в случае с описанным выше святилищем Большой Яломан-III, для определения мест восхода светил были необходимы отвес или посох. Замечания о стареющем месяце и зимнем Солнце... справедливы и здесь.

В данном случае, при расстоянии до курганов примерно 35 м, ошибка в направлении из-за погрешности мест наблюдателя и визира (1 м) составляет величину 1,6 градуса, что говорит о весьма приблизительных направлениях и недостаточно для астрономического определения дня зимнего солнцестояния».

Приведенный опыт первоначального астроархеологического поиска может быть продолжен, как и другие исследования на представленном святилище Уркош-XV.

Уркош-XVI (рис. 5, 56, 100–102)

Местонахождение петроглифов расположено на склоне горы, в 54 м к западу от археологического комплекса Уркош-VI. Географические координаты данного объекта по GPS-приемнику: N – 50°33.326'; E – 086°33.687'. Высота над уровнем моря – 841 м. Наскальные рисунки, преимущественно изображения козликов и оленей, обнаружены на нескольких плоскостях, обращенных на восток и юго-восток.

Уркош-XVII (рис. 5, 77, 103–104)

Местонахождение петроглифов зафиксировано в 98 м к западу – северо-западу от некрополя Уркош-XIII. Географические координаты данного памятника по GPS-приемнику: N – 50°32.526'; E – 086°33.721'. Высота над уровнем моря – 817 м. Изображения расположены на склоне горы на одной плоскости. Отмечено несколько фигур оленей и козликов, ряд рисунков, судя по всему, сколоты.

Уркош-XVIII (рис. 5, 47, 105–106)

Местонахождение петроглифов зафиксировано в 300 м на север – северо-восток от археологического комплекса Уркош-III. Географические координаты данного памятника по GPS-приемнику: N – 50°32.958'; E – 086°33.902'. Высота над уровнем моря – 922 м. Изображения находятся на высоко расположенной скальной плоскости и представлены рисунками животных, в основном козликов.

Уркош-XIX (рис. 5, 107–108)

Памятник находится в 450 м к северу – северо-востоку от святилища Уркош-XV и в 190 м к югу от местонахождения петроглифов Уркош-XI. В 92 м к востоку от объекта проходит Чуйский тракт, а в 40 м к югу – полевая дорога, ведущая к зимнику. Географические координаты данного памятника по GPS-приемнику: N – 50°32.207'; E – 086°34.410'. Высота над уровнем моря – 731 м. Это одиночный каменный курган округлой формы с небольшой западиной. Размеры объекта – 4,8 × 4,7 м, высота 0,25 м. Размеры западины – 1,9 × 1,6 м, глубина 0,2 м.

Уркош-XX (рис. 5, 58, 109–110)

Местонахождение петроглифов расположено в 200 м к северу от объекта Уркош-XII, в 150 м на запад от Чуйского тракта. Географические координаты данного памятника по GPS-приемнику: N – 50°32.564'; E – 086°34.445'. Высота над уровнем моря – 732 м. Рисунки (в основном изображения козлов) зафиксированы на южной стороне крупного валуна.

Яломан-XV (рис. 5, 86–88, 111–112)

Археологический комплекс находится в 1,6 км к северо-востоку от моста через р. Большой Яломан, в 14,2 км к юго-востоку от с. Купчегень, в 3 км к северу – северо-западу от с. Малый Яломан (рис. 86–88). Он расположен на второй надпойменной террасе левого берега Катунь, в 153 м к западу от Чуйского тракта. В 40 м к северо-западу находится святилище Уркош-XV.

Географические координаты самого северного кургана данного комплекса получены GPS-приемником: N – 50°31.924'; E – 086°34.293'. Высота над уровнем моря – 733 м.

Памятник представляет собой цепочку из пяти округлых в плане курганов, ориентированных по линии ЮЮЗ–ССВ, расположенную на второй надпойменной террасе левого берега Катунь. Площадка, на которой размещаются зафиксированные объекты, имеет вид выступающего узкого мыса, ограниченного с западной стороны отвесным склоном горы и крутым логом, с южной – оврагом, с восточной – карьером

(рис. 111). Курганы локализованы в самой высокой части террасы (рис. 112) в непосредственной близости от ее края и постоянно расширяющегося карьера. Некоторые погребальные сооружения подвергнуты частичному разрушению и находятся в аварийном состоянии.

Курган №1 выявлен на краю террасы и представляет собой задернованную плоскую каменную выкладку, диаметр сохранившейся части которой составляет 5 м при высоте не более 0,25 м.

Курган №2 расположен в 19 м к северу от кургана №1. Он представляет собой сооружение в виде плоской, сильно оплывшей каменной насыпи с круглой оградой-кромlexом из массивных, вертикально и наклонно вкопанных плит диаметром 5 м, высотой 0,3 м, с задернованной центральной частью.

Курган №3 находится в 3 м к северу – северо-востоку от предыдущего объекта и представляет собой задернованную плоскую каменную насыпь округлой формы, размерами 5 × 6 м, высотой 0,25 м. По периметру насыпи прослеживаются более крупные рваные камни и плиты, образующие ограду-кромlex.

Курган №4 – это каменная плоская насыпь круглой в плане формы диаметром 5 м, высотой 0,2 м, находящаяся на расстоянии 1 м к северу – северо-востоку от предыдущего кургана. По внешнему контуру насыпи прослеживаются крупные камни – остатки ограды-кромlexа.

Курган №5 располагается в 1,5 м к северу – северо-востоку от кургана №4. Имеет сильно задернованную плоскую насыпь, сложенную из мелких рваных камней и гальки, диаметром 7 м, высотой 0,1 м. В центре ее зафиксированы детали конструкции погребальной камеры в виде каменного ящика подквадратной формы, установленного на уровень древнего горизонта или в неглубокую яму, ориентированного длинной осью по линии ЮВ–СЗ.

Представленные памятники (рис. 5–112) отражают освоение пространства урочища Уркош от энеолита до современности. Результаты деятельности людей на всех этапах истории необходимо не только изучать, но и сохранять. В них содержится информация о системе жизнеобеспечения отдельных групп населения, а также другие важные сведения. Нет сомнений, что обследование рассматриваемой территории нужно продолжить. В результате могут быть еще зафиксированы отдельные археологические объекты. Это особенно касается поиска поселений.

Следует обратить особое внимание на то, что приведенные в данной главе параметры (расстояния, размеры объектов и др.) не следует считать абсолютными показателями, так как они даны в качестве ориентиров и при дальнейших исследованиях будут уточняться.

Интерпретация имеющихся данных будет представлена в следующих главах монографии.

ГЛАВА III

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ УРКОШСКОГО МИКРОРАЙОНА

История исследований археологических памятников Алтая насчитывает более 150-ти лет. К настоящему времени накоплен определенный опыт в области изучения погребальных, поминальных и поселенческих комплексов, а также местонахождений наскального искусства различных исторических периодов. В последние десятилетия сотрудниками ряда научных центров представлены результаты обобщения полученных данных [Шуньков М.В., 1990; Кубарев В.Д., 1984, 2001; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Марсадолов Л.С., 2000; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Соёнов В.И., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004; Матрёнин С.С., 2005; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005; Кубарев Г.В., 2005; Тишкин А.А., 2006б, 2007в; Погожева А.П. и др., 2006; Кунгуров А.А., 2007; и др.], что позволяет в определенной мере реконструировать этнокультурную ситуацию в регионе в древности и средневековье.

Информация об археологических памятниках Уркошского микрорайона представлена преимущественно результатами разведочных работ. Малое количество раскопанных комплексов, безусловно, несколько ограничивает возможности рассмотрения особенностей этнокультурного развития на рассматриваемой территории. В то же время в ходе сплошных и неоднократных визуальных обследований небольшого урочища, всесторонней фиксации обнаруженных объектов и последующего анализа этих научных сведений стало возможным получение значительного объема разноплановой информации, которая обеспечивает решение ряда культурно-хронологических проблем, а также позволяет оптимизировать процесс стационарных исследований или вообще обойтись без раскопок. В свою очередь, опыт изучения памятников Центрального Алтая и сопредельных районов способствует осмыслению накопленных знаний, в том числе достаточно уверенной хронологической и культурной идентификации ряда выявленных памятников.

В настоящее время имеются условия для создания краткого очерка об этапах освоения территории Уркошского микрорайона древним и средневековым населением. Дальнейшее уточнение и расширение предложенных ниже сведений будет связано с проведением междис-

циплинарных исследований, предполагающих раскопки обнаруженных объектов, а также с многоплановым изучением памятников наскального искусства.

В настоящее время комплексы каменного века в Уркошском археологическом микрорайоне не обнаружены. Следует отметить, что их количество пока весьма ограничено на территории всего Центрального Алтая [Кунгуров А.А., 2007]. Имеющиеся немногочисленные объекты не позволяют оценить степень заселения региона в раннечетвертичный период и в достаточной мере реконструировать этнокультурную ситуацию. Наибольшую информацию о древних обитателях рассматриваемой части региона дают раскопки средне- и позднепалеолитических комплексов на стоянках Кара-Бом, Тюмечин-1, 2, 4 в окрестностях с. Ело. Кроме того, в ряде пунктов проводились сборы каменных орудий. Ближайшие свидетельства палеолита обнаружены в Малояломанской пещере и в долине р. Большой Яломан [Археология..., 1998; Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Орлова Л.А., 2003; Чевалков Л.М., 2007].

К сожалению, информация о мезолитических и неолитических памятниках Центрального Алтая еще более фрагментарна, так как их целенаправленным поиском никто не занимался. Однако поселения этих периодов могут располагаться в местах, удобных для реализации присваивающего хозяйства (охота, рыболовство, собирательство). Поскольку серьезных изменений рельефа и климата с того периода времени не происходило, оценить возможность открытия памятников мезолита-неолита можно при изучении и зондировании покровных отложений степной, предгорной и горной зон, отвечающих соответствующим условиям. Таким образом, эпоха камня данной высокогорной части Алтая еще ждет своего изучения.

Наиболее ранние памятники, обнаруженные на территории Уркошского археологического микрорайона, относятся к энеолиту. Их появление связано с носителями так называемой афанасьевской культуры/общности, принесшими традиции и идеологические представления, сложившиеся в среде обществ с производящим хозяйством и обработкой металла. К рассматриваемому периоду, вероятно, относится часть объектов комплекса Яломан-XV (рис. 87, 111–112), а также одиночный курган Уркош-VIII (рис. 62–63). Такая идентификация памятников основывается на изучении характеристик наземных конструкций погребальных сооружений, представляющих собой ограду из вертикально вкопанных плит. Именно этот тип сооружений наиболее характерен для населения афанасьевской культуры/общности на Алтае. Отмечаемое исследователями многообразие вариантов оформления наземных конструкций носителями указанной общности [Ларин О.В., 2005, табл. 1; Абдулганеев М.Т., 2006, с. 10; Погожева А.П. и др., 2006, с. 28; Степанова Н.Ф., 2005, с. 122; 2008, с. 89; Тюрина Е.А., 2009; и др.], по всей видимости, будет зафиксировано и в ходе раскопок курганов энеолита Уркошско-

го археологического микрорайона. Обратим внимание на то, что многие характеристики погребальных комплексов афанасьевской культуры рассматриваемого урочища совпадают с показателями, зафиксированными для памятников Средней Катуни в целом [Абдулганеев М.Т., 2006, с. 10]. Среди подобных признаков – расположение курганов на оконечности долин небольшими микрогруппами от трех-четырех объектов, ориентировка цепочек параллельно течению реки (Яломан-ХV), встречаются также одиночные ограды (Уркош-ХIII). Значительное сходство памятники афанасьевской культуры рассматриваемого микрорайона находят с одним из наиболее крупных комплексов этого времени Сальдяр, находящимся прямо напротив урочища, на другом берегу Катуни [Ларин О.В., 2005].

Хронология памятников афанасьевской культуры на сегодняшний день остается дискуссионной. Учитывая результаты радиоуглеродного датирования комплексов Горного Алтая, Минусинской котловины и, в меньшей степени, Монголии [Ковалев А.А. и др., 2008; Грушин С.П., 2009; Степанова Н.Ф., 2009; Поляков А.В., Святко С.В., 2009; и др.], представляется возможным предварительно отнести обозначенные объекты Уркошского микрорайона ко 2-й половине IV – 1-й половине III тыс. до н.э. Стоит отметить, что ни в одном из афанасьевских курганов не обнаружены бронзовые предметы. Это тоже является одним из культурно-хронологических маркеров.

Завершая рассмотрение особенностей памятников урочища Уркош энеолита, кратко коснемся вопроса о правомочности использования понятия «афанасьевская культура» для Алтая [Суразаков А.С., Тишкин А.А., 2007, с. 86]. На наш взгляд, устоявшиеся представления методологически (да и практически) не совсем верны. Обозначение «афанасьевская культура» непосредственно связано с изучением памятников Минусинской котловины [Теплоухов С.А., 1927, 1929а–б]. Исходя из этого и учитывая специфику комплексов, это название следует применять только на той территории. Механический перенос его на другие регионы искажает объективность реконструкции этнокультурной ситуации. Вместе с тем необоснованными являются и попытки выделения алтайского варианта афанасьевской культуры. В любом случае изученное явление не соответствует принципам обозначения локального варианта (см.: [Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003]). Это вполне самостоятельная культура, которая определенным образом сформировалась и имеет свою историю развития. В связи с этим есть смысл дать для Алтая ее собственное название, например, «сальдярская», по упомянутому выше памятнику, результаты которого монографически исследованы и опубликованы [Ларин О.В., 2005]. Однако данное предложение требует специального обсуждения. В научной литературе уже имеется некоторый опыт осмысления сложившейся ситуации [Тюрина Е.А., 2007; Степанова Н.Ф., 2008; и др.], что демонстрирует актуальность затронутой проблемы и определяет необходимость принятия соответствующих решений.

Памятники эпохи бронзы на территории Горного Алтая известны пока в незначительном количестве [Кубарев В.Д., 1998, 2009; Погожева А.П. и др., 2006, с. 10–17, 49–59; и др.], поэтому наши представления об этом периоде носят ограниченный характер. Не исключено, что к рассматриваемому времени могут относиться следующие объекты: №14 на памятнике Уркош-VII (рис. 58, 61.-а-б), Уркош-IX (рис. 64–65) и Уркош-X (рис. 66–71). Раскопки последнего, позволили выявить своеобразную конструкцию, не имеющую, насколько нам известно, прямых аналогий на ближайшей территории Центрального Алтая. Исследованный объект памятника Уркош-X состоял из вертикально вкопанных камней, напоминающих балбалы и образующих прямоугольную ограду. У ее северной длинной «стенки» находился небольшой каменный ящичек из плит, поставленных на ребро. Какие-либо материалы там отсутствовали, поэтому в настоящее время уверенно датировать памятник не представляется реальным. Возможно, что с накоплением материалов данная проблема будет решена. На это стоит надеяться в связи с фиксацией подобных объектов в Баян-Ульгийском аймаке Монголии [Төрбат Ц. и др., 2009] и целенаправленным их изучением зарубежными коллегами.

Аналогии раскопанному объекту, получившему обозначение Уркош-X, имеются в материалах исследований на памятнике Ирбисту-I (Южный Алтай), которые были проведены А.С. Суразаковым [1988]. Все зафиксированные сооружения археолог разделил на три группы. Среди общих характерных черт выделенного им второго типа первой группы конструкций А.С. Суразаков [1988, с. 31–32, рис. 8–9] отметил следующие: четырехугольные ограды, сооруженные из одного ряда отдельно стоящих камней; ориентировка объекта в широтном направлении; наличие у северной стенки ограды ямы, перекрытой плитами; отсутствие каких-либо вещественных находок. Датировка таких комплексов предварительно определена исследователем в рамках «эпохи финальной бронзы» [Суразаков А.С., 1988, с. 35].

В ходе совместных работ горно-алтайских и бельгийских исследователей в Кош-Агачском районе Республики Алтай также выявлены подобные конструкции, о чем было указано в первой главе монографии.

Там же Д.Г. Савиновым [1972] раскапывались курганы различной конструкции в пределах разных могильников (Узунтал I–VIII). Всего было раскопано 17 объектов. Некоторые из них соотнесены по аналогии с памятниками поздней бронзы (монгун-тайгинского типа) в Туве. По мнению Д.Г. Савинова, с курганами этого типа могут быть связаны прямоугольные оградки из небольших камней-валунов (12 × 6 м) с двумя продольными перемычками по длинным сторонам (южная перемычка посередине разорвана и образует подобие входа, у северной – посередине вымостка из горизонтально лежащих плиток и кострище), которые носят, очевидно, ритуальное значение. Обозначенная тема нашла отражение в одной из статей [Савинов Д.Г., Рева Л.И., 1993].

Следует указать, что в ходе работ Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции под руководством одного из авторов монографии в ряде сомонов Баян-Ульгийского аймака Монголии фиксировались оградки, аналогичные объекту, раскопанному на памятнике Уркош-Х. Однако такие сведения пока не опубликованы.

Целенаправленное изучение и раскопки известных сооружений, которые имеют свою локализацию, позволят осуществить культурно-хронологическую идентификацию. Насколько нам известно, такая работа уже ведется.

Представления о культуре населения Уркошского археологического микрорайона в эпоху бронзы дополняются результатами изучения памятников наскального искусства. Представим некоторые предварительные наблюдения, сделанные в ходе анализа сцены охоты лучников с писаницы Большой Яломан-III [Тишкин А.А., Чекрыжова О.И., 2004, с. 396–398].

В левой части зафиксированной композиции (рис. 17–21) имеются фигуры, вероятнее всего, охотников с грибовидными головными уборами, хотя не стоит исключать военный или ритуальный характер изображений сцены. Две фигуры расположены вертикально (одна над другой), а третья находится немного в стороне от них. Люди изображены в одинаковых позах: со слегка согнутыми в коленях ногами (как бы в полуприсяде), туловище и голова развернуты фронтально к зрителю, правая рука согнута в локте, а в вытянутой вперед левой руке находится лук. У одной из фигур (самой нижней), возможно, отмечен признак пола. Хотя не исключено, что таким образом показан какой-то предмет (например, кинжал, нож и др.) или это является небольшим «дефектом» при реализации выбивки и последующего подновления. Представляется важным отметить и такую необычную деталь: между ног изображенных охотников хорошо фиксируются линии-«перемычки». Насколько нам известно, такой момент ранее не отмечался исследователями. Возможно, эти детали отражают то, что в верхней части ноги связаны (?). Поэтому, по всей видимости, люди и изображены как бы в полуприсяде. Ведь именно так может двигаться человек с зафиксированными бедрами. Данное предположение не исключает и другую интерпретацию (например, как показатель деталей одежды, каких-то охотничьих приспособлений и т.д.). У каждого изображенного человека на голове хорошо просматривается грибовидный головной убор, а на поясе – подвешенный своеобразный предмет.

Выше располагается антропоморфная фигура, несколько отличающаяся от ранее описанных. Во-первых, человек изображен прямо стоящим, т.е. его ноги не согнуты в коленях. Во-вторых, на нем отчетливо не просматривается грибовидный головной убор. Это хорошо видно, несмотря на то, что в верхней части композиции изображения животных и антропоморфной фигуры накладываются друг на друга,

усложняя детальное «прочтение». В-третьих, у пояса нет подвешенного предмета, как у нижних «охотников», и не просматривается лук.

Выше, над самым верхним изображением козлика, вероятнее всего, была еще одна фигурка человека с подвешенным к поясу предметом, но имеющиеся искажения не дают возможности утверждать это с полной уверенностью.

Рассмотренные антропоморфные фигуры имеют довольно широкую географию аналогий. Подобные сюжеты известны на Алтае, Верхнем Енисее, во Внешней и Внутренней Монголии [Дэвлет М.А., 1998, с. 161; 2009]. Иконография их довольно устойчива, поза практически канонична: голова грибовидной формы и туловище изображаются в фас, ноги согнуты в коленях и представлены в профиль, одна рука согнута и касается бедра, на пояс подвешен предмет обычно округлой формы.

Исследователи древнего изобразительного искусства по-разному трактуют детали антропоморфных образов и их смысловую нагрузку. Е.А. Окладникова [1987, с. 172] объясняет каноничность позы тем, что люди изображались в момент ритуальной пляски. О «танцующей» походке писал В.Д. Кубарев [1987б, с. 154], однако называл их фигурками воинов, поскольку многие из персонажей держат в одной руке оружие (копья, луки), либо шаманов, если в руке у человека находится жезл или посох. В большом количестве такие изображения присутствуют на писанице Калбак-Таша [Кубарев В.Д., 1987б, рис. 3, 4, 8; Окладникова Е.А., 1987, рис. 1]. З.С. Самашев [1992, с. 193] определяет такие фигурки «ряженными», хвостатыми воинами. М.А. Дэвлет [1982, с. 31] рассматривает аналогичные свидетельства как антропоморфные изображения с грибовидными головами или человеко-мухоморы. Теме, касающейся изображений человечков в грибовидных головных уборах в наскальном искусстве Центральной Азии, исследовательница посвятила специальную статью [Дэвлет М.А., 2009].

Больше всего вопросов возникает в связи с интерпретацией предмета, подвешенного к поясу. Его определяют как хвост, сосуд или кожаную сумку, палицу или булаву [Кубарев В.Д., 1987; 2003, с. 19–20]. Но все же никто из исследователей не останавливается на однозначной трактовке, отмечая различные варианты возможного назначения вещи [Дэвлет М.А., 1998, с. 161; Кубарев В.Д., 2003, с. 20]. По мнению Э. Якобсон [2002, с. 36], более вероятным следует считать «длинные привески с шаровидным окончанием» монгольскими даллуурами, которые до сих пор используются в охотничьей практике для фиксации внимания небольших животных и представляют собой палку с прикрепленным к ней пучком шерсти яка.

Фигуры животных на рассматриваемой композиции (рис. 17–18, 20–21) достаточно многочисленны. Некоторые перекрывают друг друга, другие полностью не закончены. Кроме того, изображения осуществлены в разных масштабах и, по всей видимости, не одновременно.

В нижней части композиции животные с большими рогами, загнутыми назад, расположены отдельно друг от друга. Общие контуры позволяют определить их как фигуры козлов. Одно изображение лишено головы, поэтому его трактовка затруднена. В средней части композиции рисунки животных выполнены в увеличенном виде. Помимо огромных рогов, на голове есть ухо. Две фигуры читаются четко, остальные накладываются одна на другую и представляют трудности для описания. В верхней части на уровне головы антропоморфного изображения имеется еще одна хорошо читаемая, динамичная фигурка козла. Часть козликов, скорее всего, выбита позднее, чем человеческие фигуры, о чем свидетельствуют примеры палимпсестов (см., например, рис. 18-б). В то же время есть и более древние изображения, слабо проявляющиеся на поверхности (рис. 18-а), которые могли быть сделаны до изображений людей или вместе с ними, но оказались перекрыты поздними выбивками.

Не останавливаясь на семантике зафиксированной на святилище композиции [Суразаков А.С., 1996], в заключение необходимо указать на датировку многочисленных и широко распространенных изображений людей с грибовидными головными уборами. Традиционно их относят к эпохе бронзы, однако конкретный период, как правило, не уточняется. Соглашаясь с этим, стоит сказать, что более точные хронологические определения таких сюжетов возможны только при соотнесении их с соответствующими археологическими материалами.

Следующий этап в истории населения Уркошского археологического микрорайона связан с раннескифским временем. О том, что рассматриваемое урочище использовалось населением бийкенской культуры (конец IX – 2–3-я четверти VI в. до н.э.) [Тишкин А.А., 2007, с. 95–97; Тишкин А.А., 2011], свидетельствуют материалы ряда памятников. Прежде всего, к указанному времени относится курган №5 могильника Яломан-XV (рис. 87, 112). Об этом свидетельствуют зафиксированные особенности сооружения объекта, представлявшего собой насыпь, в центре которой находился каменный ящик. Обозначенный тип наземной конструкции является наиболее характерным для населения бийкенской культуры [Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 43–49]. Курган был пристроен в южной оконечности цепочки оград предположительно афанасьевской культуры и находился на самом краю террасы. К сожалению, в настоящее время объект почти полностью сполз вниз по склону.

Не исключено, что рассмотренный курган могильника Яломан-XV каким-то образом связан со святилищем Уркош-XV (рис. 86–90), находящимся в 40 м к северо-западу от него. Зафиксированные изображения (рис. 94–97) характерны для раннескифского времени и находят аналогии среди петроглифов и реалий на предметах (рис. 98) этого периода [Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016], о чем уже указывалось в предыдущих главах. Начало формирования святилища могло прои-

зойти в другое время. Это можно будет установить при проведении раскопок на обоих памятниках.

К аржано-майэмирскому времени, по всей видимости, также относятся некоторые петроглифы памятника Уркош-XIV (рис. 81–85), представленные, в частности, изображением оленя с ветвистыми рогами. На данное обстоятельство указали исследователи, которые осуществили копирование комплекса [Сидорова М.О., Маточкин Е.П., 2010].

К переходному от «раннескифского» к пазырыкскому времени, по мнению В.А. Могильникова и А.С. Суразакова [1994, с. 44], близки курганы №5 и 6 могильника Большой Яломан-II. Основанием для подобной атрибуции объектов стала сильная скорченность костяка из погребения №5. Вместе с тем необходимо отметить, что отсутствие материалов не позволяет более точно и детально определить хронологию данных объектов.

Наибольшее количество уверенно датированных объектов Уркошского археологического микрорайона относится к пазырыкской культуре скифо-сакского времени (2-я половина VI – III в. до н.э.). Данный период в истории населения рассматриваемого урочища иллюстрирован не только памятниками, выявленными в ходе разведок, но и материалами раскопок курганов №1–3 на могильнике Большой Яломан-II (рис. 6–14) [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 41–43, рис. 4–11, 13.–3–4]. Находок в могилах обнаружено мало, однако осуществить хронологическую и культурную атрибуцию объектов позволяет анализ многочисленных характеристик погребального обряда. В данном случае целесообразно привести достаточно подробное описание, представленное авторами раскопок в их публикации [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 45]: «... Для захоронения усопших сородичей выкапывались глубокие ямы, ориентированные длинной осью в широтном направлении. На дно устанавливались бревенчатые срубы в 2–4 венца. В южной их половине укладывались усопшие на правом боку с подогнутыми ногами, то есть в позе спящих. Ориентировались они головами на восток. Если в камере нужно было разместить двоих усопших, то у южной стенки укладывали взрослого мужчину, а далее к середине склепа – подростка или женщину. В северной половине сруба в керамической посуде устанавливали жидкую погребальную пищу. Рядом укладывали мясо курдючной части и ногу барана, металлический нож. Камеры перекладывались в продольном направлении толстыми плахами. Какие-то действия, связанные с огнем, совершались до или в процессе засыпки ямы, поскольку в их заполнении встречаются угли. После засыпки над ямами образовались небольшие холмики, вокруг которых выкладывались кольца на 1–3 слоя из крупного камня. Здесь также устраивались определенные ритуальные действия. В кургане №1 от них остались фрагменты керамики, а в кургане №2 к большому было пристроено малое каменное кольцо. Затем сооружения перекрывались округлыми в плане насы-

пиями из беспорядочно набросанных камней. Для совершения каких-то ритуальных действий на вершинах в центре курганов выкладывались небольшие каменные кольца. От совершаемых в процессе и после возведения курганных насыпей действий среди камней и рядом с полами обнаружены фрагменты керамики и кости животных. Кроме всего прочего курганы выстраивались в вытянутую с севера на юг цепочку и соединялись между собой широкими каменными перемычками». Отметим, что обозначенные исследователями показатели обряда в целом характерны для погребений пазырыкской культуры Горного Алтая и находят аналогии в материалах раскопок на многих памятниках данной общности [Руденко С.И., 1960; Кубарев В.Д., 1987, 1991, 1992; Суразаков А.С., 1989; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004; и др.].

Типичным могильником пазырыкской культуры является памятник Уркош-ХIII (рис. 77–80), расположенный неподалеку от рассмотренного выше комплекса. Это подтверждается прежде всего планиграфией некрополя, представляющего собой цепочку курганов, вытянутую по линии Ю–С. К скифо-сакскому времени также относится ряд объектов погребально-поминального комплекса Уркош-VII (рис. 57). Показательной чертой, зафиксированной на данном памятнике, является расположение жертвенника (рис. 61.-д) к западу от курганов, что характерно для обрядовой практики населения пазырыкской культуры [Руденко С.И., 1960, с. 25–26; Могильников В.А., 1983, с. 52–53; Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, с. 173; и др.].

Дополняет картину этнокультурной ситуации на территории Уркошского микрорайона в скифо-сакское время ряд изображений на местонахождениях петроглифов. Представляется возможным утверждать, что к этому времени относится большинство изображений козликов, составляющих преимущественную часть рисунков на памятниках урочища Уркош, а также зафиксированных на писанице Большой Яломан-III. Датировка обозначенных петроглифов находит подтверждение во многих работах по наскальному искусству Алтая и сопредельных территорий [Шер Я.А., 1980; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992; Самашев З.С., 1992; и др.]. Обратим внимание на то, что особенностью рассматриваемого микрорайона является расположение небольших скоплений рисунков на близком расстоянии к западу от курганов, часть из которых может относиться к скифо-сакскому времени.

Бурные политические и этногенетические процессы, происходившие на территории Центральной Азии в хуннуско-сяньбийско-жужанское время, когда Алтай являлся северной полупериферией крупных объединений кочевников, нашли отражение и в материалах Уркошского археологического микрорайона. К рассматриваемому периоду относится наиболее крупный погребальный комплекс урочища, получивший обозначение Уркош-I (рис. 40–43). Целый ряд визуально фиксируемых от-

личительных особенностей некрополя позволяет уверенно отнести его к булан-кобинской культуре Алтая. Топография данного памятника, расположенного на открытом месте на ровной террасе, неподалеку от объектов других периодов, достаточно часто встречается при рассмотрении комплексов обозначенной общности [Соёнов В.И., 2003, с. 29–30; Матрёнин С.С., 2005а, с. 11]. Характерна и планиграфия некрополя, который состоит из нескольких ориентированных в широтном направлении «цепочек» курганов, выстроенных в плотные ряды [Матрёнин С.С., 2005а, с. 11–12]. Большинство объектов представляют собой каменные насыпи с крепидой или выкладкой-стенкой из плоских плит. Подобные варианты оформления надмогильных сооружений, а также небольшие параметры насыпей являются распространенными в культуре населения Алтая II в. до н.э. – 1-й половины V в. н.э. [Матрёнин С.С., 2005б].

Целый ряд наблюдений позволяет обозначить памятники раннего средневековья, обнаруженные на территории урочища Уркош. Прежде всего остановимся на материалах, полученных в ходе раскопок выкладки №4 (рис. 9–10, 12.-а, 13), исследованной на могильнике Большой Яломан-II [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 43, рис. 12, 13.-2, 14, 15]. Авторы раскопок и публикации предложили рассматривать данный объект как кенотаф [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 47]. Проведенный анализ подобных объектов, получивших определенное распространение в период раннего средневековья [Серёгин Н.Н., 2005, 2008; Дашковский П.К., Серёгин Н.Н., 2008, с. 89–94], позволяет уточнить интерпретацию обозначенного захоронения. В данном случае речь идет о соотношении кенотафов тюркской культуры с отдельными («самостоятельными») захоронениями лошадей. Их нередко путают. Это объясняется главным образом неразработанностью дифференцирующих признаков для подобного рода объектов [Савинов Д.Г., 1994, с. 151]. Вместе с тем основные показатели, характерные для самостоятельных захоронений лошадей, уже обозначены специалистами. Прежде всего, это отсутствие сопроводительного инвентаря для человека [Нестеров С.П., 1990, с. 80] и места для его погребения [Кубарев Г.В., 2005, с. 20]. На наш взгляд, можно выделить и некоторые другие признаки, отличающие кенотафы тюркской культуры от указанных захоронений лошадей:

1) наличие внутримогильного сооружения, отделявшего животное от места предполагаемого погребения человека (каменные плиты, «перемычка» из слоя нетронутого материка и др.);

2) погребальная камера, предназначенная для помещения в нее умершего (сруб, каменный ящик);

3) наличие в могиле нескольких лошадей, причем полный комплект снаряжения (узда и седло со стремянами) находится нередко только на одном животном, остальные же являются «заводными» [Могильников В.А., 1981, с. 34]. В таком случае можно предполагать то, что лоша-

ди предназначались для конкретного человека, принадлежавшего к зажиточным слоям тюркского общества.

Совокупность показателей (отсутствие предназначавшихся для человека предметов, обозначенных выше внутримогильных сооружений и погребальной камеры, а также места для человека) позволяют отнести объект №4 могильника Большой Яломан-II к «самостоятельным» захоронениям лошадей. Расположение выкладки №4 с западной стороны от цепочки курганов пазырыкской культуры [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 4.-1] в целом не характерно для тюркской культуры, но все же находит аналогии в материалах ряда раннесредневековых памятников Алтая [Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 7; Кубарев Г.В., 2005, табл. 14, 120]. Анализ сопроводительного инвентаря, прежде всего предметов конского снаряжения, позволяет отнести захоронение лошади к катандинскому этапу тюркской культуры (2-я половина VII – 1-я половина VIII в. н.э.) [Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 162].

Одной из наиболее ярких находок, сделанных на территории урочища Уркош, являются надписи тюркского времени. Знаки, нанесенные черной краской в нише скального массива, обнаружены на каменных плоскостях, находящихся рядом с основной писаницей памятника Большой Яломан-III (рис. 31–37). При внимательном их рассмотрении удалось выявить остатки надписи [Тишкин А.А., 2006а, 2009б]. Лучшее всего сохранившийся фрагмент был скопирован на прочную прозрачную пленку. Как уже ранее было отмечено, этот рисунок и фотографии всего местонахождения были переданы для экспертизы в Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. Надпись была идентифицирована известными специалистами С.Г. Кляшторным и А.М. Щербаком.

В результате оказалось, что текст довольно сильно испорчен. Часть знаков, скорее всего, была специально смыта или затерта. Целиком восстановить изображения и прочитать их не удалось. По имеющемуся фрагменту С.Г. Кляшторным было представлено заключение о том, что надпись «тюркская» и сделана она «древнеуйгурским» письмом. Сохранился лишь конец текста, который имеет такие слова «...битиг битиди...», то есть «(эту) надпись написал...». Эксперты предположили, что палеографическая датировка надписи ранняя и может указывать на VIII–IX вв. Это время соответствует туэктинскому этапу развития тюркской культуры Алтая [Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 162; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011]. В Центральной Азии данный период приходится на господство Уйгурского каганата. Существует мнение, что Алтай не входил в сферу владычества этой державы [Кубарев Г.В., 2005, с. 143]. Однако активные военные действия способствовали тому, что часть тюрок переселилась на север в предгорно-равнинные территории и приняла участие в сложении из-

вестной сrostкинской общности [Тишкин А.А., 2007в, с. 199]. По сообщению С.Г. Кляшторного, надпись, зафиксированная на святилище Большой Яломан-III, является уже второй. Первая была обнаружена в Монголии около Улангома на стеле.

Уникальность найденных остатков текста заключается в том, что на Алтае это пока единственный случай. До этого были известны рунические тексты и знаки, процарапанные на скалах, кости, металлических изделиях. Надписи, сделанные черной краской и, по всей видимости, кистью, ранее не обнаруживались. Сам факт нахождения текста является значимым. Отмеченный факт в определенной мере позволяют рассматривать уйгурское влияние на Алтай. Однако в какой мере и как это происходило, еще предстоит выяснить.

Как уже было ранее отмечено, дополнительные исследования, проведенные под руководством Г.В. Кубарева, позволили не только зафиксировать новые изображения, но и найти две рунические надписи [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014]. Есть смысл более подробно остановиться на результатах проделанной работы и продублировать наиболее важные заключения. Так, Л.Ю. Тугушевой сделана транскрипция, а также осуществлены перевод и интерпретация надписи, выполненной уйгурским письмом (рис. 31–32). Оказалось, что она состоит из пяти вертикальных строк. Транскрипция выглядят следующим образом:

- «1) q(a)gan birläki
- 2) yaguqï-da érkin
- 3) öz bildgärip ö[z?]
- 4) élingä y(a)na bićig
- 5) bićidi»

Перевод такой: «Эркин, когда они вместе с каганом, возвращаясь в свой эль, подошли близко (~приблизилась), чтобы известить о себе, сделал (букв. написал) надпись» [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014, с. 80].

По мнению исследовательницы, орфография надписи «...выдержана в нормах, принятых в раннесредневековых уйгурографических письменных памятниках из Восточного Туркестана», а «характер письма ... может быть определен как ранняя разновидность курсива, которая наблюдается в восточно-туркестанских текстах, созданных в домонгольское время, но не ранее X в.», что подтверждается приведенным лингвистическим анализом и историческим контекстом [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014, с. 80–81]. Как уже было отмечено, полученные новые сведения в определенной мере дополняют уже имеющуюся информацию о тюрках Алтая.

Что касается рунических надписей (рис. 37), то одна из них «...короткая, однострочная, другая – двухстрочная» и «...выполнены в одной технике (слабо процарапаны по камню), одним и тем же вариантом ...

рунического письма, ... одним и тем же исполнителем и, скорее всего, одномоментно» [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014, с. 81]. Не все знаки оказались хорошо различимы. Транскрипция, перевод и интерпретация их были выполнены С.Г. Кляшторным:

«...Однострочная надпись состоит из восьми знаков, начальный (крайний справа) несколько обособлен от остальных. Два конечных знака зафиксированы неполно, последний не идентифицируется.

Транслитерация: 12 t2ŋr2ikn(m?)

Транскрипция: e1 teŋrikenim

Перевод: (мой) эль, мой тенгрикен

Первая (правая) строка двустрочной надписи состоит из восьми знаков, последний из которых зафиксирован неполно. Во второй (левой) строке 18 (19?) знаков; из них лишь девять могут быть идентифицированы, что делает крайне ненадежным прочтение большей части строки. Далее при транслитерации точки заменяют неопознанные знаки.

Транслитерация первой строки: t2ŋriknm.

Транскрипция: teŋrikenim

Перевод: мой тенгрикен

Транслитерация второй строки: kš/sl2...a 11... 1lad2..n'r2» [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014, с. 81]. Интерпретируемые рунические надписи могут быть датированы VIII–IX вв.

Следует также процитировать сделанное авторами статьи заключение.

«Судя по палеографическим особенностям надписей из Уркоша, рунические были сделаны раньше уйгурской. Автор последней не мог не заметить прочерченные ранее знаки. Об этом косвенно свидетельствует то, что уйгурская надпись, другие знаки и изображения, нанесенные черной краской одним и тем же человеком, не налегают на рунические надписи, а как будто окаймляют их со всех сторон.

...Надпись уйгурским письмом, выполненная черной краской на скале, – единственная находка такого рода в регионе. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех трех рассмотренных надписях из Уркоша присутствуют титулы высших носителей государственной власти или предводителя племени. Раннесредневековые рунические надписи, в которых упоминаются титулы правителей и определенные политические события, встречаются на Алтае не так уж часто. Об этом можно судить по алтайскому корпусу рунических надписей, насчитывающему на сегодняшний день около 90 лаконичных текстов и строк» [Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М., 2012, с. 16].

Итак, изучение памятников Уркошского археологического микро-района позволяет в общем виде представить специфику процессов, происходивших в этой местности в древности и средневековье. Безусловно, сделанные наблюдения носят в значительной степени предварительный характер, что связано с малым количеством исследован-

ных комплексов. Хронология ряда объектов, обнаруженных в урочище, до осуществления раскопок может быть определена только в широких рамках раннего железного века и средневековья. Вместе с тем проведенные исследования демонстрируют широкие возможности первоначального осмысления результатов археологических разведок и являются базой для возможных дальнейших стационарных работ. К сожалению, в настоящее время раскопки археологических памятников на территории Республики Алтай серьезным образом затруднены негативным отношением местного населения к такого рода деятельности. В подобной ситуации комплексные разведочные работы остаются единственным источником для пополнения знаний о специфике процессов в конкретных районах.

Проведенное изучение Уркошского археологического микрорайона показывает, что территория урочища активно использовалась людьми начиная с древности и до сих пор. В настоящее время в данной местности функционирует хозяйственная стоянка (зимник), включающая комплекс строений и представляющая определенный интерес для изучения этнографического облика современного населения Центрального Алтая. Относительно высокая степень концентрации погребально-поминальных комплексов на весьма ограниченной территории, наличие двух крупных святилищ, а также многочисленных местонахождений петроглифов (своего рода «малых святилищ») [Суразаков А.С., 1996, с. 84]) позволяет поставить вопрос об особом сакральном статусе урочища. Раскрытие данного утверждения может быть связано с продолжением комплексных исследований Уркошского археологического микрорайона.

ГЛАВА IV

УРОЧИЩЕ УРКОШ КАК ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СКОТОВОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО АЛТАЯ

Проблема реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения населения, проживавшего в древности на территории Алтая, уже поднималась в работе А.Н. Садовой и С.С. Онищенко [2003], где указанные авторы, опираясь на определение, сформулированное В.И. Козловым [1991], представили опыт применения «ландшафтного подхода», который используется в географии и распространяется «...на экологические, прикладные биологические дисциплины и археологию». В ходе их исследований были получены достаточно информативные результаты. В частности, рассмотрены разные модели экономической структуры и реконструкция социальной организации населения, проживавшего в долине Чулышмана в предтюркское время [Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003]. Такой подход, на наш взгляд, имеет продуктивный характер и может быть использован при изучении археологических микрорайонов Алтая, которые отражают этапы адаптации системы жизнеобеспечения отдельных групп населения на разных исторических этапах и в конкретных природно-климатических условиях. В связи с этим необходимо привести определение понятия «система жизнеобеспечения», предложенное В.И. Козловым [1991]: «...взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации, традиций потребления и распределения, то есть экологически обусловленных параметров социального поведения, которые обеспечивают человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды обитания».

Используя обозначенный подход и опираясь на теорию археологического микрорайона (АМР), может быть создана основа для реконструкции системы жизнеобеспечения как в отдельно взятом урочище, так и во всем Центральном Алтае на протяжении длительного времени. Для этого есть необходимость краткого обобщения уже накопленного опыта в рамках реализации идеи изучения АМР [Археологические микрорайоны..., 1994, 2004, 2009 и др.]. Основные положения такого научно-исследовательского подхода, как выявление и изучение археологических микрорайонов, были сформулированы В.И. Матющенко, дополнены его омскими учениками и сибирскими

коллегами при опоре на результаты, полученные в свое время С.А. Теплоуховым, а также его учеником и последователем М.П. Грязновым [Жук А.В., 1994, 1997].

В 1997 г. археологический микрорайон представлялся как группа археологических памятников, расположенных в пределах сравнительно-ограниченного пространства, которое можно рассматривать как экологическую нишу с устойчивой природно-географической обстановкой [Матющенко В.И., 1997]. Археологический микрорайон демонстрировался в виде устойчивой системы, включающей два основных компонента (природно-географические условия и сообщество людей), имея разные масштабы. Одним из вариантов может быть такое определение АМР – это комплекс одновременных или разновременных археологических памятников (от нескольких до десятков и сотен), находящихся на ограниченной территории, образующих достаточно устойчивую в природно-экономическом отношении систему природных (экологических, в самом широком смысле этого понятия), социальных, духовных и производных от их взаимодействия факторов, находящихся в сбалансированном состоянии [Матющенко В.И., 1997].

В последующий период шла дальнейшая отработка теоретической модели АМР, в ходе которой формировался корпус сторонников, несмотря на имевшиеся проблемы. В 2001 г. в коллективной монографии «Нижнетарский археологический микрорайон» [2001, с. 4] было дано такое определение: «...АМР есть локальная природно-географическая проекция экологической ниши, занятая памятниками, которые появились как результат освоения этой ниши».

По мнению Л.В. Татауровой [2009, с. 113], в настоящее время понятие археологического микрорайона «...прочно вошло в научный оборот» и отражает «...природно-культурное явление, дошедшее до наших дней в виде археологических памятников, занимающих определенную территорию, которая была освоена человеком в тот или иной исторический период». Рассмотренный подход стал использоваться в качестве теоретической модели не только в Западной Сибири, но и за ее пределами [Карпушкина О.А., 2009; Гарковик А.В., 2009; Макаров Л.Д., 2009; и др.], а также в рамках изучения древних памятников горных систем, включая Алтай [Бородовская Е.Л., 2009; Тишкин А.А., 2009в; и др.].

Как уже было замечено, понятие «археологический микрорайон» включает в себя три основные составляющие (археологическую, географическую и экологическую), комплексное изучение которых направлено на получение информации для реконструкции жизни древнего населения [Сумин В.А., 2006]. Данный подход уже широко применяется и имеет положительные результаты.

Прежде чем начать обозначенное рассмотрение по отношению к Уркошскому археологическому микрорайону, есть смысл представить краткий географический очерк о Центральном Алтае, опираясь

на имеющиеся публикации [Петров В.Ф., 1952; Камбалов Н.А., 1955; Куминова А.В., 1960; Петкевич М.В., 1971; Алтайский край, 1978; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 93–98; Зольников И.Д., Мистрюков А.А., 2008; и др.]. По мнению А.Н. Садового и С.С. Онищенко [2003, с. 9], «...анализ природно-климатических условий позволяет выявить факторы, ограничивающие развитие тех или иных форм хозяйствования в конкретном районе...», что затем сказывается на реконструкции конкретных моделей систем жизнеобеспечения.

Алтай является самостоятельной частью Алтае-Саянской горной страны, состоящей из категорий рельефа разного возраста и генезиса. На Онгудайский район Республики Алтай приходится половина площади Центрально-Алтайской орографической провинции, образованной системой хребтов, протянувшихся с юго-востока на северо-запад (Катунский, Теректинский, Северо-Чуйский, Айгулакский, Сальджарский), а также южными отрогами Семинского хребта. В ботанико-географическом отношении эта территория относится к западной части Алтае-Саянской геоботанической провинции и является ее центральной подпровинцией.

Для рельефа Центрального Алтая характерна большая расчлененность. Это проявляется в сочетании узких (влажных) эрозийных долин с остепненными многоступенчатыми террасами Катунь, Урсула, Чуи и их притоками, а также с широкими (сухими) средне- и высокогорными котловинами (Теньгинская, Урскульская, Онгудайская и другие «островные» степи) со своим микроклиматом, растительным покровом и многими природными особенностями. Они нередко соединяются небольшими долинами, а иногда образуют достаточно изолированные друг от друга массивы, сообщение между которыми осуществляется посредством перевалов.

Большая часть речных долин и высокогорные степи использовались с древности для выпаса скота. Зимой они почти не имеют снегового покрова и дают возможность для тебеневки копытных животных. Пастбищами с таким же растительным покровом являются долины крупных рек в расширяющихся местах. Некоторые устья и долины пригодны для ограниченного использования их под земледелие.

Рассматриваемый регион обладает развитой гидрологической структурой. Основная водная артерия – река Катунь – пересекает Онгудайский район с юга – юго-востока на север – северо-запад. Данный участок считается Средней Катунью. Берега реки имеют вид ступенчатых террас, насчитывающих до семи уровней. Наиболее крупными притоками Катунь являются Урсул и Чуя, текущие в относительно широтном направлении.

В пределах Онгудайского района наблюдается контрастность северных и южных склонов. Южные склоны испытывают недостаток влаги вследствие их раннего прогревания, высоких летних температур, бы-

строого стекания со склонов атмосферных осадков. Эти условия способствуют развитию степной растительности. Северные склоны получают основную массу атмосферных осадков и почти повсеместно покрыты лесом, пышной луговой растительностью. Объем осадков варьирует также в пределах отдельных частей района (отмечается их уменьшение в юго-восточном направлении, особенно за линией перевала Чике-Таман). Еще одна особенность этого района – отчетливо выраженная высотная (вертикальная) поясность почвенных зон, определяющая растительный и животный мир. Фиксируется их полный набор: степные и сухостепные почвы в среднегорных котловинах и на расширенных участках речных долин; горно-лесные почвы на относительно увлажненных северных, северо-западных, и северо-восточных склонах; сухостепные каштановидные, реже – черноземные почвы на южных склонах; горно-луговые и горно-тундровые почвы.

С начала геологической эпохи голоцена (12–8 тыс. лет назад) и особенно в неолитический период (8 тыс. лет назад – середина IV тыс. до н.э.) в основных чертах оформился современный климат Алтая, варьировавший на протяжении последующего времени в сторону потепления и похолодания, усыхания и увлажнения. Сочетание данных показателей в разные исторические времена отличалось своеобразием, хотя и не было столь существенным, чем в степном поясе Евразии. Сейчас климат в Онгудайском районе резко континентальный, но он более мягкий в долинах.

Сложный рельеф и строение земной коры, богатство полезных ископаемых и экологических ресурсов, а также вариабельность природно-климатических условий были оптимальными для эффективной организации присваивающего и производящего типов хозяйства, что способствовало освоению человеком территории Онгудайского района уже с глубокой древности.

В ходе обследований, осуществленных Яломанской археологической экспедицией АлтГУ, зафиксированы отдельные природно-ландшафтные особенности урочища Уркош (рис. 113–122), частично изложенные в предыдущих главах. Они играли определенную роль в формировании системы жизнеобеспечения проживавших там социумов. К сожалению, не обнаружены следы древних или средневековых поселений, которые могли способствовать хотя бы частичной реконструкции важных составляющих элементов исследуемой системы. Наличие поселенческих комплексов, не только состоящих из мест проживания, но и демонстрирующих хозяйственное освоение определенной экологической ниши, является базовой основой для воссоздания системы жизнеобеспечения и облика культуры в рамках изучения археологических микрорайонов [Татаурова Л.В., 2009, с. 113–114].

Имеющиеся сведения, представленные во второй главе, включая материалы частично изученного культурного слоя у святилища Большой Яломан-III [Суразаков А.С., 1996], пока недостаточны для формирова-

ния полноценной хозяйственной картины. Поэтому будут лишь намечены отдельные аспекты обозначенного направления исследований, в том числе с опорой на эколого-географические и этнографические наблюдения. Не стоит исключать в перспективе обнаружение следов проживания отдельных групп животноводов в рассматриваемом урочище. Есть смысл провести специальные обследования, основанные на уже имеющемся опыте подобного рода работ на Алтае [Шульга П.И., 2015].

Изучение природно-географической обстановки в урочище Уркош было связано с выяснением ресурсной базы, необходимой для реализации присваивающих и производящих видов хозяйства. При участии специалиста-ботаника удалось идентифицировать некоторые виды растительности*. Важным заключением можно считать указание на наличие участков петрофитной луговой степи (рис. 114), которые являются благоприятными пастбищами для домашних животных (рис. 116).

На этих участках и в других местах произрастает многообразие различной растительности (рис. 111–121). В данной монографии демонстрируется лишь часть из них: схизонепета многонадрезанная (*Schizonepeta multifida* (L.) Briq.), эдельвейс бледно-желтый (*Leontopodium ochroleucum* Beauv.), володушка двустебельная (*Bupleurum bicaule* Helm) (рис. 117.-а), кермек красивый (*Goniolimon spesiosum* (L.) Boiss.) (рис. 117.-в, е), зизифора пахучковидная (*Ziziphora clinopodioides* Lam.) (рис. 117.-з), дендрантема выемчатолистная (*Dendrathera sinuatum* (Ledeb.) Tzvel.) (рис. 117.-б), купена лекарственная (*Polygonatum odoratum* (Mill.) Druce) (рис. 117.-д), эфедра хвощевая (*Ephedra equisetina* Bunge) (рис. 118.-а), можжевельник казацкий (*Juniperus sabina* L.) (рис. 119.-а–б), крыжовник иглистый (*Grossularia acicularis* (SM.) Spach) (рис. 119.-в–з), барбарис сибирский (*Berberis sibirica* Pall.) (рис. 120.-а–б); карагана алтайская (*Caragana altaica* (Kom.) Pojark.) (рис. 120.-в), спирея трехлопастная (*Spiraea trilobata* L.) (рис. 120.-з), лиственница сибирская (*Larix sibirica* Ledeb.) (рис. 121.-а), ель сибирская (*Picea obovata* Ledeb.) (рис. 121.-б) и др.

Стоит отметить, что вдоль русла Катунь и в непосредственной близости произрастают другие кустарниковые и древесные виды растительности, среди которых выделяется колония тополей (рис. 111). Выше по логу располагается небольшой лесной массив (рис. 114.-а), около которого в один из полевых сезонов были встречены медведи.

В основном на террасах, где пасется домашний скот, преобладает низкая степная растительность (рис. 113). Возможности для реализации земледелия там весьма ограничены, хотя в советское время принималась распашка отдельных участков, но их продуктивность не была высокой.

* Авторы монографии благодарны д.б.н., профессору АлтГУ М.М. Силантьевой за осуществленные определения.

В ходе обследований удалось сфотографировать отдельных обитателей рассматриваемой территории (рис. 122). На склонах гор, неподалеку от зафиксированных курганов, обнаружены курумники (рис. 115), которые, несомненно, являлись строительным материалом для погребальных и других зафиксированных сооружений из камней, в том числе загонов для скота.

Стоит отметить, что не на всей территории урочища имеются археологические памятники. К северу – северо-западу от его центра на верхней террасе есть большой участок, где какие-либо визуально фиксируемые погребально-поминальные объекты отсутствуют. Зато имеются благоприятные условия для выпаса скота.

Обнаруженные и идентифицированные археологические памятники рассматриваемого микрорайона, а также отмеченные природно-климатические условия в определенной мере отражают возможности представления систем жизнеобеспечения древних и средневековых народов, обитавших в Центральном Алтае. При этом основная проблема при реализации реконструкций «...заключается в правомерности экстраполяции современной информации о составляющих ландшафта на исследуемый период» [Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003, с. 209]. Данное указание, несомненно, следует учитывать в ходе работы. Это касается и рассмотрения современной хозяйственной деятельности. Тем не менее в такой информации всегда имеются рациональные сведения, которые позволяют, используя их и привлекая археологические материалы, сделать правильные заключения.

Первую попытку рассмотреть отдельные аспекты системы жизнеобеспечения в рамках урочища Уркош предприняли В.А. Могильников и А.С. Суразаков [1994, с. 44–47], которые, опираясь на результаты своих раскопок, предположили, что в урочище Уркош в пазырыкское время (2-я половина VI – III в. до н.э.) проживала община, оставившая свои погребальные сооружения в одном из самых предпочтительных мест на верхней катунской террасе.

«Судя по погребальной пище, одной из отраслей хозяйства данной общины было скотоводство, в частности овцеводство, глиняные сосуды лепные, обжиг их костровой. Тесто использовалось с обильной примесью песка с золотистыми вкраплениями. Изготавливалась керамика от грубой до толстостенной. Последним характеризуются кувшины. Донца у посуды уплощенные, венчик заovalен. Из орнаментации нам известен горизонтальный пояс вертикальных насечек по верхней части плечиков. В металлургии использовалось железо.

Судя по погребальным камерам, община имела капитальные рубленые из бревен зимние жилища. Основой объединения людей в общину служили кровно-родственные связи, что подчеркивалось соединением курганов между собой широкими каменными перемычками. Предводитель пользовался при жизни достаточным весом, в честь чего ему был

возведен впоследствии более крупный по размерам курган» [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 44–45].

Организованные в общину сородичи занимались реализацией похорон по определенным сложившимся канонам, характерным для носителей пазырыкской культуры. Приведенные данные могут быть дополнены другими наблюдениями, а также более детальным изучением полученных находок, в том числе с использованием методов молекулярно-генетических исследований останков как людей, так и животных.

Судя по тому, что в урочище Уркош, кроме могильника Большой Яломан-II, зафиксирован еще комплекс Уркош-XIII, который отражает все признаки организации могильника пазырыкской культуры, можно предположить о проживании еще одной общины или, по всей видимости, семейно-родственной группы. Данный некрополь расположен недалеко от предыдущего, но в стороне, у современного зимника. Его раскопки могут дать существенные сведения и расширить представления о системе жизнеобеспечения населения, проживавшего в рассматриваемом месте.

Отдельные сооружения скифо-сакского времени, вероятно, имеются на других памятниках урочища, небольших по количеству оставленных объектов. Они также демонстрируют освоение пространства носителями пазырыкской культуры в течение длительного времени.

А.С. Суразаков [1996] предполагал наличие среди петроглифов святилища Большой Яломан-III изображений животных, синхронных периоду существования пазырыкской общности. Не стоит исключать их присутствие среди петроглифов и других местонахождений. Для проверки этих размышлений необходимо детальное изучение наскальных рисунков и проведение обстоятельного сравнительного анализа с другими датированными памятниками наскального творчества. Такой подход обеспечит выявление основных объектов охоты, запечатленные наблюдения древних жителей, бытовавшие мировоззренческие представления, а также другие информационные показатели, дополняющие традиционные археологические источники.

Следующая община, которая оставила свое сооружение, по мнению В.А. Могильникова и А.С. Суразакова [1994, с. 46–47], проживала на территории урочища Уркош в тюркское время и «...имела явно скотоводческую хозяйственную направленность, поскольку в захоронение был помещен верховой конь. В данном случае нам известно, что устроивший погребение коллектив имел из домашних животных овец и лошадей. Обнаруженные здесь кости барана принадлежали особи средней величины. Лошадь, судя по определению В.П. Данильченко, проведенному в кабинете остеологии ИА АН СССР, имела возраст до трех лет и рост в холке 150 см (пясть – 234 мм).

Поскольку в захоронение помещен конь, мы теперь имеем представление и об основном транспортном животном общины, т.е. верховой лошади, и о конской сбруе. Металлические ее части изготовлены из же-

леза. Удила и псалии сделаны из круглого в сечении стержня... В состав сбруи входили роговая подпружная пряжка и стремяна. На седло, вероятно, была наклеена орнаментированная береста» [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 46–47].

О пребывании людей в урочище Уркош в период существования на Алтае тюркской культуры свидетельствуют зафиксированные надписи, которые демонстрируют отдельные сюжеты из жизни общества того времени [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014], изложенные в предыдущей главе. Важными следует считать заключения исследователей, касающиеся определения титула «тенгрикен», упомянутого в двух рунических строках на памятнике Большой Яломан-III: «...Титул тенгрикен встречается и в рунической письменности Тюркского каганата (Онгинская надпись, стк. 5, 6, 8), и чаще в уйгурских манихейских и буддийских текстах из Восточного Туркестана. Во всех случаях термин входит в титулатуру высших носителей государственной власти или является единственным обозначением государя... В Онгинской надписи титул *baγa teŋriken* отнесен к высшему лицу в государстве. Данный термин, тем не менее, толкуется неоднозначно. С.Е. Малов в своем переводе Онгинской надписи предлагает значение “божественный, августейший”... Л.Ю. Тугушева цитирует приводимое Махмудом Кашгарским толкование “мудрый, благочестивый (человек)” и замечает, что “этот термин чаще употребляется в значении титула правителя”... В “Древнетюркском словаре” *täŋriken* – “божественный”... Напротив, Дж. Клосон, опираясь, очевидно, на разъяснение Махмуда Кашгарского, полагает, что значение сакральности в этом слове отсутствует и его следует переводить как “благочестивый, набожный”... В Онгинской надписи (стк. 5) термин употреблен в сочетании *baγa teŋriken*..., которое можно рассматривать как парное выражение с одинаковым значением обоих слов: согдийское *baγa*, адаптированное в древнетюркском языке, означает именно “божественный”, и поэтому мы считаем наиболее предпочтительным для текстов VIII в. толкование С.Е. Малова “божественный, августейший” с позднейшим переосмыслением термина в мусульманской среде (Махмуд Кашгарский, XI в.). Интерпретируемые... рунические надписи могут быть датированы VIII–IX вв.» [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014, с. 82]. Приведенные заключения дополняют информацию о социальной организации центральноазиатских кочевников в период раннего средневековья.

Что касается других периодов существующей культурно-хронологической схемы исторического развития народов Алтая, то система жизнеобеспечения по ним может быть намечена лишь в самых общих чертах. Для более конкретных реконструкций необходимы материалы, полученные при раскопках и изучаемые с помощью междисциплинарного подхода.

Как уже было отмечено, памятники эпохи камня в урочище Уркош пока не обнаружены. Наиболее древними свидетельствами являются погребальные объекты так называемой афанасьевской культуры, носители которой пришли на Алтай во 2-й половине IV тыс. до н.э. Это время обозначается энеолитом и является переходным периодом от каменного века к эпохе палеометалла. Новое население имело определенные традиции и мировоззрение, сложившиеся в среде обществ с производящим типом хозяйства. «Афанасьевцы» были животноводами и металлургами, хотя охота и собирательство также имели существенное значение. Они освоили практически всю территорию Алтая. Определенными маркерами такого положения дел являются зафиксированные поселения, петроглифы и погребальные сооружения, оформленные с помощью камней, часть из которых представляет собой крупные кромлехи. На территории Уркошского археологического микрорайона зафиксирован одиночный курган (памятник Уркош-VIII), который находится на краю нижней террасы Катунь (рис. 62, 63). Аварийное состояние кургана может стать причиной его раскопок. Это позволит получить дополнительные сведения об афанасьевской культуре/общности, научный интерес к которой с каждым годом возрастает, чему особенно способствуют палеогенетические исследования, осуществляемые за рубежом. Возможно, что к указанной культуре относится ряд объектов на памятнике Яломан-XV, где, в частности, фиксируется ограда из вертикально поставленных плит (рис. 112). Среди петроглифических комплексов рассматриваемого микрорайона пока достоверно не выявлены изображения периода энеолита.

Несмотря на длительный период изучения памятников афанасьевской культуры Алтая, остается много проблем, связанных с реконструкцией системы жизнеобеспечения у населения, проживавшего в конце IV – 1-й половине III тыс. до н.э. Но особенно много их по эпохе бронзы (2-я половина III – начало I тыс. до н.э.). Исследователи выделяют несколько периодов в развитии этой эпохи: ранний, развитый, поздний. Они различаются между собой не только изменениями в обработке цветных металлов, социальной структуре или хозяйстве, но и сменой населения на территории Западной и Южной Сибири, сопровождавшейся сложными этнокультурными процессами. Материалы эпохи бронзы из Центрального Алтая по-прежнему малочисленны и не позволяют сделать каких-либо выводов о системах жизнеобеспечения.

В период ранней бронзы (конец III – 1-я четверть II тыс. до н.э.) на Алтае проживало скотоводческое население, оставившее немногочисленные памятники каракольской культуры, которые зафиксированы и изучены В.Д. Кубаревым [2009]. Археологические комплексы развитой бронзы пока не обнаружены. Их отсутствие, возможно, связано с неблагоприятными климатическими условиями. Отдельные объекты, предположительно связываемые исследователями с периодом поздней

бронзы, о чем было изложено в предыдущей главе, пока не дают возможности для их полноценной идентификации. Это касается и раскопанной ограды па памятнике Уркош-Х, где вообще не было каких-либо датирующих материалов.

Несмотря на кратко обозначенные проблемы изучения эпохи бронзы, специалисты, занимающиеся древним наскальным искусством, в своих работах указывают на наличие значительного количества изображений, относящихся ко II тыс. до н.э. Непосредственно об этом же в неоднократно упомянутой заметке написал А.С. Суразаков [1996] после изучения святилища Большой Яломан-III. По его мнению, основной массив изображений там был сделан в эпоху бронзы и отражал охотничью деятельность: «Среди изображений... имеются козлы, маралы, люди в грибовидных головных уборах, всадники, хищники, змеи, мифические чудовища. Судя по всему, основное ядро композиции сложилось в эпоху бронзы и затем было дополнено в последующий период. Главная ее сюжетная направленность – охотничий промысел. Однако передано все это через воспроизведение общей мировоззренческой схемы...

По мере функционирования место это, скорее всего, приобрело значение священного центра для родоплеменных групп достаточно обширной территории, что, в свою очередь, привело к общей сакрализации всей окружающей части долины, где появились многочисленные «малые святилища», устраивавшиеся небольшими семейно-родственными коллективами» [Суразаков А.С., 1996, с. 82, 84].

«Разведочный шурф показал, что для совершения ритуальных действий перед петроглифами разжигались костры, а в состав жертвенной пищи входило мясо (кости животных в слое)» [Суразаков А.С., 1996, с. 82]. Продолжение исследований культурного слоя святилища может дополнить имеющуюся информацию. Как показывает опыт такой работы в Горном Алтае на раскопках у р. Кучерлы [Молодин В.И., Ефремова Н.С., 2008, 2010, 2011 и др.], может быть получен представительный материал для реконструкции духовной и материальной культуры древних обществ.

Тщательное изучение петроглифов Уркошского археологического микрорайона, по всей видимости, позволит определить их более детальную культурно-хронологическую атрибуцию. Особую важность представляют имеющиеся сюжеты, в которых отражены люди и домашние животные.

Что касается переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку, то в Уркошском археологическом микрорайоне этому периоду соответствуют курганы памятника Яломан-ХV, петроглифы святилища Уркош-ХV и часть изображений комплекса Уркош-ХIV, о чем подробно изложено во второй главе. Для территории Алтая выделена бийкенская археологическая культура аржано-майэмирского времени (конец IX – 2–3-я четверти VI в. до н.э.) [Тишкин А.А., 2011]. На осно-

ве изучения материалов исследованных комплексов частично рассматривались отдельные аспекты системы жизнеобеспечения населения Алтая в «раннескифский» период [Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997]. Основные направления деятельности были связаны с коневодством и разведением мелкого рогатого скота, что оптимально соответствовало природно-климатическим условиям того времени. Верховая езда и подвижный образ жизни создали предпосылки для оформления жилищ, формирования рациона питания, создания предметов снаряжения и др. Памятники бийкенской культуры отражают многие реалии материальной культуры, социальной структуры и мировоззрения. В курганах обнаружены каменные «ящики» и другие сооружения, где на уровне древнего горизонта или в неглубоких ямах находились погребения людей в сильно скорченном положении, в основном на левом боку, головой на запад или северо-запад. Вместе с умершими людьми хоронили целых лошадей или части таких животных, часто со специфическим конским снаряжением. Известны поселения, а также изобразительные памятники бийкенской культуры, которые еще слабо изучены. Наличие археологических объектов бийкенской культуры на Уркошском археологическом микрорайоне свидетельствует о том, что урочище было освоено в аржано-майэмирское время. Привлекая материалы ближайших памятников этого круга, можно продолжить изучение системы жизнеобеспечения этого важного периода в истории Алтая.

Несомненную перспективу для решения задач, поставленных в данной главе, могут дать сплошные раскопки компактного некрополя Уркош-I, уверенно отнесенного к булан-кобинской культуре хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Монокультурное кладбище является важным показателем для реконструкций социального плана, а также для определения времени проживания на конкретной территории определенной группы людей. Непотревоженные погребения смогут обеспечить материалами, необходимыми для моделирования системы жизнедеятельности в отдельно взятом урочище.

К сожалению, на территории Уркошского археологического микрорайона не обнаружены памятники развитого и позднего средневековья. Данное заключение также требует своего осмысления.

Весьма показательным, на наш взгляд, является современный опыт сформировавшейся системы жизнеобеспечения в урочище Уркош. В основу такого изложения легли наблюдения в период с 2002 по 2011 г., когда осуществлялись поездки в урочище Уркош, где находится зимник, состоящий из ряда жилых и хозяйственных построек, а также из некоторых приспособлений (рис. 123–126). Обозначение «зимник» в определенной форме условное, так как данный населенный пункт используется и в другие времена года, в том числе летом. Поэтому на стойбище, кроме построенного домика с печкой для зимнего пребывания, имеется еще традиционное жилище алтайцев, называемое «аил» и ис-

пользуемое в основном в теплое время года (рис. 125.-а). Между ними установлена важная часть организации жизненного пространства – конюшня (рис. 125.-б), о значении которой (по-алтайски – качы) имеется много информации, что связано с ролью лошади в хозяйстве и мировоззрении местного населения (см., например: [Медешеева В.М., 2008; Тадина Н.А., 2008; и др.]). Следует отметить, что хозяева рассматриваемого крестьянского хозяйства круглый год живут в селе, где у них имеется стационарный дом. Наличие зимника связано с особенностью животноводства на Алтае. Его расположение имеет свое значение. Создатели зимника опирались на определенный опыт и выбирали наиболее эффективный вариант, руководствуясь прежде всего соображениями практического плана. В данном случае постройки располагаются далеко от воды, но в необходимой доступности и для людей, и для животных. Главным, по-видимому, являлось то, что выбранное место закрыто от ветров, находится в стороне от оживленной автомагистрали и близко к пастбищам.

Кроме жилых построек, в систему зимника входят разные загоны и другие хозяйственные постройки, связанные с содержанием скота в течение круглого года (рис. 123–124). Важными элементами являются полузакрытые сараи, предназначенные для содержания мелких рогатых животных во время окота, а также для крупного рогатого скота во время отела. Еще одной особенностью является сооружение для погрузки животных на машину (рис. 126) для транспортировки в живом виде или для дальнейшего забоя, или для перемещения в другое место. На территории стойбища имеется поилка, изготовленная из цельного ствола дерева (рис. 126.-б). Рядом с ней лежат куски соли, которая особо необходима для крупного рогатого скота (рис. 130.-в).

Фотоснимки, на которых представлены все составляющие организации жизни и деятельности на стойбище (рис. 123–132), были сделаны летом 2010 г. В этот период сложилась благоприятная климатическая обстановка, позволившая держать скот в урочище, так как благодаря регулярным дождям растительный покров позволял скоту полноценно питаться вблизи зимника. В неблагоприятные сезоны, когда трава на открытых участках выгорает, прокормить скот проблематично, хотя к этим условиям многие домашние животные приспособились. Для поддержания их в холодный и снежный период на зимник хозяева завозят сено, заготовленное в другом месте.

Состав стада в указанный период наблюдений варьировался. В 2010 г. в урочище зафиксирован небольшой табун лошадей (рис. 127.-а–б), которые по окраске отличались от коней из соседнего урочища Кур-Кечу (рис. 127.-в). Наибольшее количество домашних животных представляли козы (рис. 128–129). По мнению местных жителей, их разведение является наиболее рациональным в данном месте (по сравнению с овцами), чтобы иметь возможность питаться самим и продавать мясо как

туристам, так и крупными партиями приезжающим заготовителям. Крупного рогатого скота было немного (рис. 130). Таких домашних животных предпочитают содержать в деревнях для постоянного получения молока и молочных продуктов, играющих важную роль в рационе питания алтайцев. Содержавшиеся на зимнике коровы и быки, скорее всего, предназначались для сдачи их на мясо. Кроме перечисленных домашних животных, в урочище были отмечены овцы, но не в большом количестве. Особую роль в жизни и деятельности местного населения играют собаки, которые не только охраняют жилища и скот, но и используются как помощники на охоте. На зимнике в урочище Уркош нам встретился миролюбивый пес (рис. 131), который выполнял свои обязанности, как и другие собаки более крупных кондиций. Наличие на зимнике собак не решало проблемы борьбы с волками, участвовавшими в своих набегах на территорию урочища. Определенную миссию в плане борьбы с этими хищниками играло сделанное пугало (рис. 132).

Кратко изложенное состояние современного содержания скота на зимниках, конечно же, не отражает полной картины деятельности местных жителей, которые пытаются адаптироваться к новым сельскохозяйственным реалиям, восстанавливая традиционные формы животноводства. Представленная демонстрация показывает возможности освоения пространства отдельно взятого урочища.

Дальнейшее осмысление зафиксированных сведений, а также привлечение материалов, полученных в соседних урочищах и долинах, позволят продвинуться далее в процессе реконструкции системы жизнеобеспечения на протяжении длительного времени. Для реализации этого плана необходима специальная программа применения теории археологического микрорайона для получения эффективных заключений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благодаря неоднократным и сплошным обследованиям в урочище Уркош Яломанской экспедицией зафиксированы 25 памятников, которые относятся к различным периодам: от энеолита до этнографического времени. Всего был обнаружен 71 наземный объект (преимущественно курганы), не считая стел и других вертикально установленных камней. Следует отметить концентрацию местонахождений петроглифов, что может свидетельствовать о наличии святилищ разных форм и предназначений [Суразаков А.С., 1996, Тишкин А.А., 2010; Тишкин А.А., Серёгин, 2010]. Полученные материалы расширяют источниковую базу для определения общих и особенных факторов формирования археологических микрорайонов в условиях горной местности, закономерностей пространственно-территориальной организации различных комплексов. Дальнейшее изучение обнаруженных объектов является перспективным для разработки дробной хронологии, реконструкции этнокультурных и социально-демографических процессов, происходивших в Центральном Алтае в разные исторические периоды, а также для воссоздания системы жизнеобеспечения в рассматриваемом регионе.

Многолетнее исследование отдельного археологического микрорайона позволяет получить сведения о развитии культуры населения определенной территории на довольно длительном отрезке времени. Сравнение этих данных с результатами других изысканий дает возможность представить более объективную картину и для крупных историко-культурных областей. Такие обстоятельства особенно важны для народов, не оставивших письменных источников.

Изучение комплексов разновременных археологических памятников на одном месте в Сибири имеет свою историю, которая отражает опыт и перспективные возможности реализации обозначенного направления исследовательской деятельности. В этом плане укажем на работы С.А. Теплоухова [1927, 1929а–б] в Минусинской котловине и М.П. Грязнова [1951, 1956; и др.] в Верхнем Приобье. Имеются и другие многочисленные примеры аналогичной практики [Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н. и др., 1979; Молодин В.И., 2001, с. 8; Матющенко В.И., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003; и др.]. Широкомасштабные исследования были проведены Институтом археологии и этнографии СО РАН в Горном Алтае на отдельных микрорайонах плоскогорья Укок в 1990-е гг. Важно отметить, что изучение полученных материалов при этом носило междис-

циплинарный характер и нашло отражение в серии публикаций [Древние культуры..., 1994; Полосьмак Н.В., 1994, 2001; Полосьмак Н.В., Молодин В.И., 2000; Феномен алтайских мумий, 2000; Молодин В.И. и др., 2004; и др.].

Анализируя опыт реализации на Алтае обозначенного подхода, следует отметить, что появилась необходимость создания универсальной исследовательской программы, более или менее адаптированной к реальным исполнительским возможностям, но с существенным эффектом и конкретными результатами [Тишкин А.А., 2004]. Такое направление разрабатывается в Алтайском государственном университете в течение ряда лет. Некоторые результаты уже озвучивались на конференциях и отражены в публикациях, многие из них указаны в библиографическом списке, приводимом в данной монографии. При выполнении комплекса мероприятий сложилась система теоретического и практического характера, основанная главным образом на междисциплинарном изучении получаемых в ходе раскопок материалов отдельных археологических микрорайонов или базовых памятников и направленная на создание емкой культурно-хронологической схемы таких историко-культурных областей, как Горный Алтай и Лесостепной Алтай. Следует указать, что успешному выполнению реализуемых проектов способствует постоянное взаимодействие с разными академическими учреждениями и вузами страны, а также привлечением зарубежных партнеров.

Так, при изучении комплекса разновременных памятников Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье [Тишкин А.А., Грушин С.П., 2000; Тишкин А.А., Горбунов, В.В., Казаков А.А., 2002; и др.] использованы традиционные археологические методы для установления последовательности сооружения погребально-поминальных объектов на протяжении более трех с половиной тысяч лет. Кроме того, благодаря взаимодействию со специалистами из многих городов России, удалось существенным образом пополнить наши знания, например, о периоде ранней бронзы за счет получения следующих данных: антропологические, молекулярно-генетические, археозоологические, палеокарпологиические и трасологические определения; результаты радиоуглеродного датирования; спектральный анализ; графические реконструкции внешнего облика людей по найденным черепам и др. [Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003; Елунинский археологический комплекс..., 2016]. Целый комплекс исследовательских подходов и анализов реализован при изучении отдельного памятника периода ранней бронзы Березовая Лука в Алейской степи: палеогеографические изыскания и реконструкции; механический и химический анализы проб грунта, взятых из разных слоев; данные о спорово-пыльцевых комплексах; радиоуглеродное датирование; молекулярно-генетический анализ ДНК из костей умерших младенцев; полуколичественный спектральный

анализ свидетельств бронзолитейного производства; антропологические, археозоологические, трасологические, петрографические и другие определения [Тишкин А.А., 2002; Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А., 2005; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2011; и др.]. И такая работа продолжается. Можно привести еще ряд успешно выполняемых в обозначенном русле проектов. Однако остается довольно серьезная проблема, связанная с представлением и обоснованием подробной культурно-хронологической схемы развития и взаимодействия древних и средневековых народов, проживавших в различных природно-ландшафтных зонах Алтая. Полученные археологические свидетельства позволили наметить такую картину для поздней древности, раннего и развитого средневековья [Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а, 2005; Тишкин А.А., 2006б, 2007в; и др.]. Ведется работа по расширению хронологического диапазона представленной периодизации в сторону удревнения. Тем не менее остается много вопросов, требующих системного подхода в их решении. Важной, например, является проблема синхронизации полученных на Алтае археологических материалов с данными из памятников других регионов, а также с хорошо известными историческими событиями и датами. Существует необходимость создания единой культурно-хронологической концепции для степей Евразии не только I тыс. до н.э. [Марсадолов Л.С., 2004], но и для последующего времени вплоть до этнографической современности. Выполнение такой задачи, на наш взгляд, вполне реально, но требует определенной концентрации усилий в указанном направлении и интеграции научного сообщества разных регионов. В таком плане исследование археологических микрорайонов обеспечит реальную возможность определенного решения обозначенной задачи. Однако для этого нужно выработать общую систему действий.

Исходя из опыта работ, можно предложить на обсуждение следующий вариант современного подхода к реализации многопланового, и не только научного, комплекса мероприятий, связанных с археологической деятельностью. Для этого необходима продуманная схема, основанная на поэтапной реализации алгоритма апробированной исследовательской практики. На некоторых моментах подобной системы, используемой одним из авторов монографии, стоит остановиться. В принципе, ниже представленные мероприятия хорошо знакомы археологам, но важно, чтобы они стали нормой при проведении исследований, обеспечивая максимально возможную в настоящее время научную информативность получаемых материалов, и способствовали осознанию практической значимости осуществляемой деятельности.

1. На основе анализа опубликованных материалов и исходя из опыта проведенных обследований разработаны методики выявления и фиксации археологических памятников конкретных эпох, периодов и культур.

2. Определенным образом осуществлена проверка выявленных закономерностей на уже отработанных памятниках и на новых, ранее не изученных объектах. Это дает возможность целенаправленного проведения раскопок, обеспечения эффективности работы и получения конкретных результатов.

3. Использование метода сплошного и неоднократного обследования территории микрорайона создает условия для выявления максимального количества археологических и других культурно-исторических объектов.

4. Применение тахеометрической съемки обнаруженных и уже известных объектов, обеспечивает высокую точность фиксации и создает возможность многопланового использования набранных данных (например, создание планов разных масштабов с привязкой к геодезическим пунктам и к системам высот, для трехмерных ландшафтных построений и др.). Несмотря на трудоемкость данного процесса, эффект от такой работы самый высокий. Он обеспечивает грамотное документирование как отдельного археологического объекта, так и всего комплекса с необходимой точностью. Планы такой съемки не только могут использоваться в различных отраслях научной деятельности, но и имеют практическое значение (при любом согласовании различных проектов, при вычислении объемов необходимых работ и т.д.). Они позволяют, дополнительно не выезжая на место, экономить финансовые ресурсы). Наряду с этим, важным является установление географических координат с помощью современных навигаторов и приемников.

5. В ходе обследований основной задачей исследовательской практики является максимально возможное извлечение информации из изучаемого объекта без проведения раскопок. В данном направлении имеется серьезнейший научный потенциал, редко востребованный археологами. Это заключается в изучении топографических и планиграфических особенностей расположения памятников и отдельных объектов, использовании геофизических и других методов разведки, проведения палеогеографических изысканий и реконструкций (сбор всевозможных проб и образцов для последующих анализов, начиная с простого гербария и заканчивая, например, химическим определением состава почв). Имеющиеся исследовательские примеры демонстрируют хорошие перспективы такой многоплановой работы. В настоящее время появилась возможность использовать современные летательные аппараты (квадрокоптеры и др.) и доступные космические снимки для получения разноплановой информации.

6. Использование при археологических раскопках метода сплошного вскрытия территории памятника, не всегда удастся, но к этому необходимо стремиться, несмотря на то, какие цели стоят перед исследователями. К большому сожалению, археологам чаще всего приходится

работать с аварийными объектами, что значительным образом затрудняет процесс научного осмысления. Тем не менее использование при раскопках всего комплекса фиксаций (описание, подробные графические планы, фотографирование, рабочая видеосъемка), а также сбор и подготовка максимального количества проб и образцов для дальнейших естественно-научных определений обеспечат эффективность проведенных исследований.

7. Музеефикация или воссоздание прежнего ландшафтного вида исследованных объектов – важное направление деятельности, которое требует особого подхода, основанного на зарубежном и отечественном опыте. Необходимы широкое обсуждение проблемы музеефикации археологических объектов и реализация конкретных проектов [Дашковский П.К., Тишкин А.А., 2007; Тишкин А.А., 2008; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011; и др.].

8. Интеграция с коллегами, а также с заинтересованными специалистами разных областей научных знаний. Выработка новых и оригинальных методов при обработке и изучении археологических материалов.

9. Полная и качественная публикация результатов, полученных при всесторонних исследованиях. Написание этнокультурной истории исследованного района или историко-культурной области.

10. Популяризация полученных сведений через средства массовой информации путем создания интернет-ресурсов, организации выставок, оформления музейных экспозиций и т.д.

Кроме того, для реализации вышеобозначенных задач на Алтае в разных природно-ландшафтных зонах (степь, лесостепь, предгорья, горы и др.) были выбраны и прошли проверку археологические микрорайоны, изучение которых позволяет сделать культурно-хронологический срез на довольно большой территории путем сравнения многочисленных данных из разных памятников, относящихся к целому ряду известных и еще необозначенных археологических культур. Реализация данной концепции должна более объективно отразить не только развитие, но и взаимодействие древних и средневековых народов. Последующее междисциплинарное изучение расширит информативную базу, а корректное вовлечение подготовленных археологических объектов в экскурсионно-туристический бизнес принесет возможные дивиденды, которые можно будет направить на проведение финансово емких исследований (например, сплошной молекулярно-генетический анализ ДНК из костей погребенных людей и животных, получение значительного количества радиоуглеродных дат по разным эпохам, дендрохронологические и ксилотомические определения и т.д.). Указанные направления уже осуществляются, и не за горами получение результатов такой деятельности.

Сведения, продемонстрированные в данной монографии, необходимо учитывать при составлении археологической карты Онгудайско-

го района и в ходе организации охраны объектов историко-культурного значения. Некоторые выявленные памятники находятся сейчас в аварийном состоянии и требуют скорейших исследований. К сожалению, крупные раскопки в центральной части Республики Алтай по-прежнему остаются очень сложным делом по причине сохраняющегося негативного отношения к подобного рода работам у местного населения (это особенно касается территории, находящейся между селами Купчегень и Большой Яломан), что угрожает безопасности участников экспедиций.

В заключение необходимо акцентировать внимание на том, что уровень современных исследований и результатов во многом зависит и от степени консолидации научных коллективов.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Матрёнин С.С. Отчет о проведении археологической разведки в Онгудайском районе Республики Алтай в полевом сезоне 2003 г. Барнаул, 2004. 120 с. // Архив МАЭА АлтГУ. №201.

Матрёнин С.С. Отчет о проведении археологической разведки в Онгудайском районе Республики Алтай в полевом сезоне 2004 г. Барнаул, 2005. 92 с. // Архив МАЭА АлтГУ. №214.

Серёгин Н.Н. Отчет о результатах проведения археологической разведки в Онгудайском районе Республики Алтай в полевом сезоне 2008 г. Барнаул, 2009. 74 с. // Архив МАЭА АлтГУ. №248.

Серёгин Н.Н. Отчет о результатах проведения археологической разведки в Рубцовском районе Алтайского края и в Онгудайском районе Республики Алтай в полевом сезоне 2009 г. Барнаул, 2010. 104 с. // Архив МАЭА АлтГУ. №250.

Тишкин А.А. Отчет об археологических исследованиях в Алтайском крае и Республике Алтай. Барнаул, 2002. 237 с. // Архив МАЭА АлтГУ. №159.

Тишкин А.А. Отчет о проведении археологических исследований в Онгудайском районе Республики Алтай и в Первомайском районе Алтайского края летом и осенью 2003 г. Т. I–II. Барнаул, 2005. 569 с. // Архив МАЭА АлтГУ. №220.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т. Афанасьевские некрополи Средней Катун и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 4–19.

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 году) // Известия Императорской Археологической комиссии. Петроград : [б. и.], 1916. Вып. 62. 94 с.

Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.А., Киреев С.М. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск : АКИН РА, 2008. 144 с.

Алтайский край. Атлас. Т. 1. М. ; Барнаул : Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1978. 222 с.

Артюх Е.А. Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. 292 с.

Археологические микрорайоны Западной Сибири. Ч. 1. Омск : [б. и.], 1994а. 100 с.

Археологические микрорайоны Западной Сибири. Ч. 2. Омск : [б. и.], 1994б. С. 103–177.

Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск : ОмГУ, 1997. 206 с. : карты, табл., рис., планы.

Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск : ОмГУ, 1998. 87 с.

Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : ГарантПромРесурс, 2004. 114 с.

Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : Апельсин, 2009. 168 с.

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая : коллективная монография / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачёва, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.К. Феденева, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 176 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.

Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск : Наука, 1985. С. 51–88.

Бородовская Е.А. Археологические микрорайоны горной долины Нижней Катун // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : Апельсин, 2009. С. 20–25.

Бородовский А.П. Археологические микрорайоны Горного Алтая на правобережье Нижней Катунь // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : ГарантПромРесурс, 2004. С. 19–22.

Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соёнов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В. Древности Чуйского тракта. Горно-Алтайск : АКИН РА, 2005. 103 с.

Буржуа Ж., Гейли У., Эбель А.В., Федосова Т.В. Картографирование археологических объектов долины Юстыд в Кош-Агачском районе Республики Алтай // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 7. Барнаул : АлтГПА, 2011а. С. 46–49.

Буржуа Ж., Гейли У., Эбель А.В., Федосова Т.В. Работы по датированию объектов в долине Юстыд // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 7. Барнаул : АлтГПА, 2011б. С. 49–52.

Верещагин В.И. Поездка по Алтаю летом 1908 года (путевые заметки) // Алтайский сборник. Т. X. Барнаул : Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1910. С. 1–46, карта.

Гарковик А.В. Археологический микрорайон на побережье бухты Евстафия // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : Апельсин, 2009. С. 33–38.

Грушин С.П. Радиоуглеродная хронология афанасьевских памятников Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 110–112.

Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2013. 54 с.

Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. XVIII. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. С. 9–17.

Грязнов М.П. Археологические исследования территории одного древнего поселка (раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) // КСИИМК. Вып. XL. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. С. 105–113.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л., 1956. 160 с. (МИА. №48).

Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 62 с.

Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. 167 с.

Дашковский П.К., Серёгин Н.Н. Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. II. Барнаул : Азбука, 2008. С. 83–100.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Начальный этап музеефикации памятников Чинетинского археологического микрорайона // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 21–26.

Дворников Э.П., Буржуа Ж., Эбель А.В., Юркова Н.А. Полевые археологические исследования в долине реки Юстыд Кош-Агачского района в 2011 г. и перспективы дальнейших работ // Мир Евразии. 2011. №4. С. 12–18.

Дёмин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск : Наука, 1994. 224 с.

Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1883. Т. XI. Вып. II. Табл. I–VII.

Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. М. : Наука, 1982. 128 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М. : Наука, 1998. 288 с.

Дэвлет М.А. Об изображениях человечков в грибовидных головных уборах в наскальном искусстве Центральной Азии // Центральная Азия и Южная Сибирь. М. : Пробел-2000, 2009. С. 139–150.

Елин В.Н., Ларин О.В. Петроглифические разведки // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск : АКИН РА : ГАГУ : ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 73–75.

Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения : коллективная монография / С.П. Грушин, Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, А.А. Казаков, П.Г. Дядьков, О.А. Позднякова, К.Н. Солодовников, С.С. Тур, Т.М. Потемкина, А.В. Бондаренко, В.А. Борисов, П.А. Косинцев, Л.Л. Гайдученко, И.А. Вальков, Г.А. Миляев, Л.В. Сатаева, П.В. Волков, Е.А. Пономарева, К.И. Воронкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 270 с. : ил.

Жук А.В. Батени под лопатой С.А. Теплоухова: археологический микрорайон? // Археологические микрорайоны Западной Сибири Ч. 1. Омск : [б. и.], 1994. С. 29–33.

Жук А.В. Генезис идеи археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск : ОмГУ, 1997. С. 43–75.

Зольников И.Д., Мистрюков А.А. Четвертичные отложения и рельеф долин Чуи и Катунь. Новосибирск : Параллель, 2008. 182 с. + 8 с. цв. ил.

Камбалов Н.А. Природа и природные богатства Алтайского края. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1955. 176 с. : ил.

Карпушкина О.А. Методические проблемы выделения археологических микрорайонов в Удмуртском Прикамье // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : Апельсин, 2009. С. 62–64.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. II. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. 171 с. : ил.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 288 с. : ил.+вкл.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центрально-азиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического упорядочивания памятников бронзового века Центральной Азии // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 172–186.

Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса (содержание понятия и его экологические аспекты) // Этническая экология: (Теория и практика). М. : Наука, 1991. С. 14–43.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 230 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987а. 302 с.

Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Первобытное искусство: Антропоморфные изображения. Новосибирск : Наука, 1987б. С. 150–169.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 270 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск : Наука, 1992. 218 с.

Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 24–54.

Кубарев В.Д. Алтай – Монголия: итоги и перспективы изучения наскального искусства // Древности Алтая. №10. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003а. С. 48–61.

Кубарев В.Д. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. №11. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003б. С. 23–35.

Кубарев В.Д. Наскальное искусство Алтая. Новосибирск ; Горно-Алтайск : [б. и.], 2003в. 94 с.

Кубарев В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №3 (19). С. 65–81.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 264 с.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск : [б. и.], 1992. 123 с.

Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу. Обследование петроглифов Алтая в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири

и сопредельных территорий. Т. X, ч. I. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 306–308.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Куминова А.В. Растительный покров Алтая. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния АН СССР, 1960. 450 с.

Кунгуров А.Л. Опыт создания периодизации каменного века Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 130–143.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-I. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 208 с.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Равноденственное «окно» астрономической обсерватории окуневской эпохи юга Западной Сибири (астрокомплекс отслеживания восхода Солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 190–197.

Макаров Л.Д. Археологические микрорайоны Вятской земли // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : Апельсин, 2009. С. 82–86.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX в.). СПб. : Гос. Эрмитаж, 1996. 100 с.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000а. 56 с.

Марсадолов Л.С. Ритуальный центр в долине р. Чуи на Алтае // Святлища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000б. С. 206–210.

Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2001. 184 с. : ил.

Марсадолов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I-го тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар : [б. и.], 2004. С. 69–85.

Марсадолов Л.С., Самашев З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая. СПб. : Гос. Эрмитаж : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана МОН Республики Казахстан, 2000. 76 с. : ил.

Марсадолов Л.С., Горшков В.А., Стёганцева В.Я., Тишкин А.А., Ченцов М.В. Первые палеоастрономические исследования на Бийке // Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 190–195.

Матрёнин С.С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН РА, 2005. С. 105–119.

Матрёнин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 23 с.

Матрёнин С.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребально-поминальные комплексы у горы Хрустальной (Центральный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 3–4. Горно-Алтайск : АКИН РА, 2006. С. 78–90.

Маточкин Е.П. Петроглифы Бош-Туу // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск : АКИН РА : ГАГУ : ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 75–78.

Матющенко В.И. Археологический микрорайон в археологических исследованиях // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск : ОмГУ, 1997. С. 29–43.

Матющенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (Ом VII). Раскопки 1998, 1999 годов. Омск : ОмГУ, 2003. 64 с. + 93 ил. (Новое в археологии Прииртышья. Вып. 3).

Мендешева В.М. Конь в традиционной культуре алтайцев // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. II. Барнаул : Азбука, 2008. С. 250–260.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Гравировки на скалах Хакасии: новые технологии документирования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань : Отечество. 2014. С. 72–76.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск : [б. и.], 1983. С. 40–71.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 38–48, 210–225.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М. : Ин-т археологии РАН, 1995. С. 62–74.

Молодин В.И. Плоскогорье Укок – уникальный археологический микрорайон Южной Сибири // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Ч. I. Омск : [б. и.], 1994. С. 72–75.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Т. 1. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. 128 с.

Молодин В.И. Наскальные изображения Бии. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. 112 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Культурный комплекс Куйлю (Кучерла-1): преемственность иррационального опыта // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №1 (33). С. 68–78.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. 264 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Итоги изучения культового комплекса Кучерла-1 (грот Куйлю) в Горном Алтае // Древние и современные культовые места Алтая. Барнаул : ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. С. 15–48.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 255 с.

Мухарева А.Н., Тишкин А.А. Петроглифы местонахождений Уркош-ХV в Центральном Алтае (о документировании наскальных изображений, выполненных в технике шлифовки) // Археология Южной Сибири. Вып. 27. Кемерово : КемГУ, 2016. С. 90–100.

Нижнетарский археологический микрорайон / П.В. Большаник, А.В. Жук, В.И. Матющенко и др. Новосибирск : Наука, 2001. 256 с.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Орлова Л.А. Фауна Малояломанской пещеры (Центральный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 192–197.

Окладникова Е.А. Образ человека и искусстве Центрального Алтая // Первобытное искусство: Антропоморфные изображения. Новосибирск : Наука, 1987. С. 170–180.

Петкевич М.В. Строение поверхности // Горный Алтай. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1971. С. 46–62.

Петров В.Ф. Почвы Алтайско-Саянской области М. : Изд-во АН СССР, 1952. 252 с.

Погожева А.Н., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул : Азбука, 2006. 234 с.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-алахинские курганы). Новосибирск : Наука, 1994. 124 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : Инфолио-пресс, 2001. 336 с. : ил.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №4. С. 66–87.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул : Азбука, 2009. С. 20–56.

Потанин Г.Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 г. // Древности : Труды Императорского Московского Археологического общества. Т. X. М. : [б. и.], 1885. С. 50–57.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.

Савинов Д.Г. Раскопки в Горном Алтае // Археологические открытия 1972 г. М. : Наука, 1973. С. 235–236.

Савинов Д.Г. Наскальные изображения в стиле оленных камней // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М. : ИА АН СССР, 1990. С. 174–181.

Савинов Д.Г., Рева А.И. К вопросу о ритуальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири (могильники Барлык II и Узунтал IV) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 45–51.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата : Гылым, 1992. 288 с.

Садовой А.Н., Онищенко С.С. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения населения Восточного Алтая предтюркского периода // Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 209–220.

Серёгин Н.Н. Кенотафы тюркской культуры Алтая // Материалы XLIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. Новосибирск : НГУ, 2005. С. 62–64.

Серёгин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2008. С. 144–153.

Сидорова М.О., Маточкин Е.П. Комплекс петроглифов Уркош-14 (Горный Алтай) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5. С. 164–170.

Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. 160 с.

Соёнов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шибалинского района. Горно-Алтайск : АКИН РА, 2006. 100 с.

Соёнов В.И., Суразаков А.С. Археологические памятники особо охраняемых природных территорий Республики Алтай. Горно-Алтайск : АКИН РА, 2001. 68 с.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура: особенности погребального обряда памятников Горного Алтая и Среднего Енисея // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 89–92.

Степанова Н.Ф. Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 121–125.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 154–159.

Степанова Н.Ф., Соёнов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск : АКИН РА, 2009. 212 с. [8] л. цв. ил.: ил.

Сумин В.А. Крохалёвский археологический микрорайон как источник комплексного изучения жизни древнего населения Верхнего Приобья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2006. 23 с.

Суразаков А.С. Ирбисту-I // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1988. С. 22–59.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1989. 216 с.

Суразаков А.С. Святилище Большой Яломан-III // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 82–84.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул : Азбука, 2007. 232 с.

Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 112 с. : ил. + вкл.

Тадина Н.А. Конь как сакральный дар с «теплым дыханием» в ритуальной практике алтайцев // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 152–156.

Татаурова Л.В. Теория и практика археологических микрорайонов // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : Апельсин, 2009. С. 113–116.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III. Вып. 2. С. 57–112.

Теплоухов С.А. Древнеметаллические культуры Минусинского края // Природа. 1929а. №6. Стб. 539–551.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. 1929б. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.

Тишкин А.А. И.-Р. Аспелин – исследователь древностей Сибири (краткий биобиблиографический очерк) // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 66–72.

Тишкин А.А. О пребывании И.-Р. Аспелина на Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 124–130.

Тишкин А.А. Комплексный подход в изучении памятника Березовая Лука // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 183–186.

Тишкин А.А. Опыт изучения на Алтае археологических микрорайонов // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : ГарантПромРесурс, 2004. С. 89–93.

Тишкин А.А. Новые и известные находки каменных stel и изваяний скифского времени на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005а. С. 171–179.

Тишкин А.А. О состоянии некоторых памятников наскального искусства Онгудайского района Республики Алтай // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005б. С. 179–189.

Тишкин А.А. Историко-культурное наследие Алтая. Вып. 1: Древности Онгудайского района. Барнаул : Азбука, 2006а. 12 с.

Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006б. 54 с.

Тишкин А.А. Фиксация археологических объектов в Горном Алтае: опыт тахеометрической съемки комплекса памятников около устья реки Большой Яломан // Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2007а. С. 104–109.

Тишкин А.А. Археологические памятники в урочище Кур-Кечу (Горный Алтай) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. Т. I. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2007б. С. 94–98.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007в. 356 с.

Тишкин А.А. Практический опыт музеефикации археологических объектов на территории Алтая и Монголии // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного и природного наследия при реализации проектов и программ развития Сибири и Дальнего Востока. Томск : ТГУ, 2008. С. 113–122.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука, 2009а. 208 с.

Тишкин А.А. Редкая тюркская надпись в центре Алтая // «Номо Eurasius у врат искусства». СПб. : Астерион, 2009б. С. 422–425.

Тишкин А.А. Комплекс разновременных археологических памятников в урочище Кур-Кечу на Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : Апельсин, 2009в. С. 125–129.

Тишкин А.А. Святилища Уркоша, Яломана и Бош-Туу // Алтай сакральный: культовые и археоастрономические смыслы древних святилищ. Барнаул : Изд-во Жерносенко С.С., 2010. С. 85–93. (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 1).

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica» : мат. Междунар. симпозиума. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 272–290.

Тишкин А.А., Гиенко Е.Г., Дружинина Е.В. Астроархеологические исследования на древних памятниках в урочище Уркош (Центральный Алтай) // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул : ООО «Пять плюс», 2012. С. 100–103 (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 3).

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. №9. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2002а. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002б. С. 456–461.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии,

этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья : иллюстрированный исторический атлас. Барнаул : ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. 136 с. : ил.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К. Исследование археологических микрорайонов на Алтае // Археологические открытия 2003 года. М. : Наука, 2004. С. 476–481.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. 276 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матрёнин С.С. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : ГарантПромРесурс, 2004. С. 93–97.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Комплекс разнокультурных археологических объектов на памятнике Телеутский Взвоз-I в Алтайском Приобье // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. III. Новосибирск : НГУ, 2000. С. 53–60.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 494–497.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. К вопросу о выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб. : Изд-во ГЭ, 2003. С. 166–168.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Матрёнин С.С., Горбунов В.В. Археологические памятники в урочище Уркош // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 3–4. Горно-Алтайск : АКИН РА, 2006. С. 156–165.

Тишкин А.А., Матрёнин С.С., Серёгин Н.Н. Уркошский археологический микрорайон на Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск : Апельсин, 2009. С. 129–134.

Тишкин А.А., Серёгин Н.Н. Выявление новых и мониторинг известных объектов в Онгудайском районе Республики Алтай // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2008 г.: Археология, этнография, устная история. Вып. 5. Барнаул : АлтГПА, 2009а. С. 36–40.

Тишкин А.А., Серёгин Н.Н. Итоги археологического обследования в Онгудайском районе Республики Алтай // Древности Сибири и Центральной Азии. Вып. 1–2 (13–14). Горно-Алтайск : ГАГУ, 2009б. С. 49–59.

Тишкин А.А., Серёгин Н.Н. «Малые святилища» урочища Уркош (Центральный Алтай) // Алтай сакральный: культовые и археоастрономические смыслы древних святилищ. Барнаул : Изд-во Жерносенко С.С., 2010. С. 115–119. (Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 1).

Тишкин А.А., Чекрыжова О.И. Сцена охоты лучников с писаницы святилища Большой Яломан-III (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004а. С. 394–398.

Тишкин А.А., Чекрыжова О.И. Изображения животных в аржано-май-эмирском стиле у подножья горы Хрустальная (Горный Алтай) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб. : СПбГУ, 2004б. С. 276–279.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул : Азбука, 2010. 288 с. : ил.

Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В. Надпись уйгурским письмом и рунические надписи из местности Уркош (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №4 (60). С. 77–82.

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2012. 152 с.

Тюрина Е.А. К вопросу о содержании термина «афанасьевская археологическая культура» // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Вып. 2. Томск : ТГУ, 2008. С. 234–238.

Тюрина Е.А. Опыт классификации погребальных сооружений афанасьевской культуры // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2009. №4/2 (64/2). С. 237–242.

Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1959. 252 с. : ил.

Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 320 с.

Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии №3. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998а. С. 97–112.

Худяков Ю.С. Раскопки аварийных объектов на памятниках Кок-Эдиган и Чоба-Бильдыр в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998б. С. 167–169.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улут-Чолтух в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 504–509.

Худяков Ю.С., Миронов М.В. Раскопки курганов пазырыкской культуры на памятниках Кок-Эдиган и Тянгыс-Тыт в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. С. 537–541.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 95–150.

Чевалков Л.М. Комплекс каменных орудий с реки Яломан // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск : АКИН РА, 2007. С. 3–6.

Черемисин Д.В. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. С. 146–160 (Труды САИПИ. Вып. VII).

Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Миклашевич Е.А., Лбова Л.В., Жестест Ж.-М., Плиссон Ю., Кретан К. Исследование технологических особенностей наскальных изображений Горного Алтая в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 362–368.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.

Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы ; М. : Гылым, 1998. С. 218–230.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск : НГУ, 2015. 336 с.

Шуныков М.В. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск : Наука, 1990. 60 с.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 г. // Древности : Труды Императорского Московского Археологического общества. Т. IX. Вып. II–III. М. : [б. и.], 1883. С. 181–205.

Якобсон Э. К вопросу об информативности петроглифических и погребальных памятников эпохи бронзы // Археология, антропология и этнография Евразии. 2002. №3 (11). С. 32–47.

Alt-Altaische Künstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Hrsg von. Hjalmar Appelgren-Kivalo. Hfors, 1931. 47 s. + 76 kuvas. 2: o.

Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвэндорж Д., Баттулга Ц., Баярхуу Н., Идэрхангай Т., Жискар П.Х. Монгол Алтайн археологийн Дурсгалууд-I Баян-өлгий аймаг. Улаанбаатар : Өнгөт хэлэл, 2009. 424 т. (на монг. яз.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГПА – Алтайская государственная педагогическая академия.
АлтГУ (АГУ) – Алтайский государственный университет.
АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
В – восток.
ВЮВ – восток – юго-восток.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
З – запад.
ЗСЗ – запад – северо-запад.
ИА – Институт археологии.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КСИИМК – Краткие сообщения ИИМК.
КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет.
МАЭА – Музей археологии и этнографии Алтая.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МОН – Министерство образования и науки.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
ОмГУ – Омский государственный университет.
РА – Республика Алтай.
РАН – Российская академия наук.
РИО – редакционно-издательский отдел.
С – север.
ССВ – север – северо-восток.
СО – Сибирское отделение.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет.
ТГУ – Томский государственный университет.
Ю – юг.
ЮЮЗ – юг – юго-запад.

ПРИЛОЖЕНИЕ

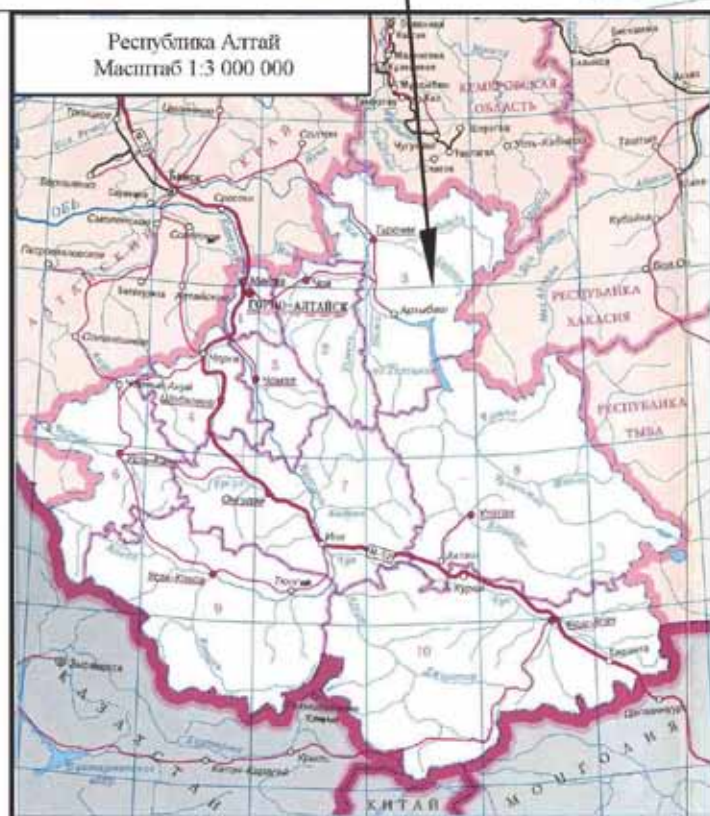

Рис. 1. Место Республики Алтай (Россия) на карте Евразии

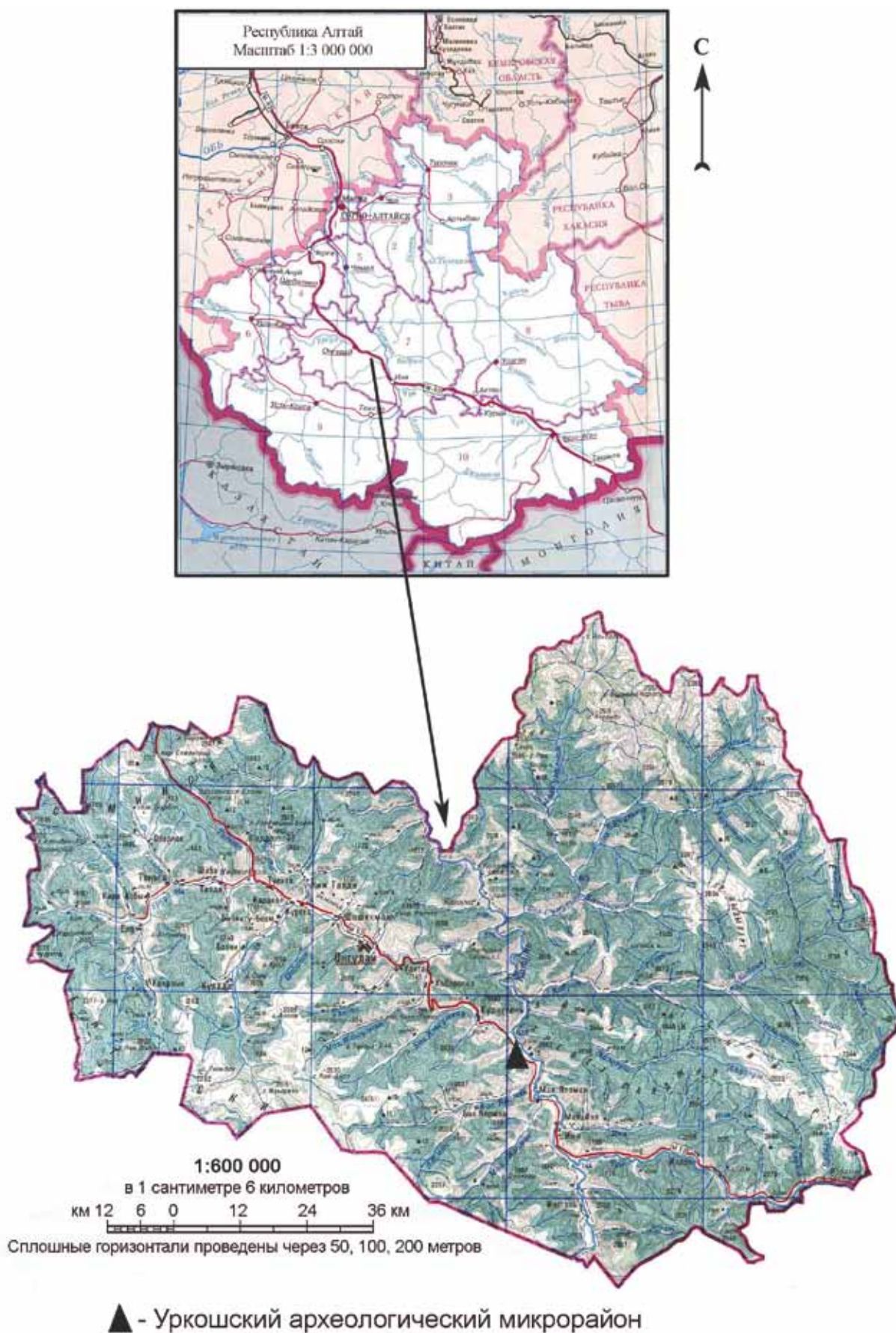

Рис. 2. Уркошский археологический микрорайон
на карте Онгудайского района Республики Алтай

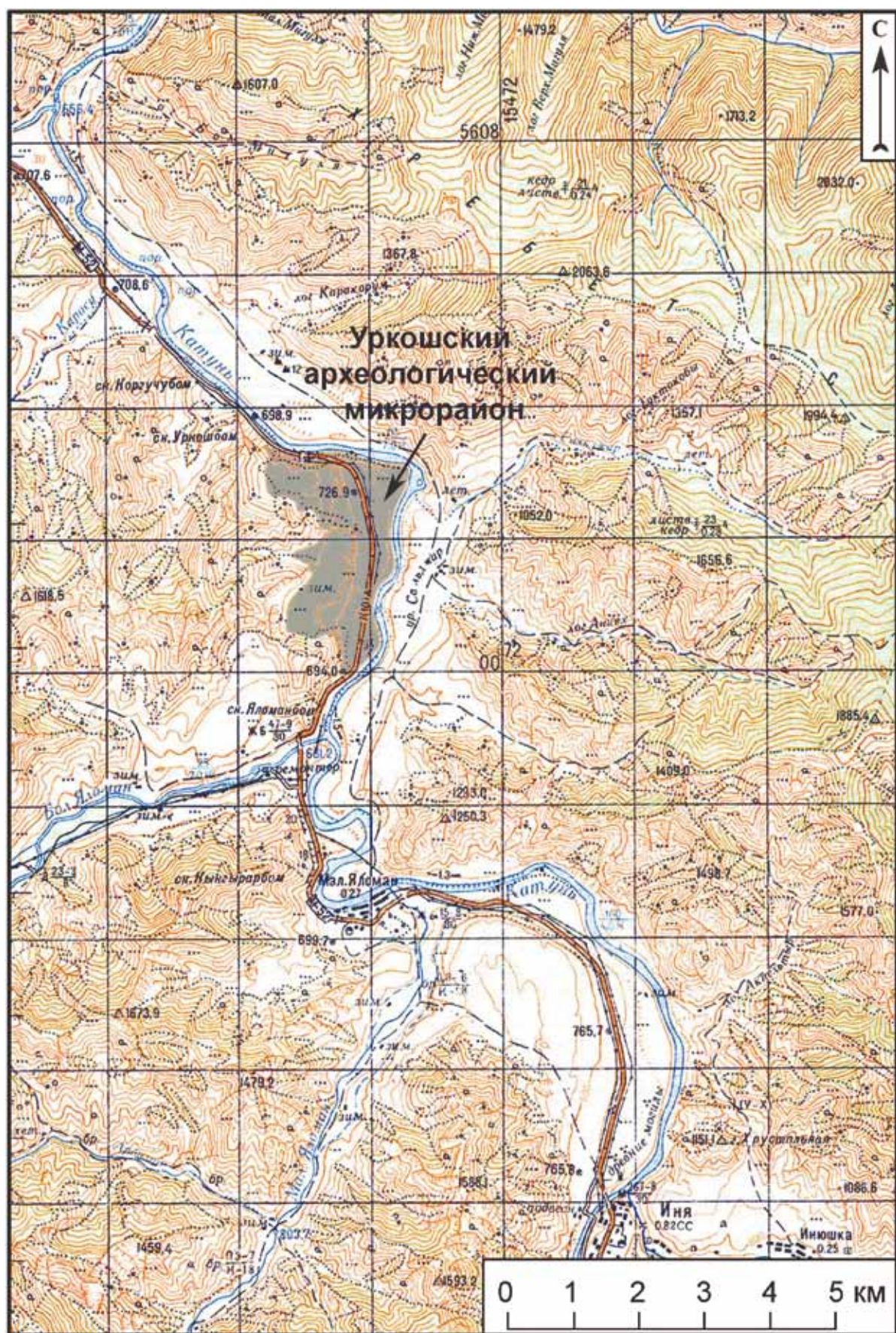
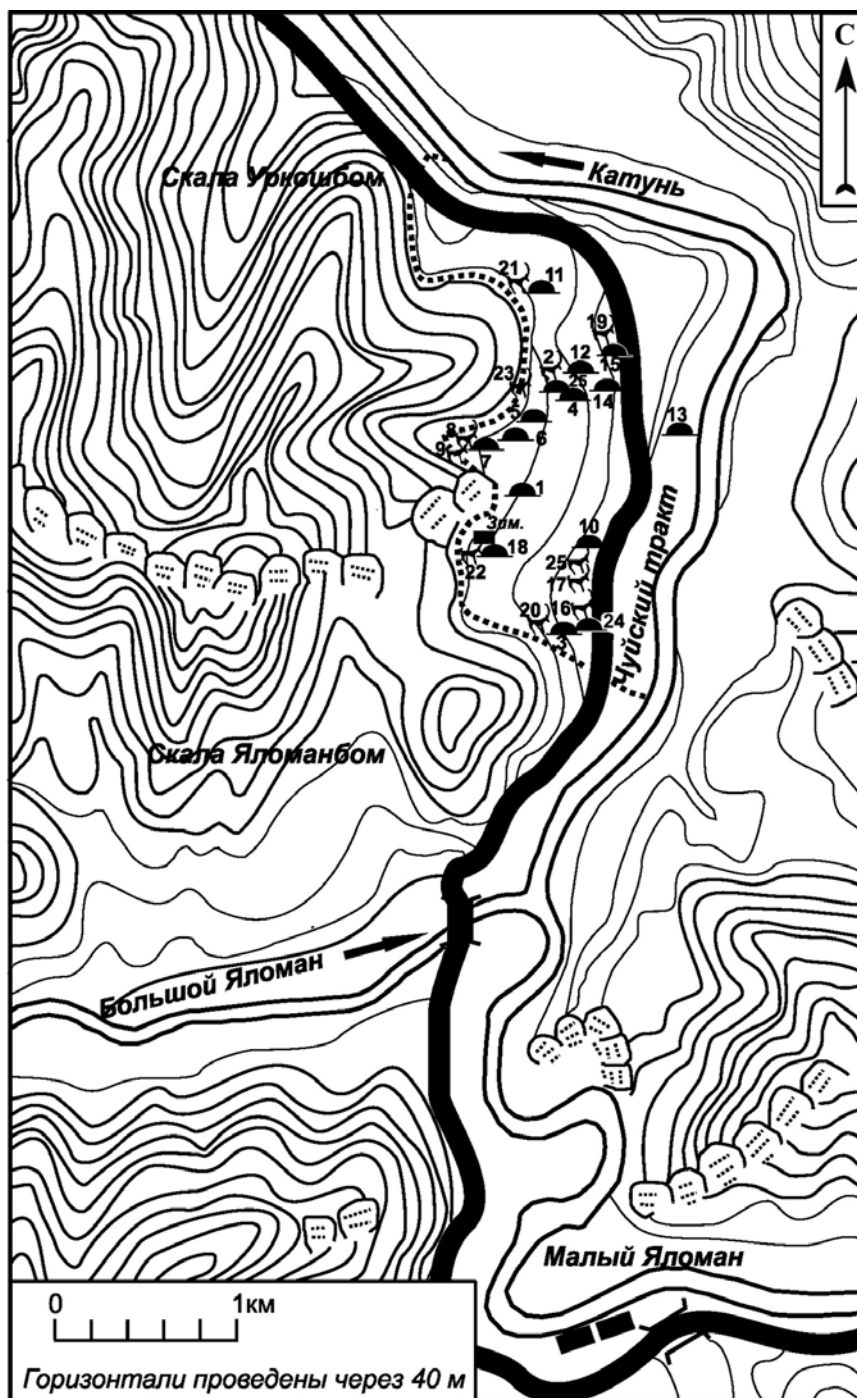

Рис. 4. Урочище Уркош. Космические снимки:
 а – участок долины Катун; б – территория археологического микрорайона

----- - границы микрорайона

⬤ - погребальный, поминальный памятник

🐾 - писаница

1 - Большой Яломан-II	8 - Уркош-IVa	15 - Уркош-X	22 - Уркош-XVII
2 - Большой Яломан-III	9 - Уркош-IVb	16 - Уркош-XI	23 - Уркош-XVIII
3 - Яломан-XV	10 - Уркош-V	17 - Уркош-XII	24 - Уркош-XIX
4 - Уркош-I	11 - Уркош-VI	18 - Уркош-XIII	25 - Уркош-XX
5 - Уркош-II	12 - Уркош-VII	19 - Уркош-XIV	
6 - Уркош-III	13 - Уркош-VIII	20 - Уркош-XV	
7 - Уркош-IV	14 - Уркош-IX	21 - Уркош-XVI	

Рис. 5. Уркошский археологический микрорайон.
Карта-схема с нанесенными памятниками и местонахождениями

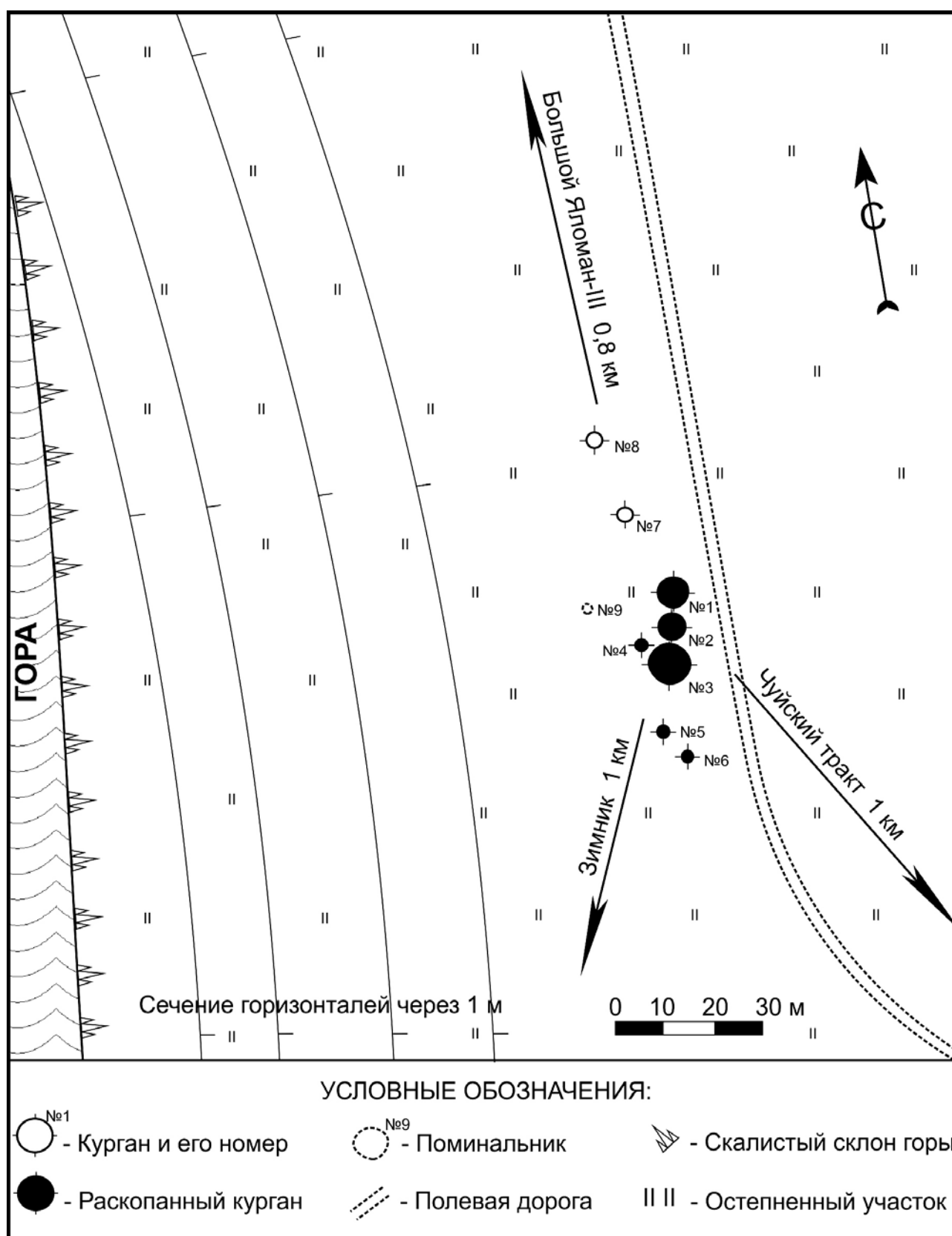

Рис. 6. Большой Яломан-II. План (по: [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 4.-1])

Рис. 7. Большой Яломан-II. Вид из космоса на месторасположение памятника

Рис. 8. Большой Яломан-II. Общий вид на памятник (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

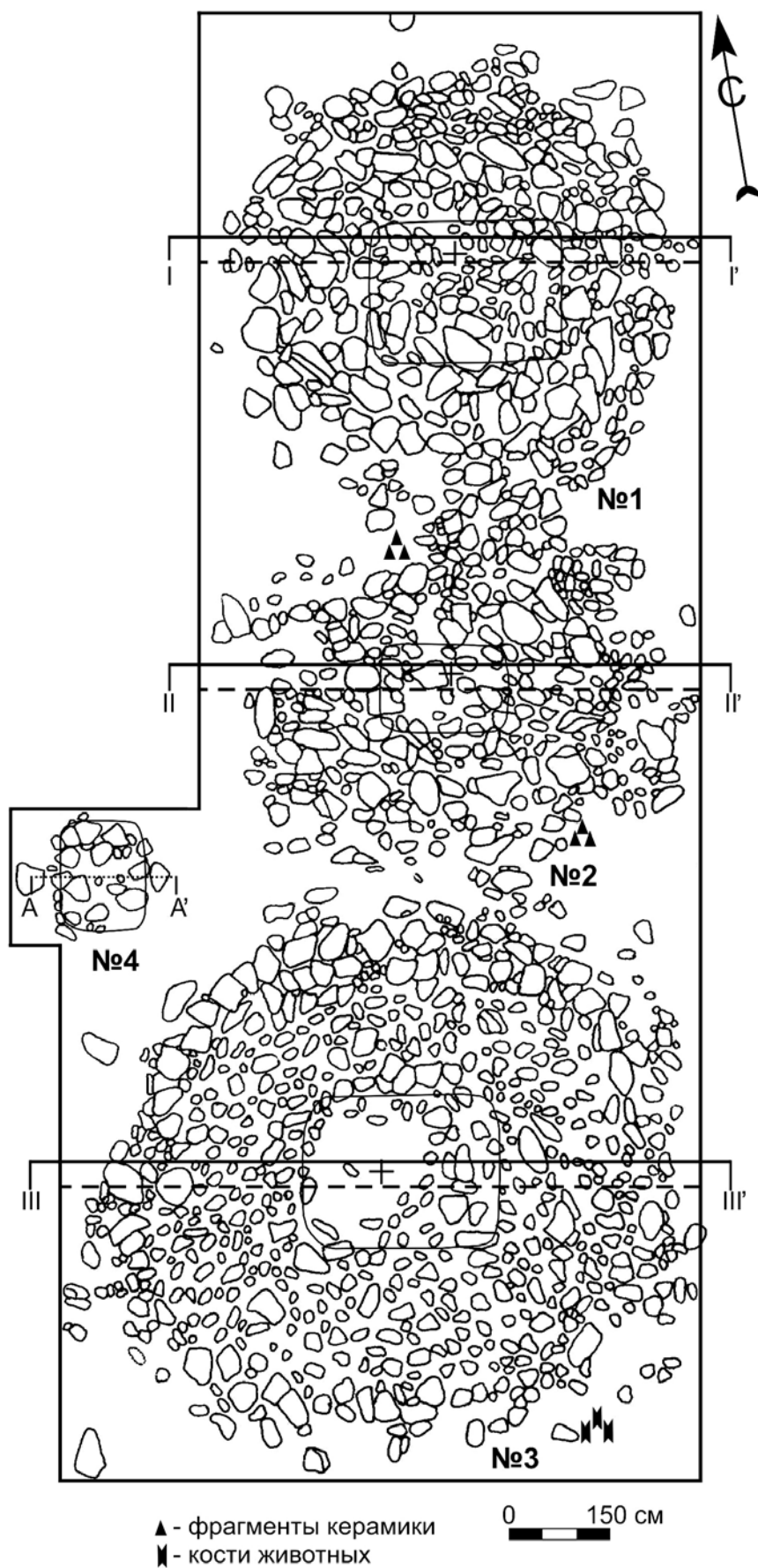

Рис. 9. Большой Яломан-II. Раскоп. Каменные насыпи курганов №1-4.
 План (по: [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 5 и 6])

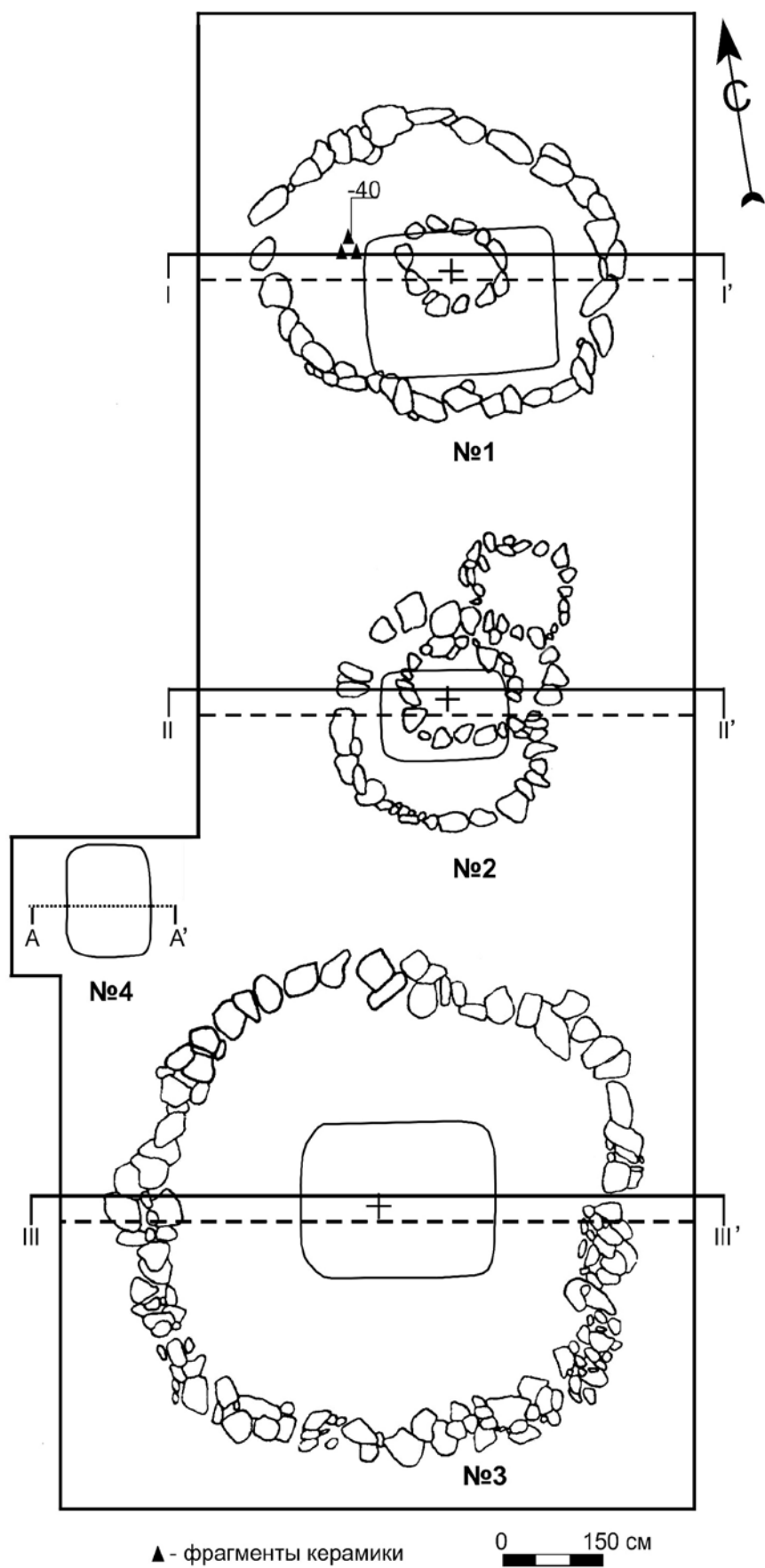

Рис. 10. Большой Яломан-II. Раскоп. Каменные крепи́ды курганов и контуры могил.
План (по: [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 7 и 8])

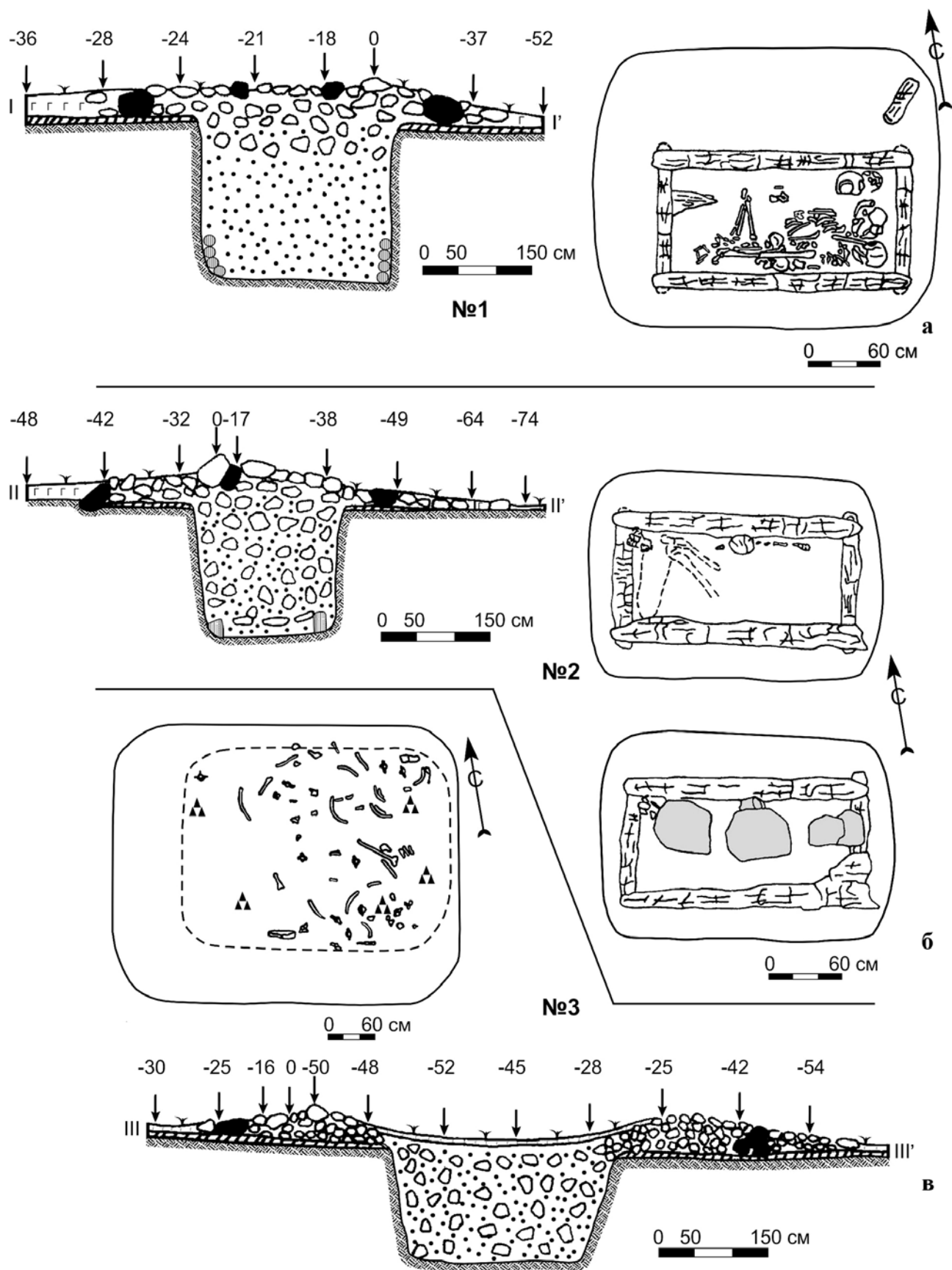

Рис. 11. Большой Яломан-II. Разрезы курганов №1-3, могилы. Планы (по: [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 9-11])

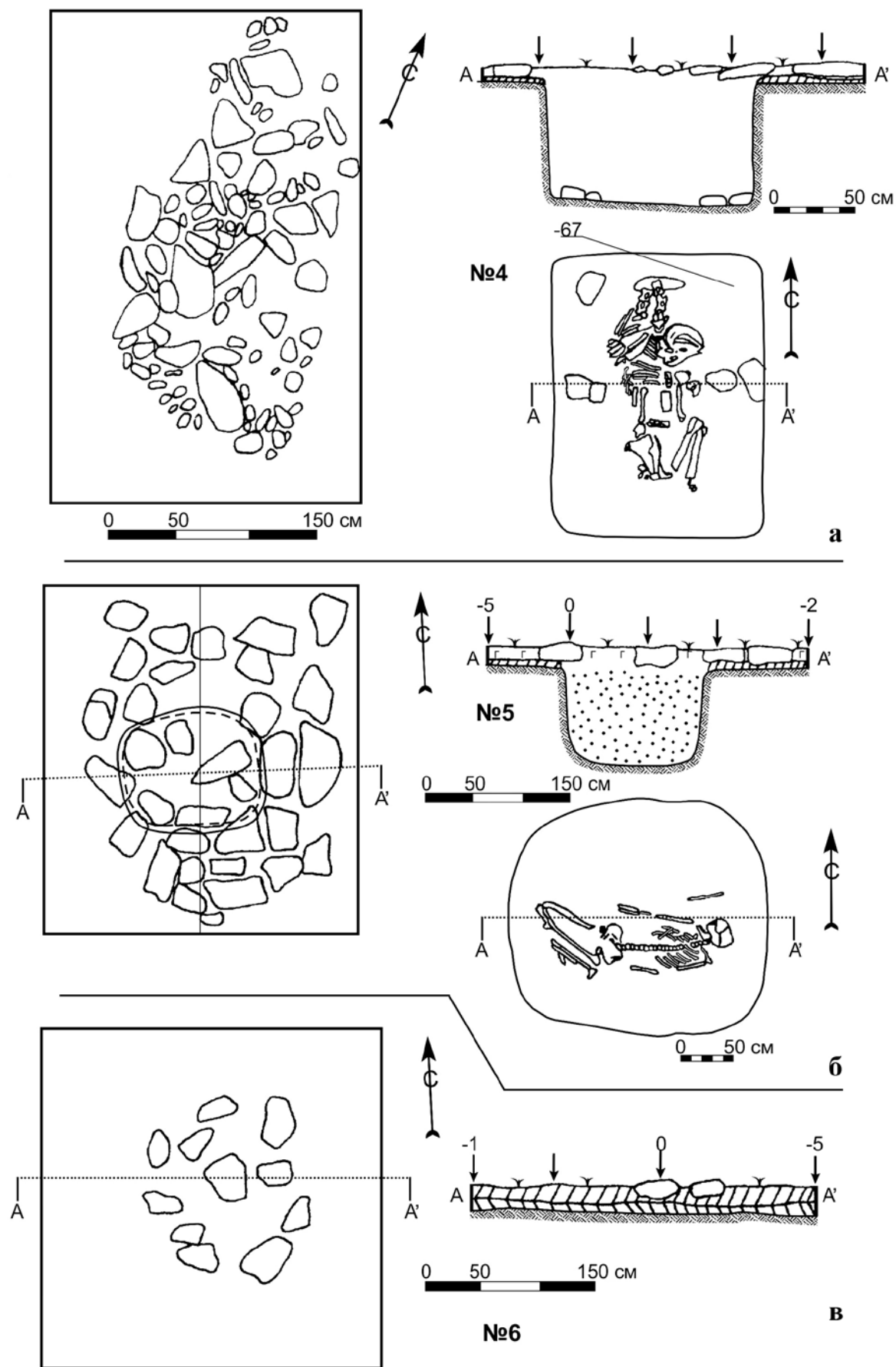

Рис. 12. Большой Яломан-II. Исследованные объекты №4–6.
Планы (по: [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 12, 16])

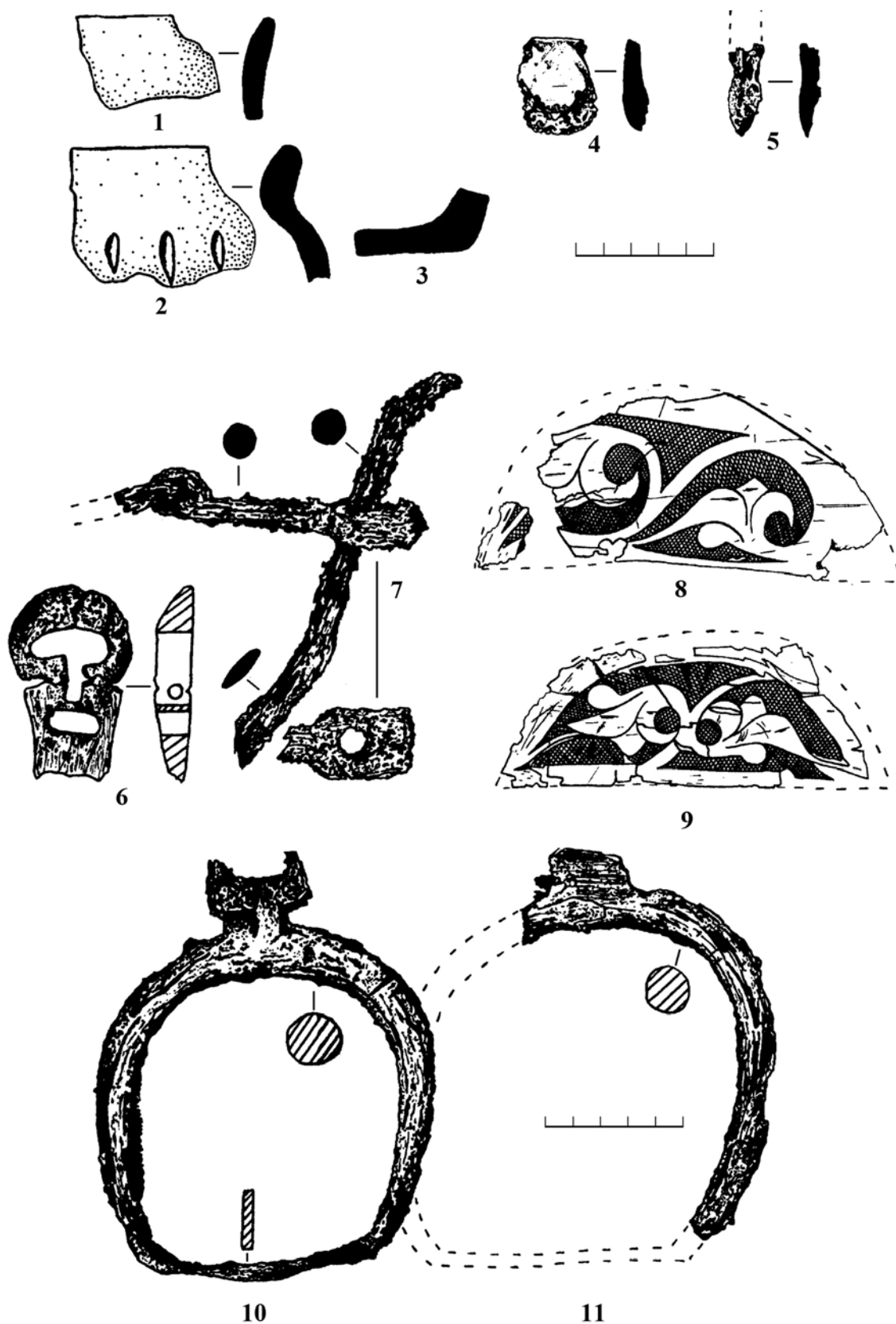

Рис. 13. Большой Яломан-II. Находки

(по: [Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 4.-2-4; 13-15]):
 1-4 – фрагменты посуды; 5 – обломок ножа; 6 – подпружная пряжка;
 7 – фрагменты удил с псалием; 8-9 – украшения седла (?); 10-11 – стремена
 (1-2, 4-5 – керамика; 3, 7, 10-11 – железо; 6 – кость; 8-9 – береста)

Рис. 14. Большой Яломан-II. Фото раскопа, оставшегося без рекультивации
(фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 15. Большой Яломан-III. Вид на памятник из космоса

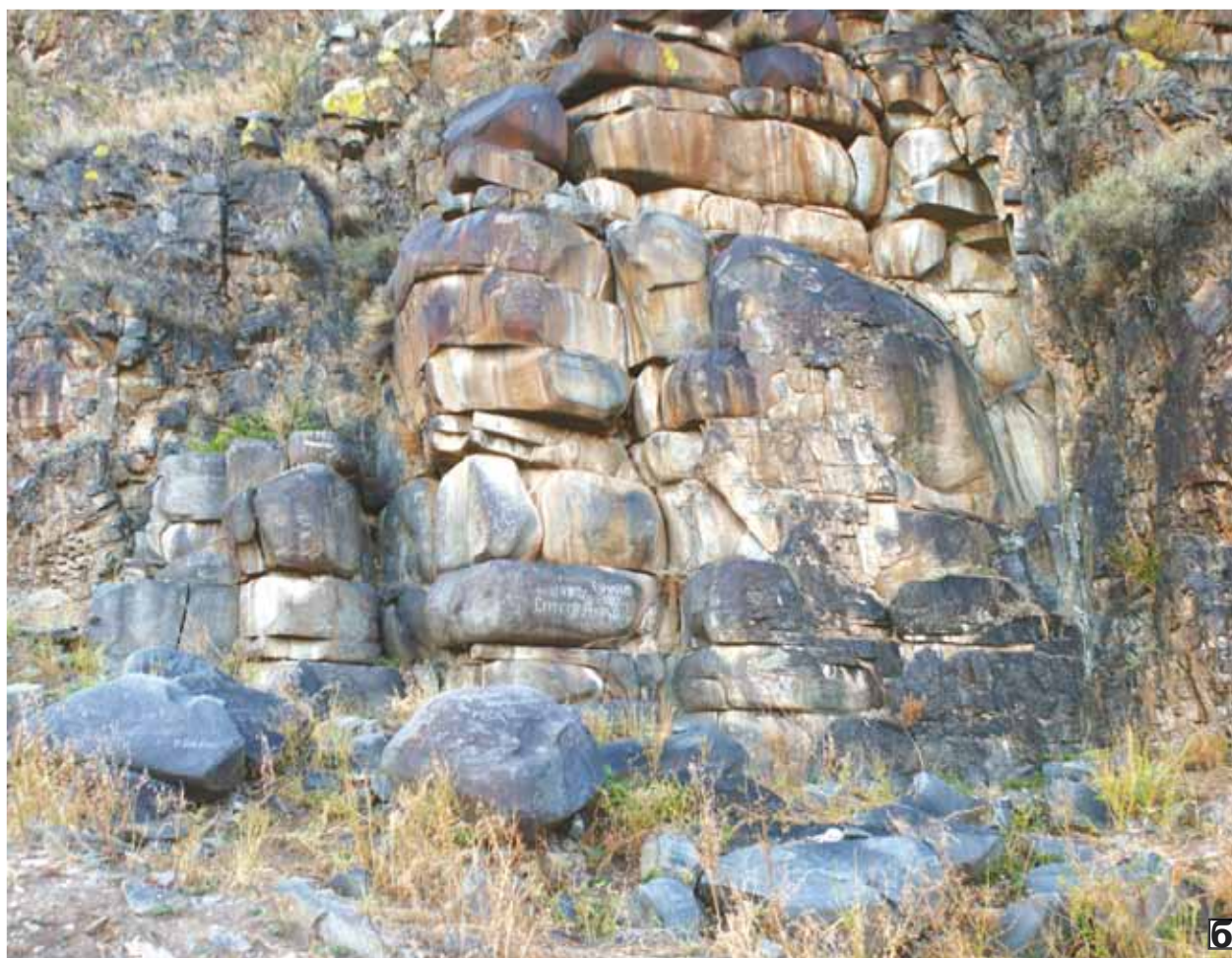

Рис. 16. Большой Яломан-III. Общий вид
на памятник и на каменные плоскости с петроглифами
(а – фотоснимок сделан А.А. Тишкиным; б – фотоснимок сделан А.Н. Мухаревой)

Рис. 17. Большой Яломан-III. Вид на каменный выступ с петроглифами
(фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 18. Большой Яломан-III. Верхняя (а) и нижняя (б) части композиции «Охота»
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 19. Большой Яломан-III. Композиция «Охота». Изображения людей
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 20. Большой Яломан-III. Композиция «Охота»:
 а – копирование петроглифов на прозрачный целлофан с помощью фломастеров,
 один из этапов работы (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным);
 б – фрагмент прорисовки (выполнен А.Н. Мухаревой)

Рис. 21. Большой Яломан-III. Композиция «Охота». Схема расположения памятника (а) и прорисовка (б) (по: [Тишкин А.А., Чекрыжова О.И., 2004, рис. 1])

Рис. 22. Большой Яломан-III. Общий вид на одну из плоскостей с изображениями оленей и других животных (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 23. Большой Яломан-III. Изображения оленей (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 24. Большой Яломан-III. Композиция с изображением оленей и других животных (прорисовка А.Н. Мухаревой)

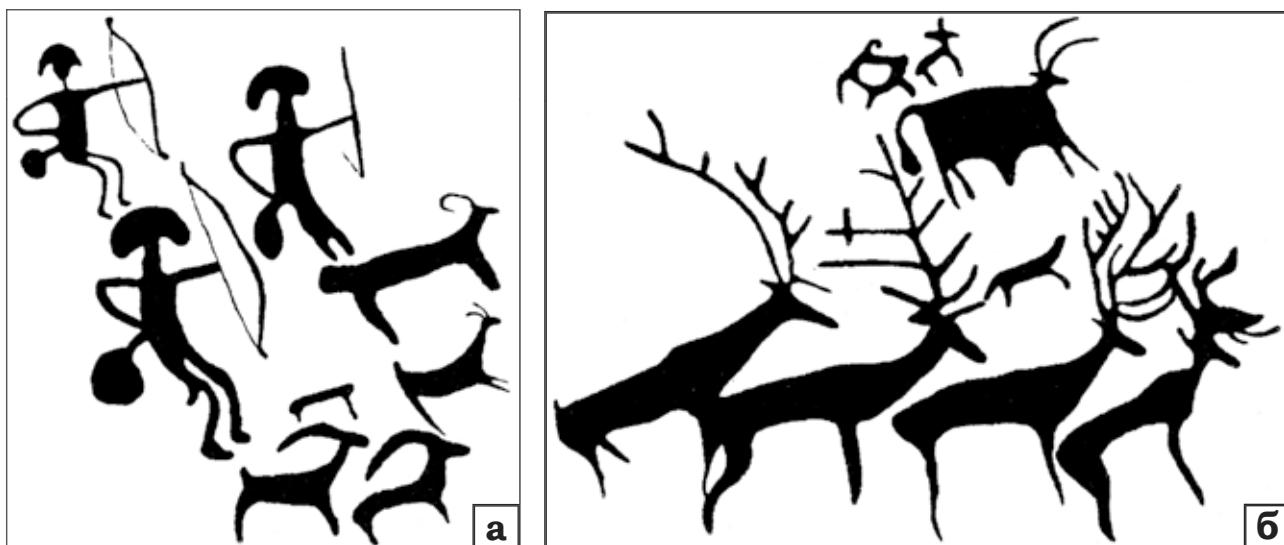

Рис. 25. Большой Яломан-III. Опыт копирования петроглифов
(по: [Суразаков А.С., 1996, рис. 1])

Рис. 26. Большой Яломан-III. Вид на плоскость с сюжетом «Нападение на крупного оленя»
(фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

а

б

Рис. 27. Большой Яломан-III. Сюжет «Нападение на крупного оленя»
(а – фотоснимок сделан А.А. Тишкиным; б – прорисовка А.Н. Мухаревой)

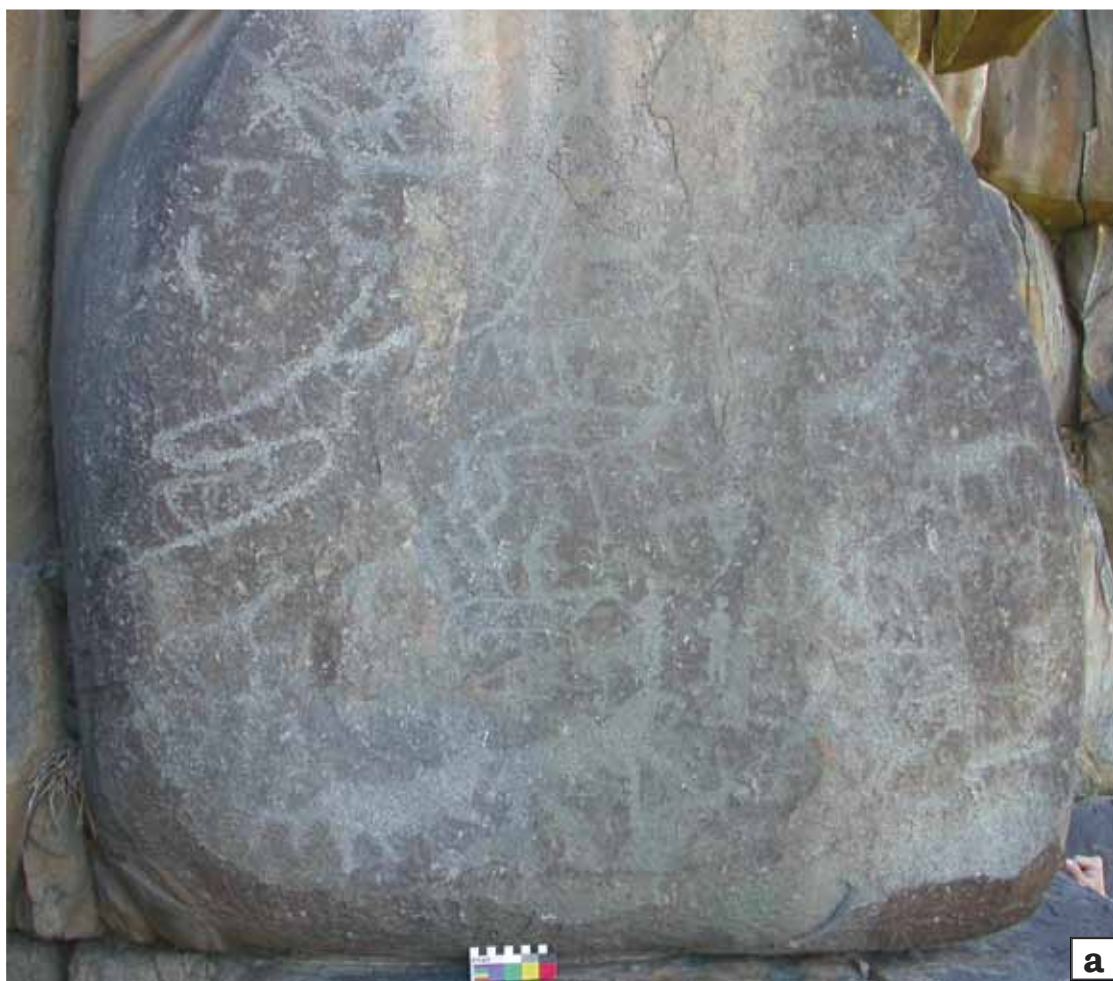

Рис. 28. Большой Яломан-III. Многофигурная композиция
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

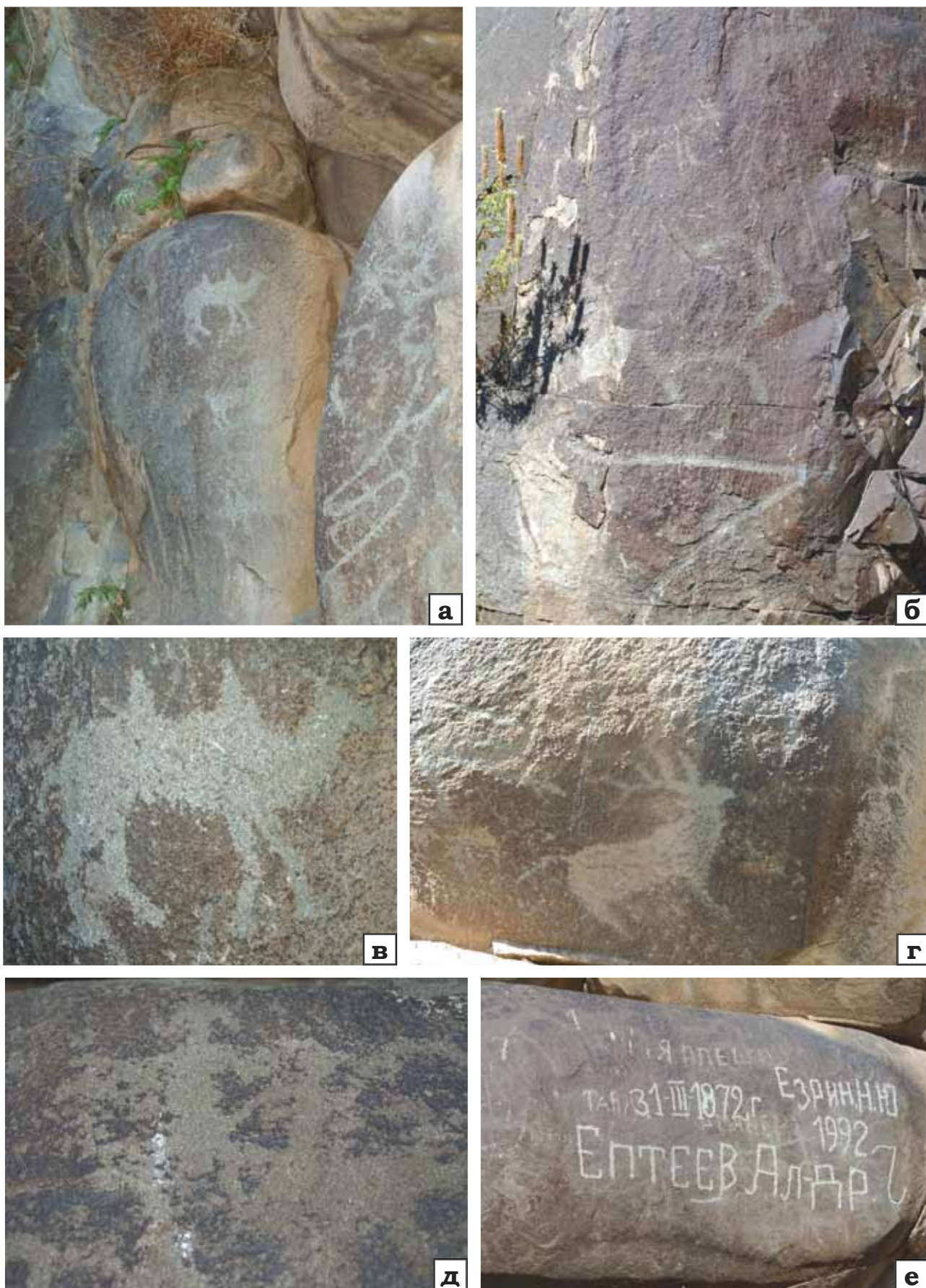

Рис. 29. Большой Яломан-III. Разные изображения на писанице (а–д) и современные выбивки (е) (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 30. Большой Яломан-III. Вид на место обнаружения надписей и рисунков, нанесенных краской (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

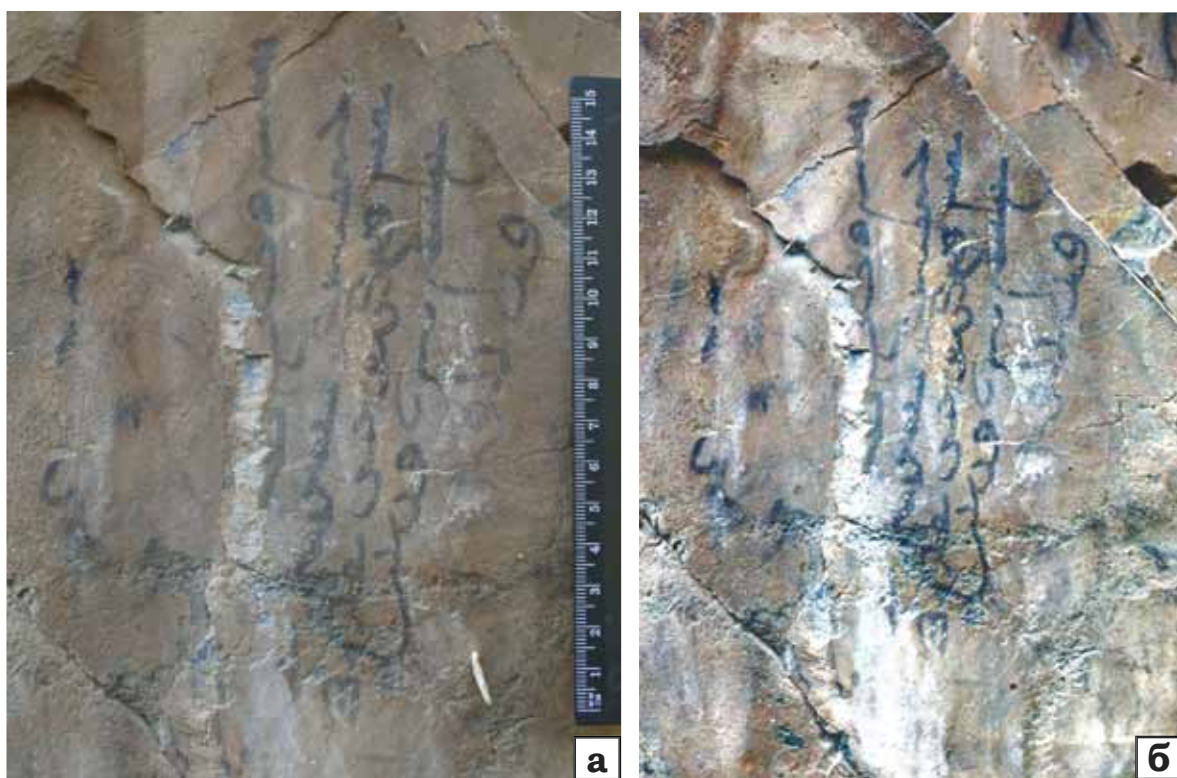

Рис. 31. Большой Яломан-III. Надписи краской: а – фотоснимок сделан А.А. Тишкиным; б – по: [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014, рис. 3, фото]

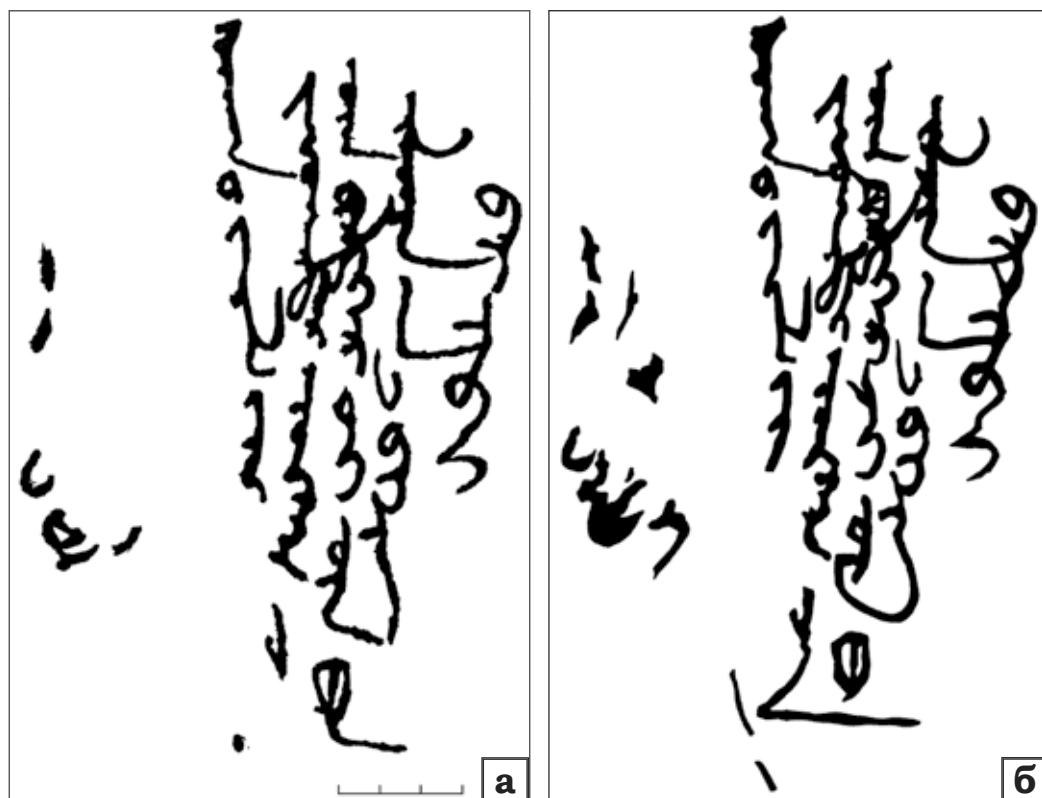

Рис. 32. Большой Яломан-III. Прорисовки надписи, сделанной черной краской:
 а – выполнена А.А. Тишкиным; б – по: [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г.,
 Кубарев Г.В., 2014, рис. 3, прорисовка]

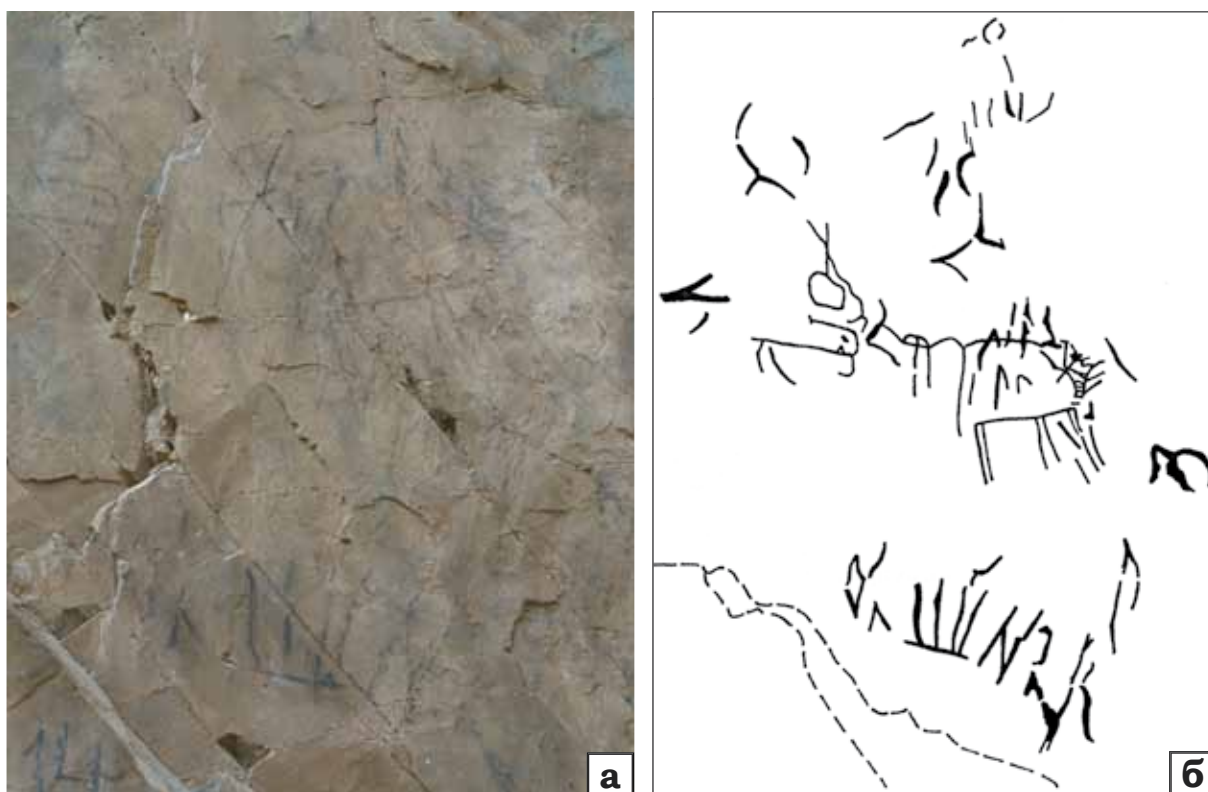

Рис. 33. Большой Яломан-III. Изображения и знаки рядом с надписью
 (а – фотоснимок сделан А.А. Тишкиным; б – прорисовка по: [Тугушева Л.Ю.,
 Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014, рис. 6])

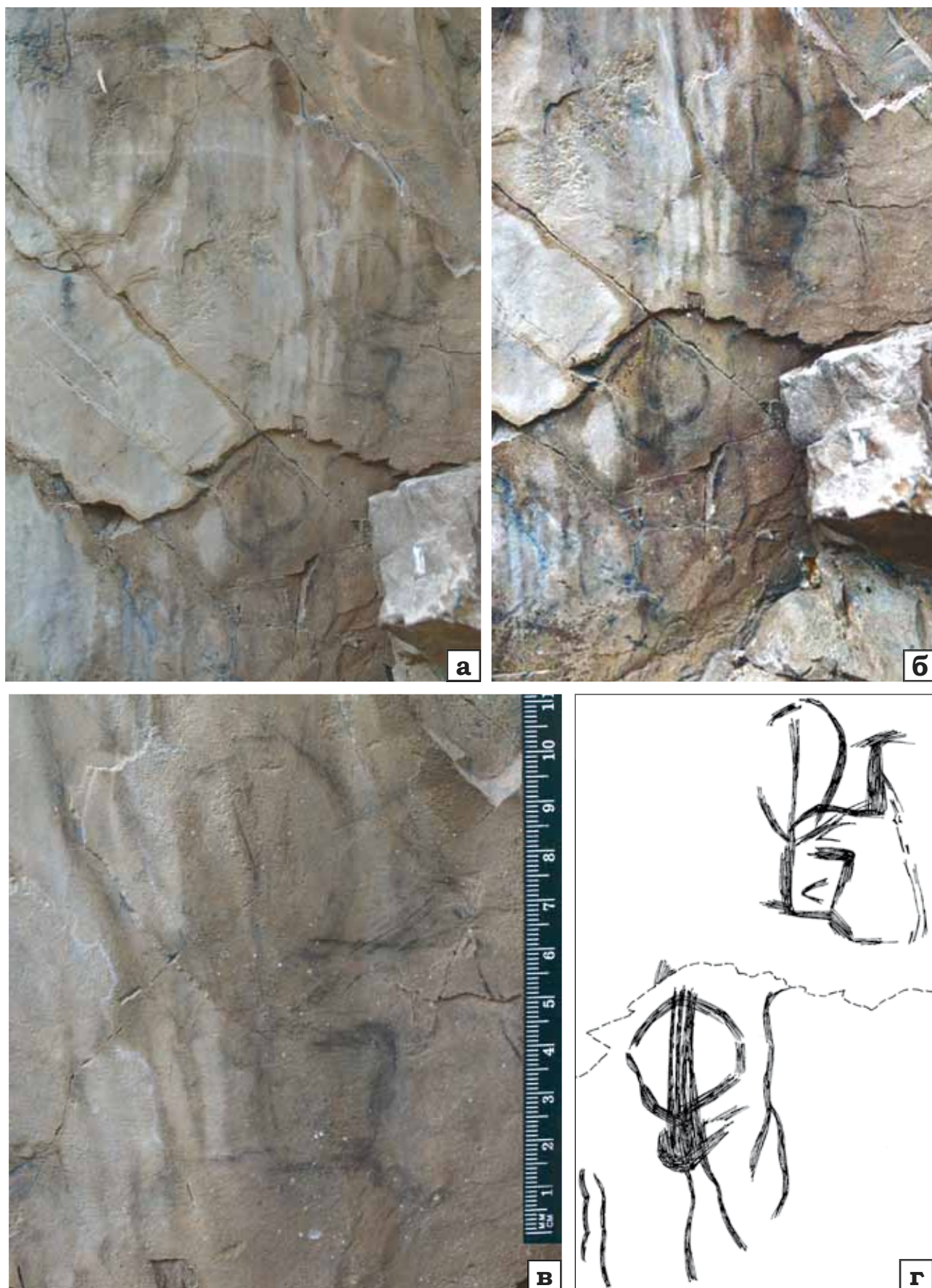

Рис. 34. Большой Яломан-III. Изображения черной краской: а, в – фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным; б, г – по: [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014, рис. 5]

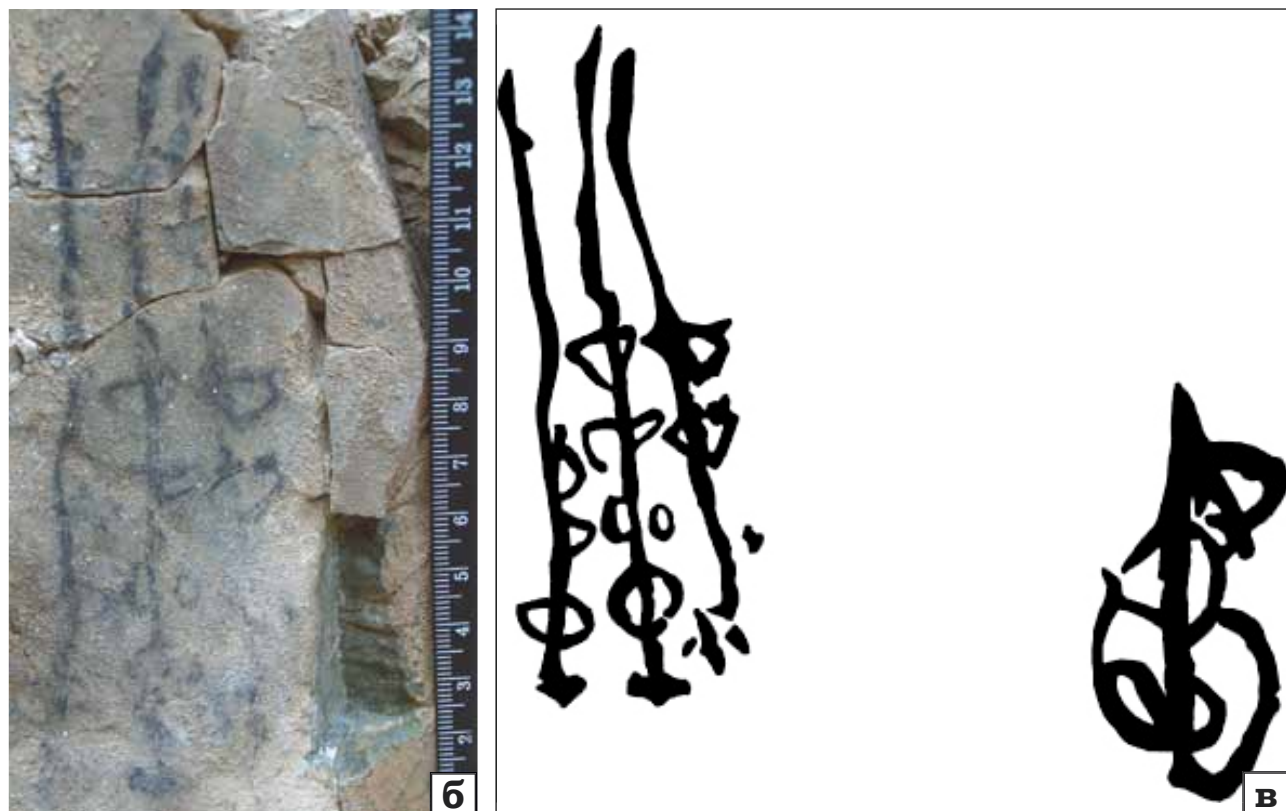

Рис. 35. Большой Яломан-III. Изображения, выполненные черной краской
 (а, в – по: [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014, рис. 4];
 б – фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

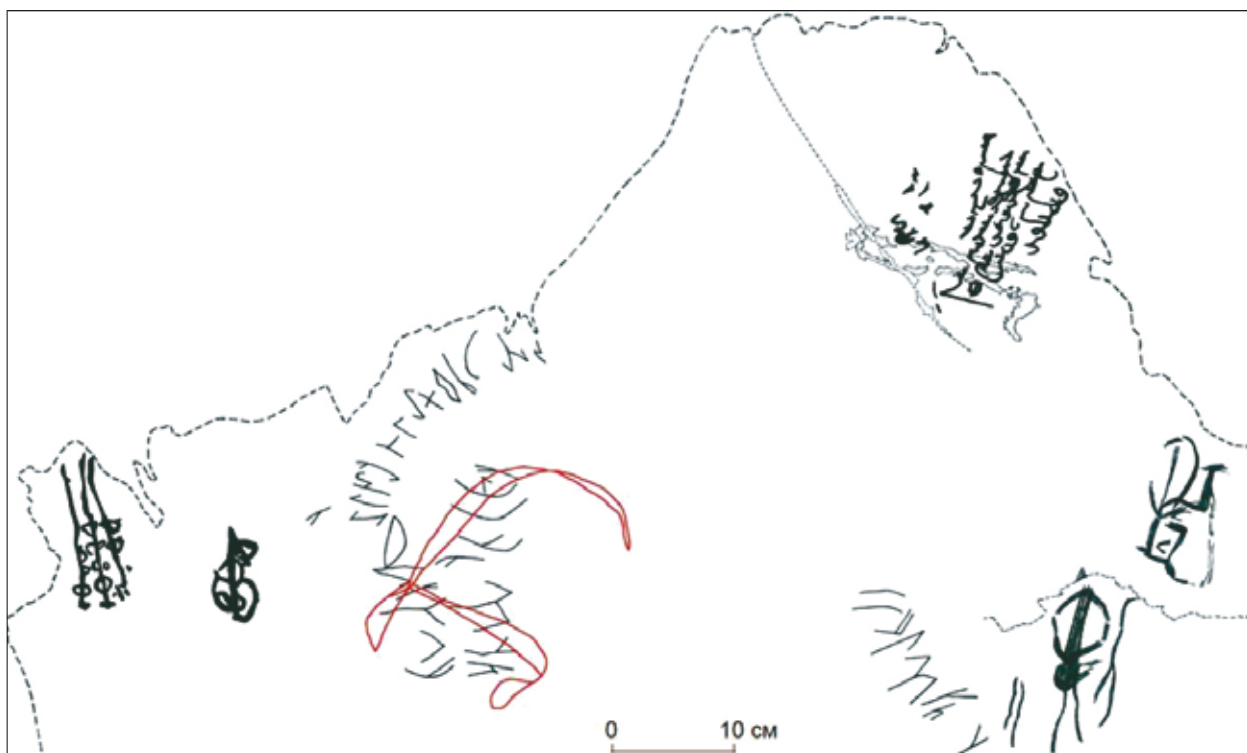

Рис. 36. Большой Яломан-III. Прорисовка надписей и изображений, выполненных черной и красной красками в скальной нише (по: [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014, рис. 1])

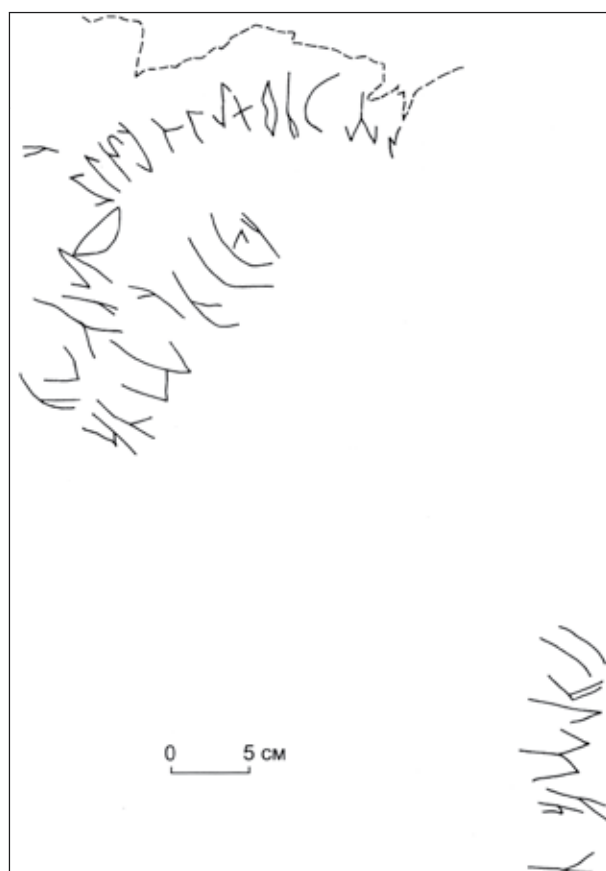

Рис. 37. Большой Яломан-III. Прорисовка рунических надписей (по: [Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В., 2014, рис. 2])

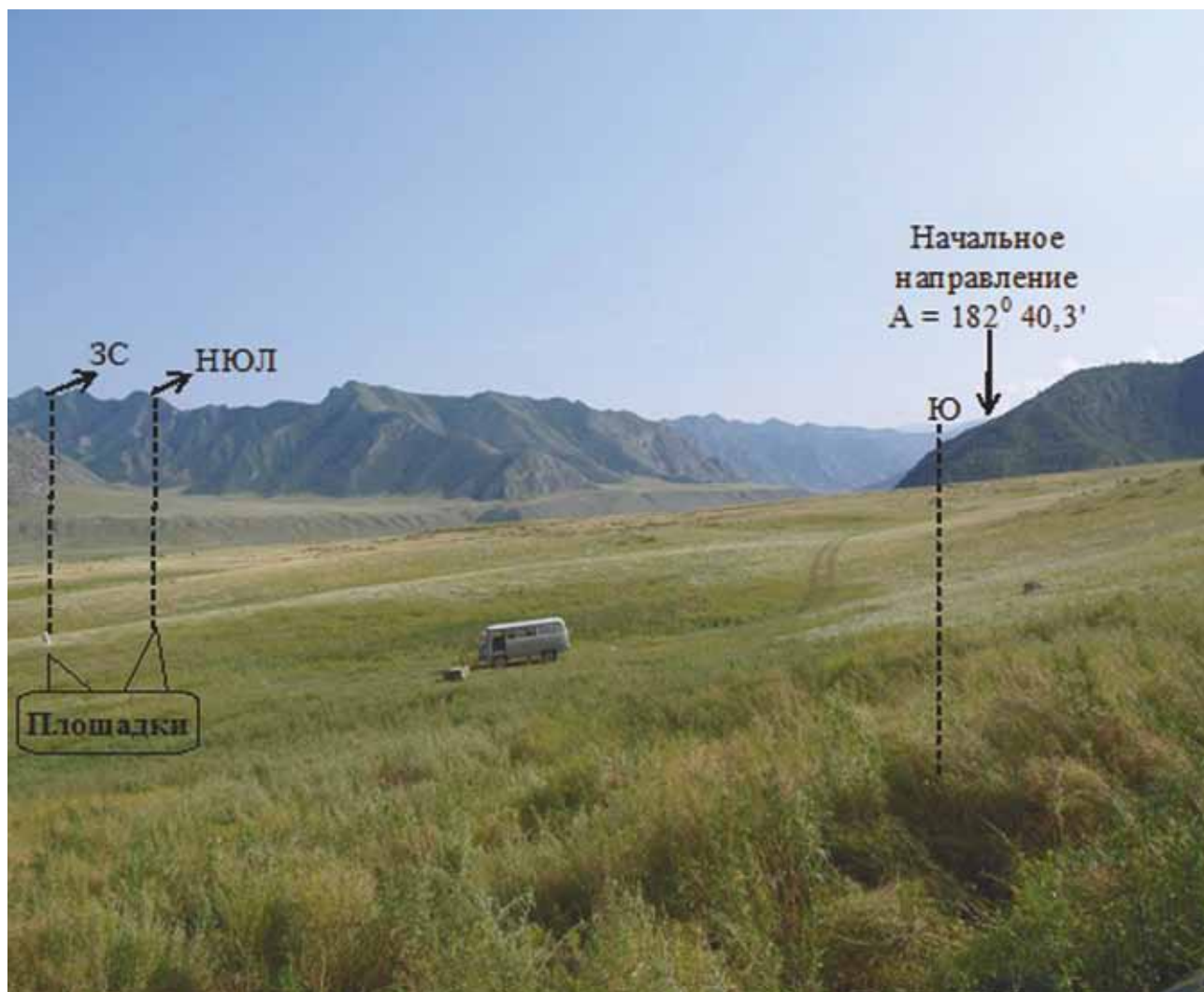

Рис. 38. Большой Яломан-III. Один из этапов археоастрономических исследований
(иллюстрация подготовлена Е.Г. Гиенко)

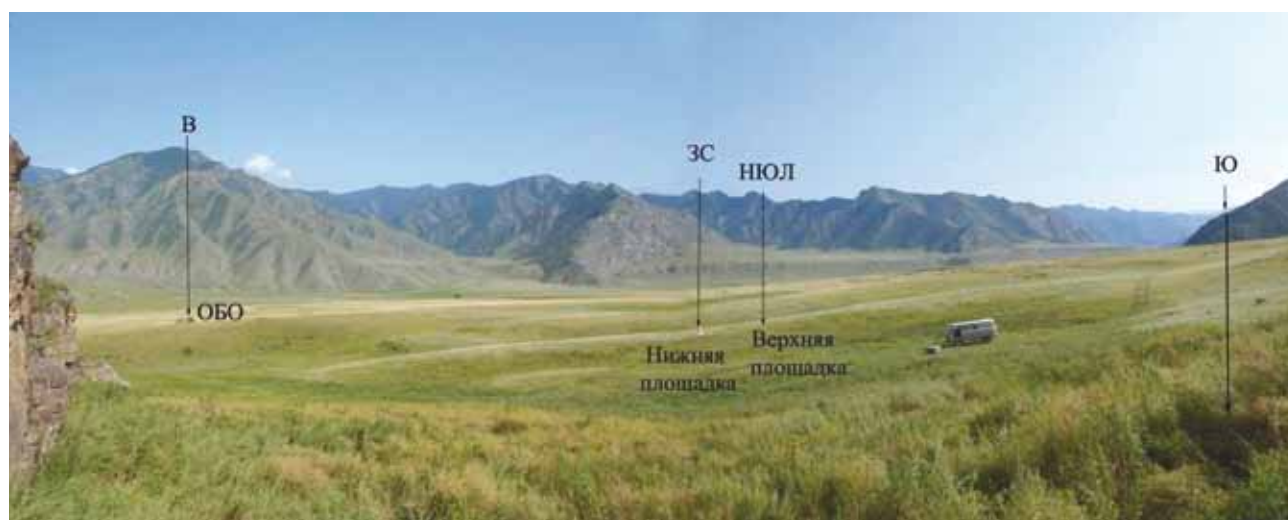

Рис. 39. Большой Яломан-III. Результаты археоастрономических исследований
(по: [Тишкин А.А., Гиенко Е.Г., Дружинина Е.В., 2012, рис. 1])

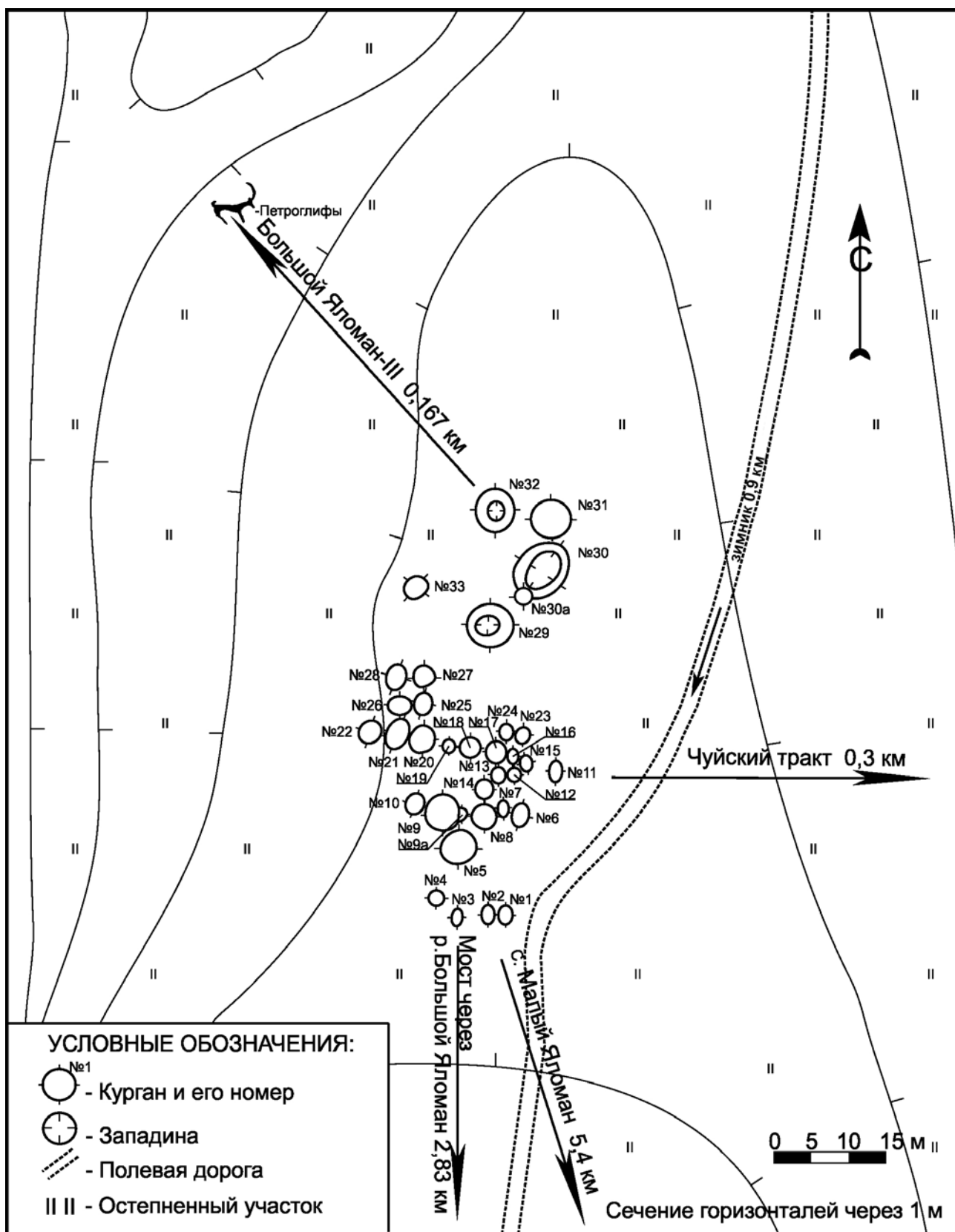

Рис. 40. Уркуш-І. План памятника (подготовлен С.С. Матрёниным)

Рис. 41. Уркош-I. Общий вид на памятник (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 42. Уркош-I. Северная группа более крупных курганов (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

а

б

в

г

Рис. 43. Уркош-І. Виды надмогильных сооружений (а–в), часть кольца-стенки (г)
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

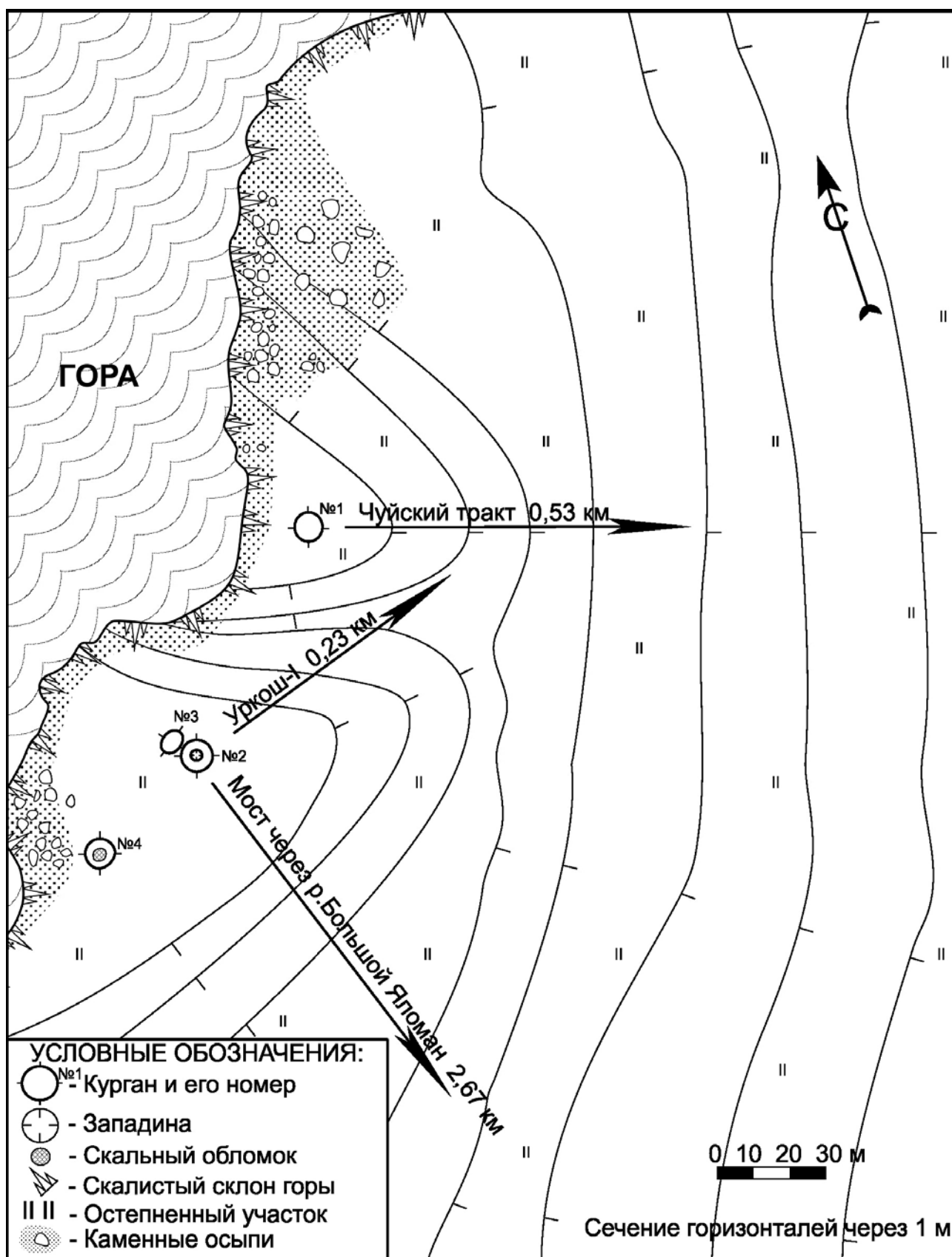

Рис. 44. Уркош-II. План памятника (выполнен С.С. Матрёниным)

Рис. 45. Уркош-II. Общие виды на объекты памятника
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 46. Уркош-II. Виды на курганы №1 (а) и №2 (б) (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

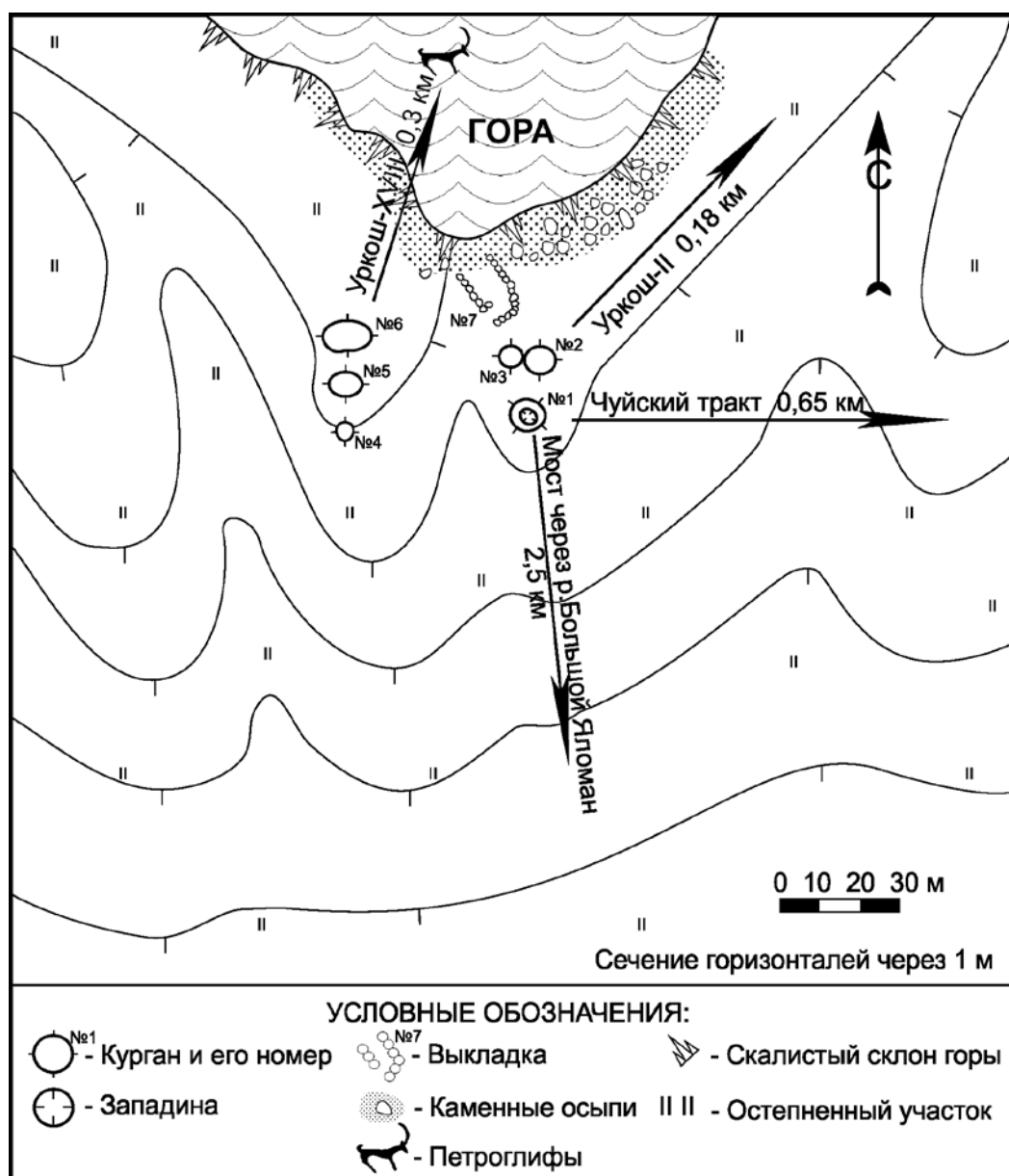

Рис. 47. Уркош-III и XVIII. План (подготовлен С.С. Матрёным)

Рис. 48. Уркош-III. Общий вид на памятник (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 49. Уркош-III. Курганы (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

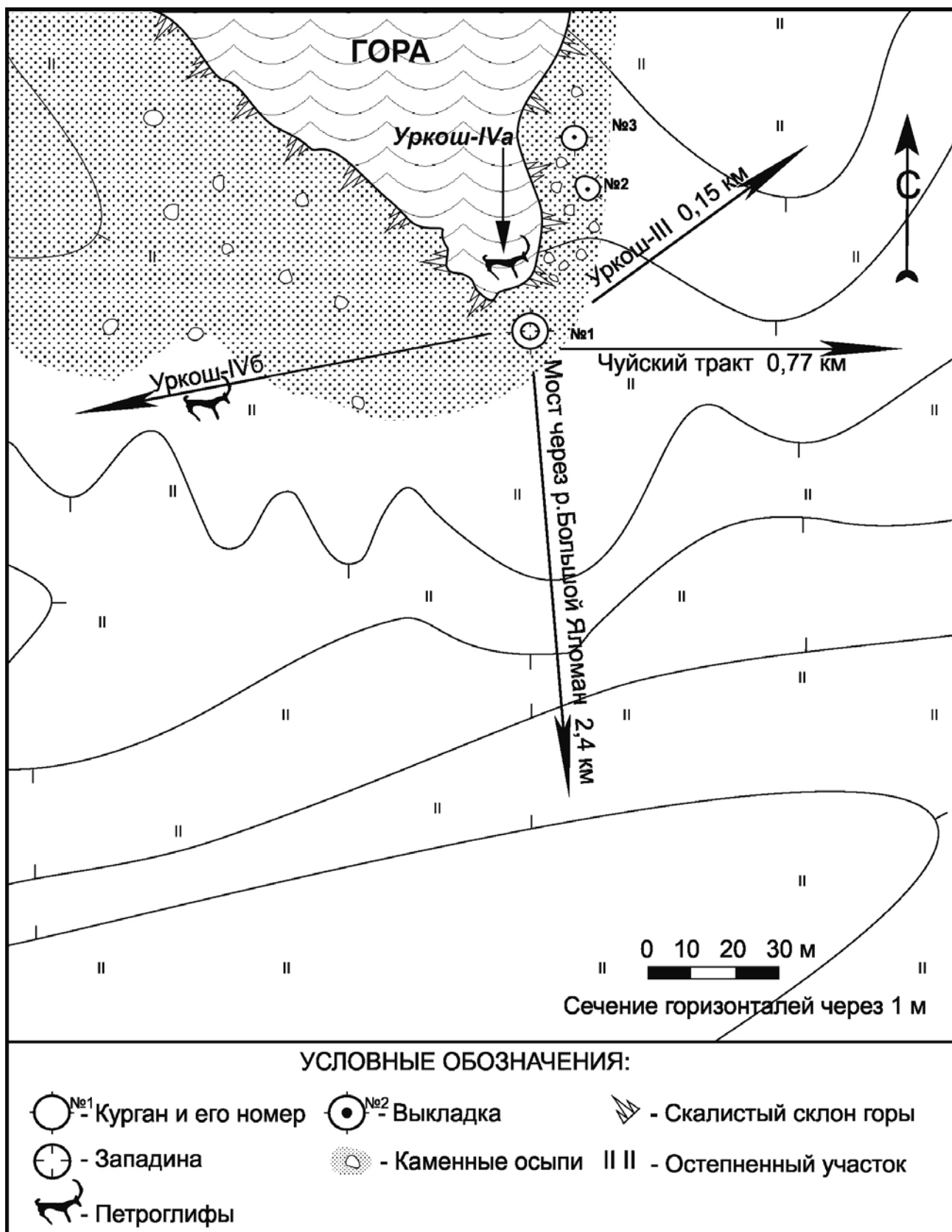

Рис. 50. Уркош-IV, IVa, IVб. План (подготовлен С.С. Матрёниным)

Рис. 51. Уркош-IV. Курганы (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

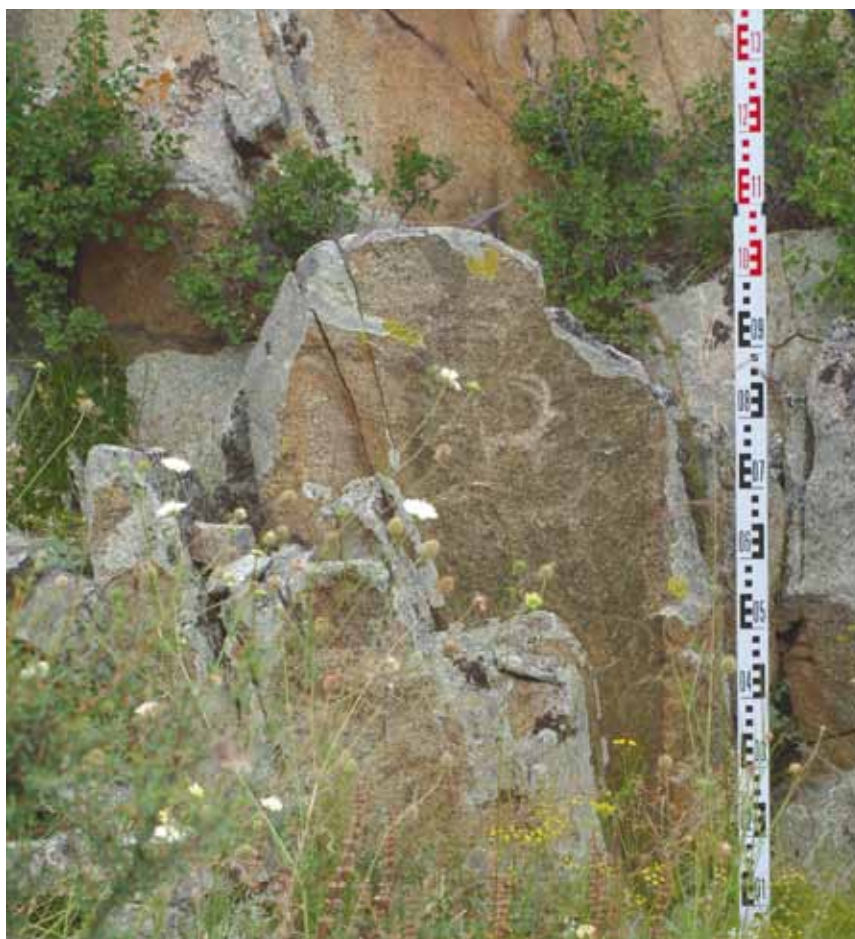

Рис. 52. Уркош-IVа. Местонахождение петроглифов (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

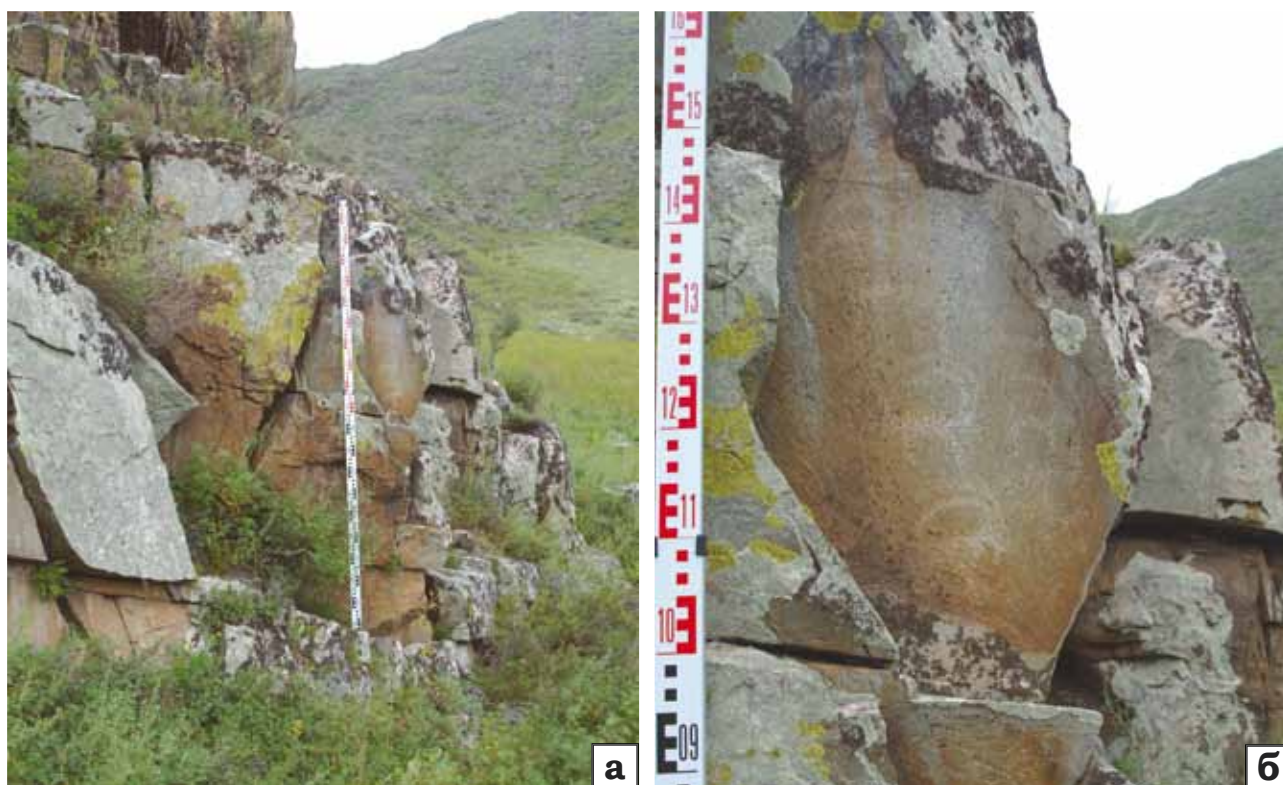

Рис. 53. Уркош-IVб. Местонахождение петроглифов (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

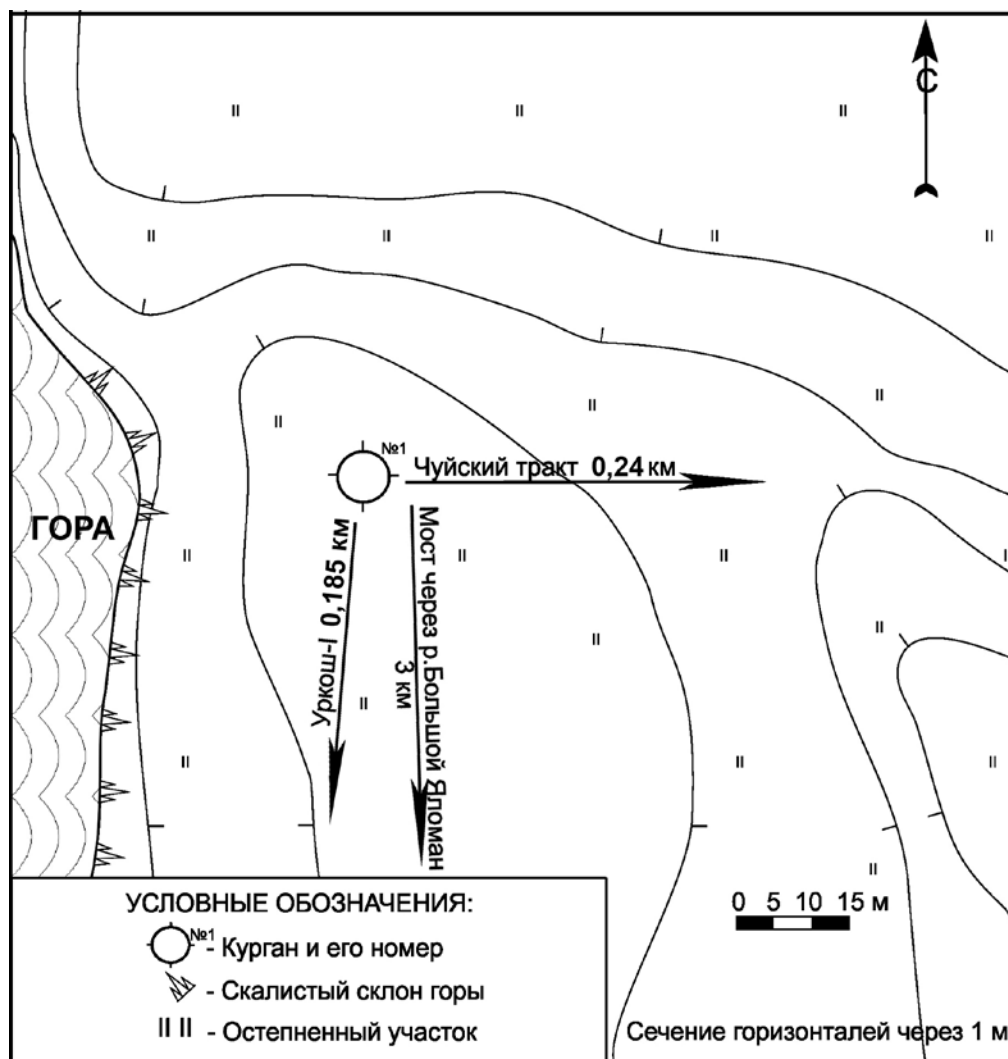

Рис. 54. Уркош-V. План памятника (подготовлен С.С. Матрёниным)

Рис. 55. Уркош-V. Общий вид на объект, груда камней «обо»
(фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

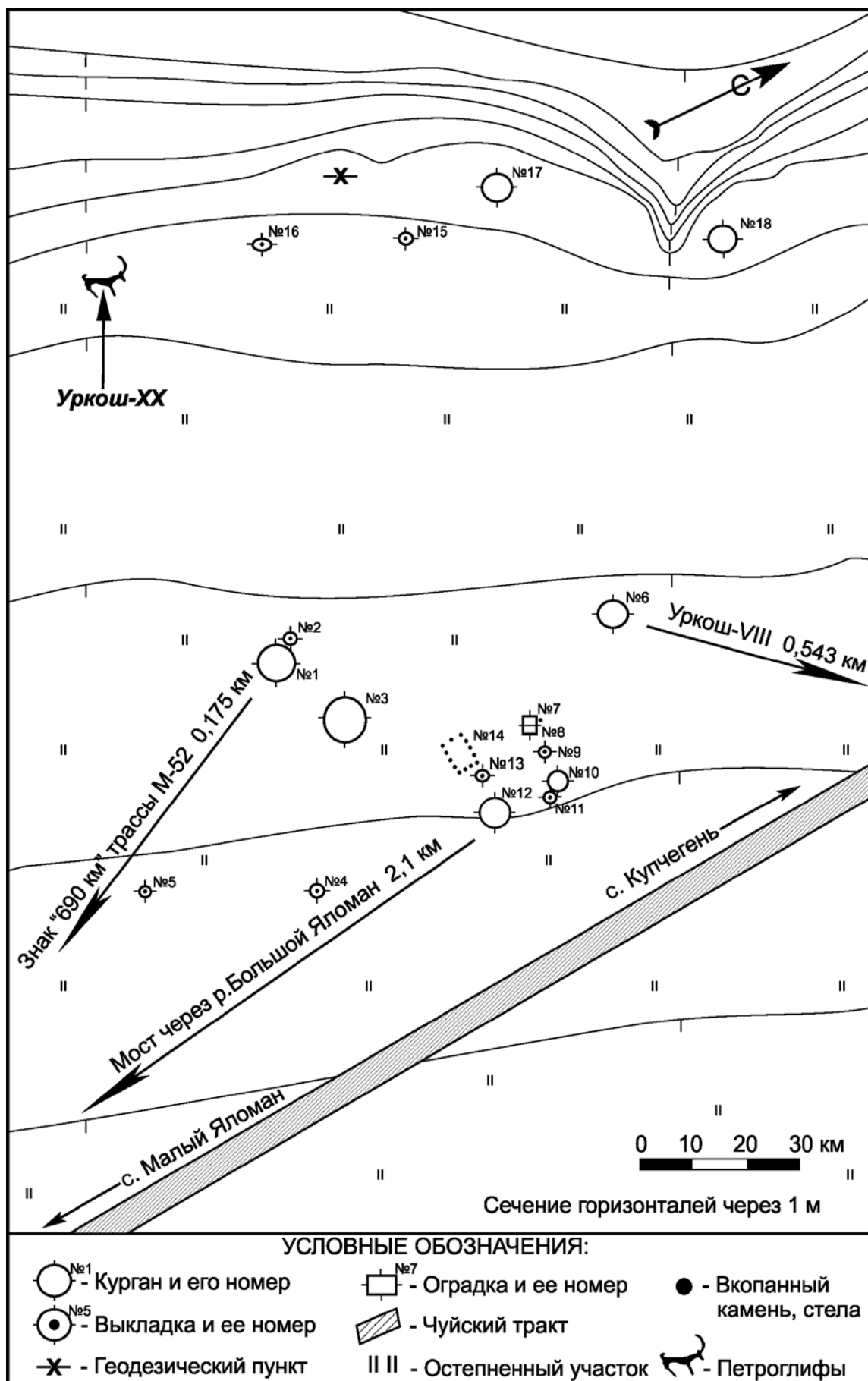

Рис. 58. Уркош-VII и XX. План (подготовлен Н.Н. Серёгиным)

Рис. 59. Уркош-VII. Вид на часть памятника (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 60. Уркош-VII. Оградка №7 (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

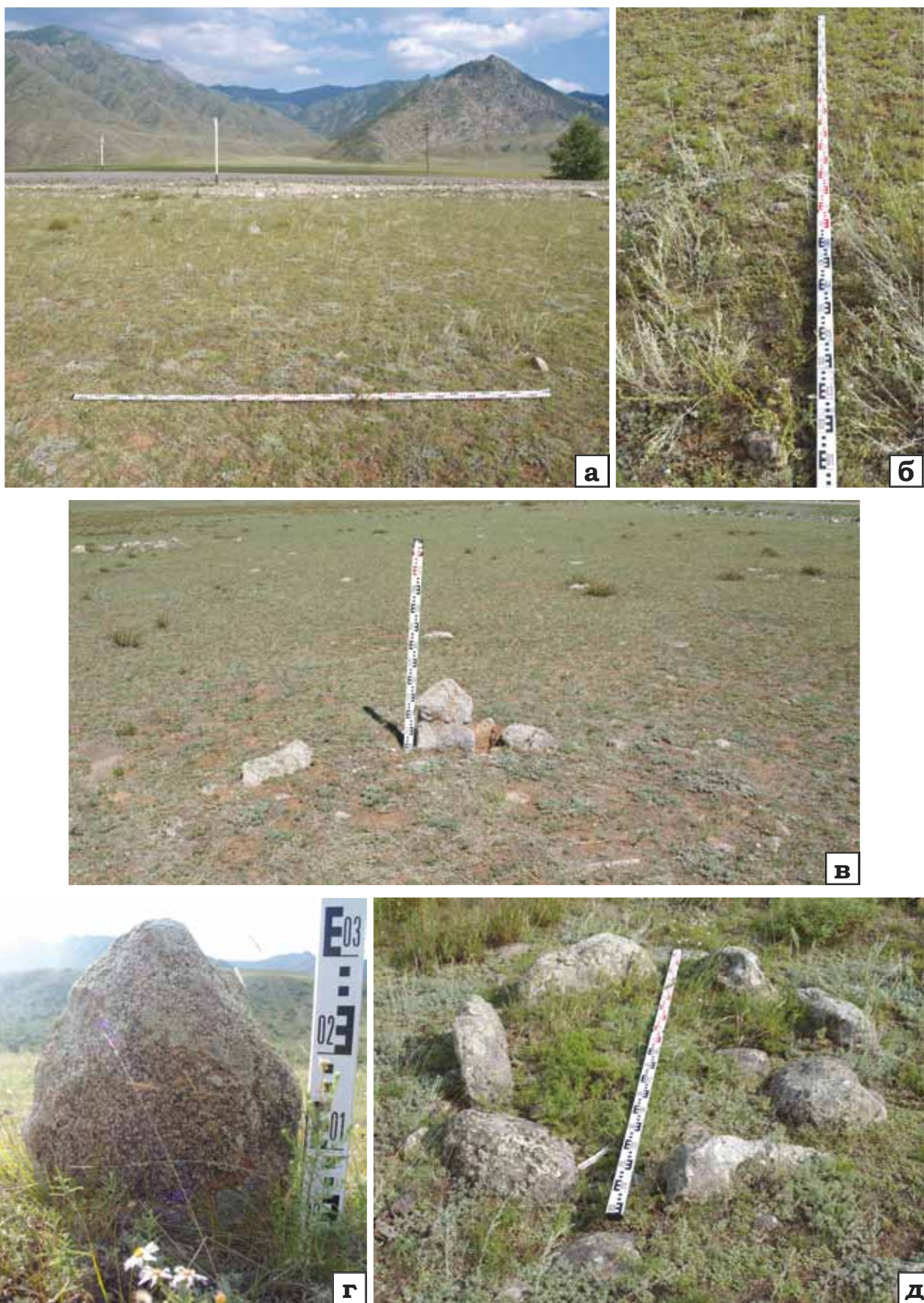

Рис. 61. Уркош-VII. Разные объекты и их отдельные элементы
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

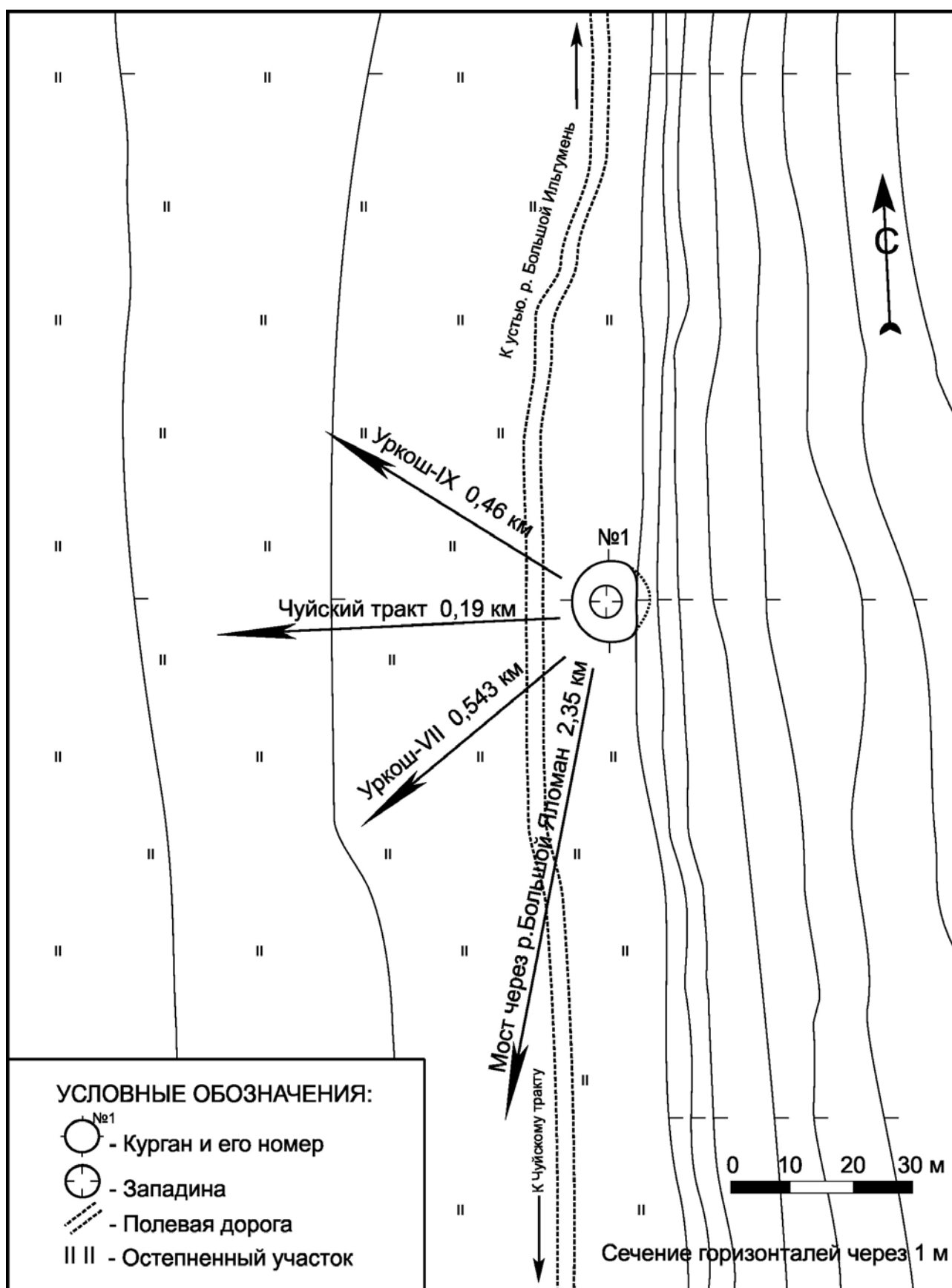

Рис. 62. Уркош-VIII. План памятника (одиночный курган) (выполнен Н.Н. Серёгиным)

а

б

в

Рис. 63. Уркош-VIII. Общие виды (а, б) и деталь ограды (в)
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

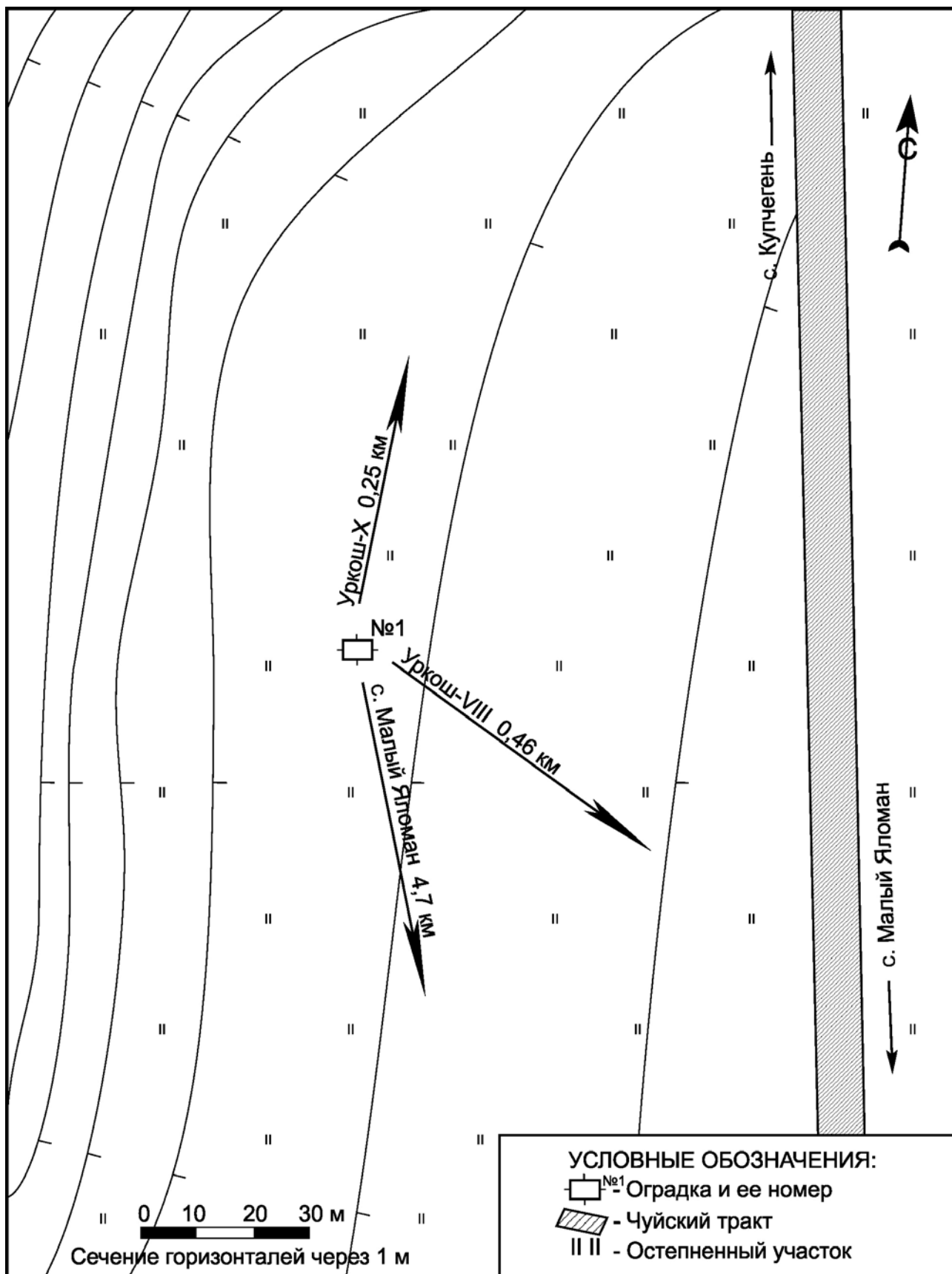

Рис. 64. Уркош-IX. План памятника (выполнен Н.Н. Серёгиным)

Рис. 65. Уркош-IX. Общий вид памятника (а), отдельные детали объекта (б, в)
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

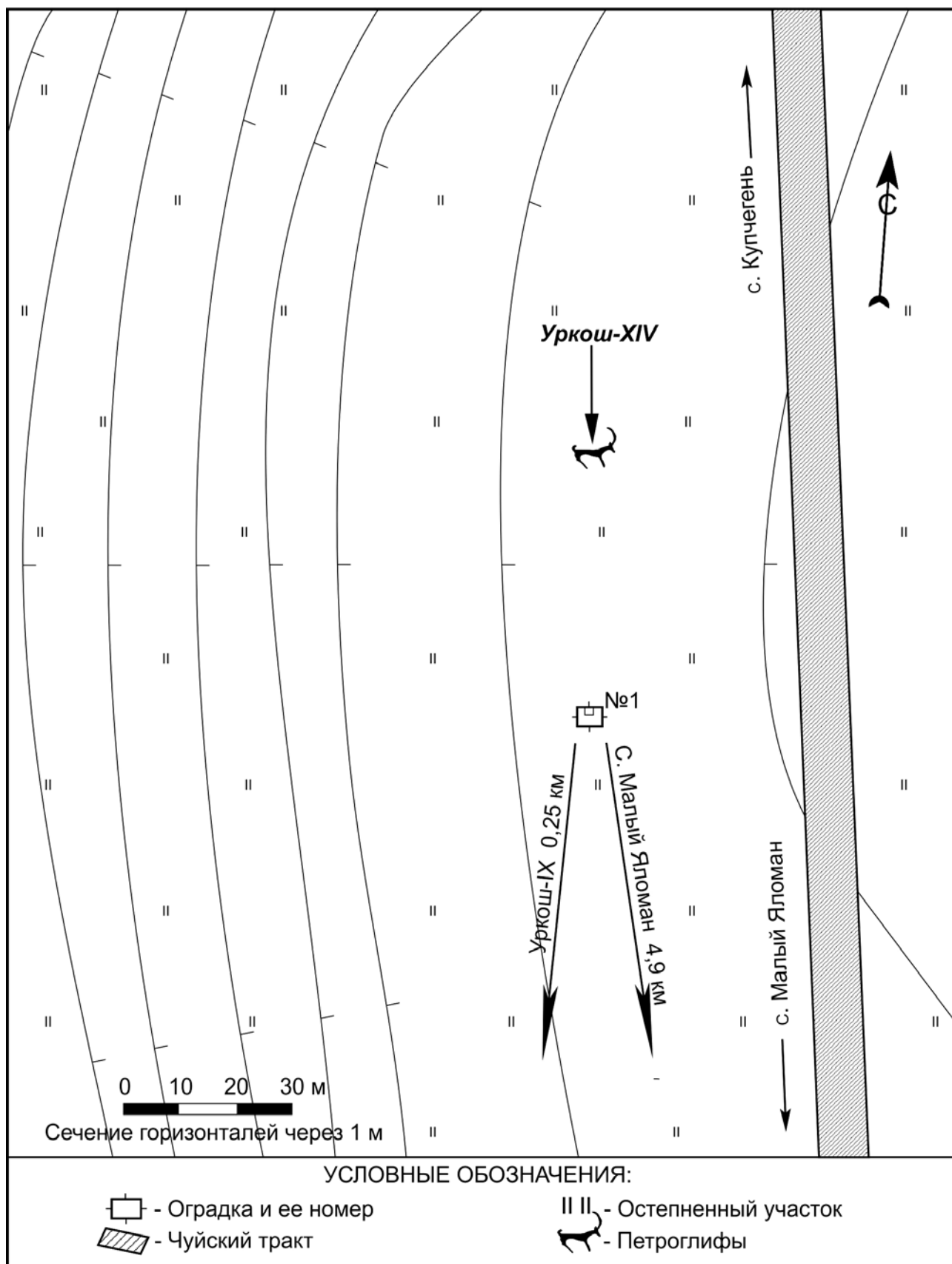

Рис. 66. Уркош-X и XIV. План (подготовлен Н.Н. Серёгиным)

Рис. 67. Уркош-Х. Вид объекта до раскопок (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 68. Уркош-Х. Объект. Размеченный раскоп (фотоснимок сделан В.В. Горбуновым)

Рис. 69. Уркош-Х. Объект №1 после снятия дерна и зачистки конструкции
(фотоснимки сделаны В.В. Горбуновым)

Рис. 70. Уркош-Х. Этапы исследования «ящика» (фотоснимки сделаны В.В. Горбуновым)

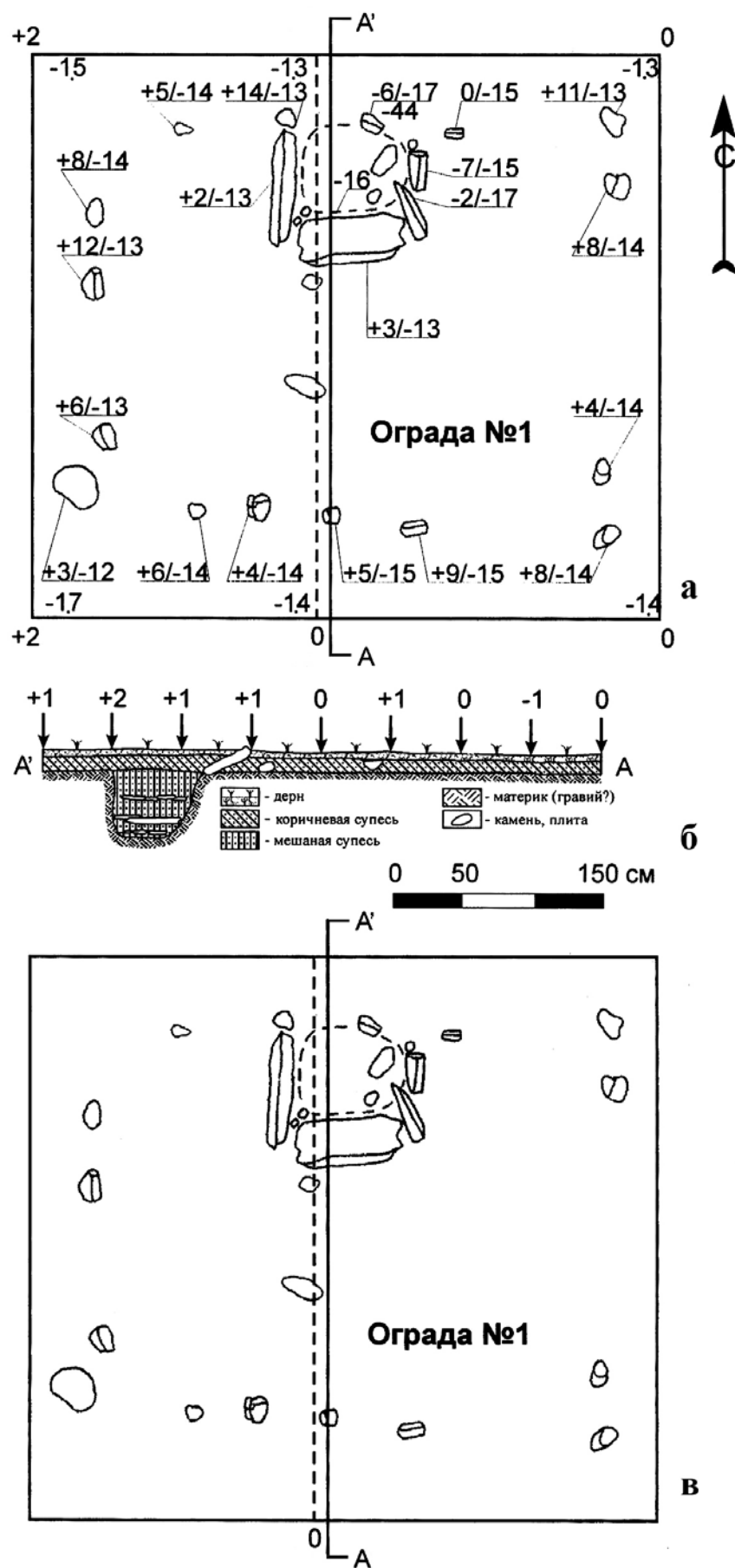

Рис. 71. Уркош-Х. План раскопа (выполнен В.В. Горбуновым)

Рис. 72. Уркош-ХІ. Вид на местонахождение петроглифов
(фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 73. Уркош-ХІ. Петроглифы (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 74. Уркош-ХII. Виды на местонахождение (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 75. Уркош-ХII. Композиция и отдельные образы
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

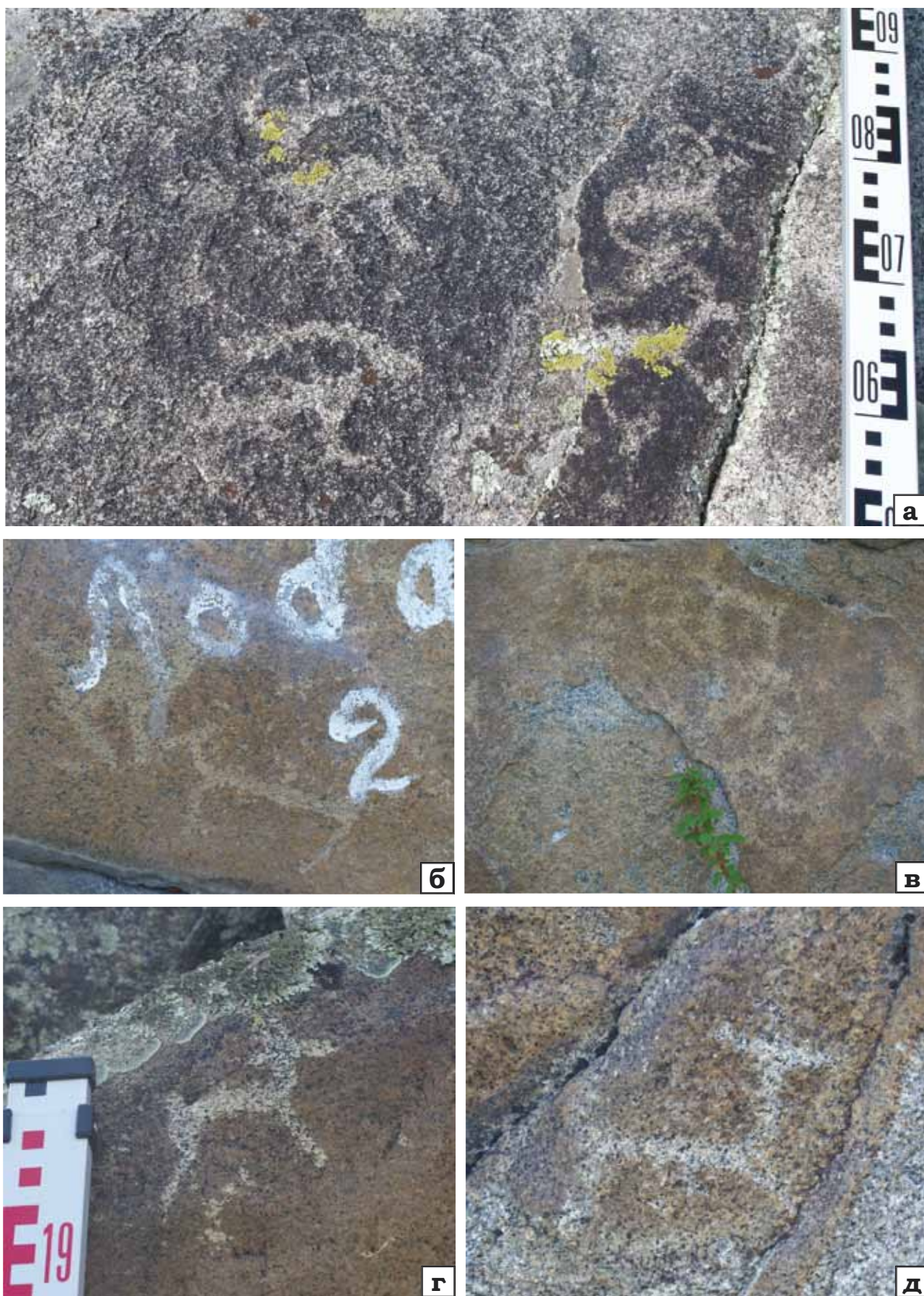

Рис. 76. Уркош-ХII. Композиции и отдельные образы из разных мест
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

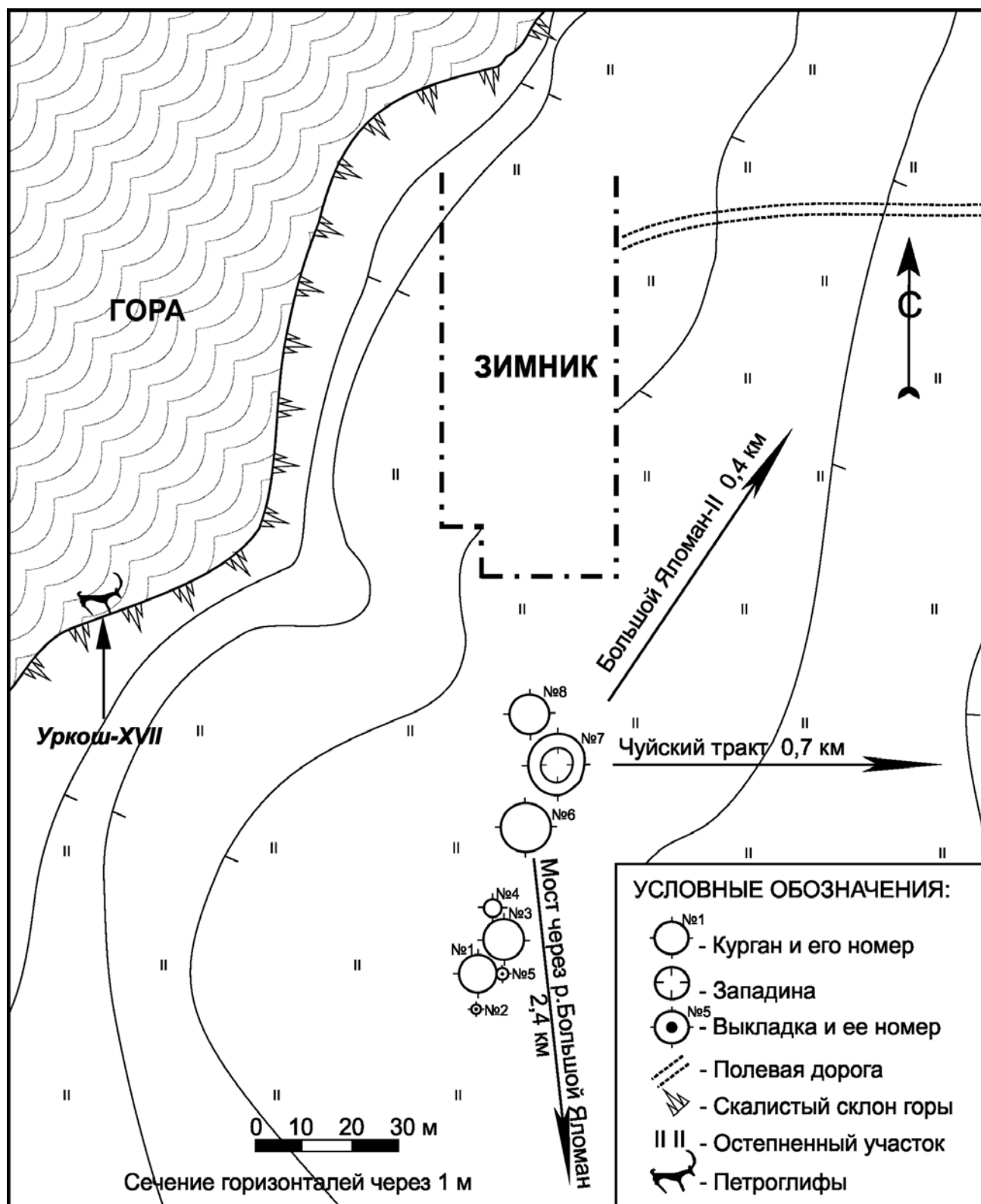

Рис. 77. Уркош-XIII и XVII. План (подготовлен Н.Н. Серёгиным)

Рис. 78. Уркош-ХІІІ. Вид на памятник (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 79. Уркош-ХІІІ. Цепочка курганов (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 80. Уркош-ХІІІ. Один из крупных объектов (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

а

б

в

г

д

Рис. 81. Уркош-XIV. Местонахождение петроглифов (а), отдельные сюжеты и образы (б–д)
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 82. Уркош-XIV. Местонахождение петроглифов (а) и изображение оленя (б)
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

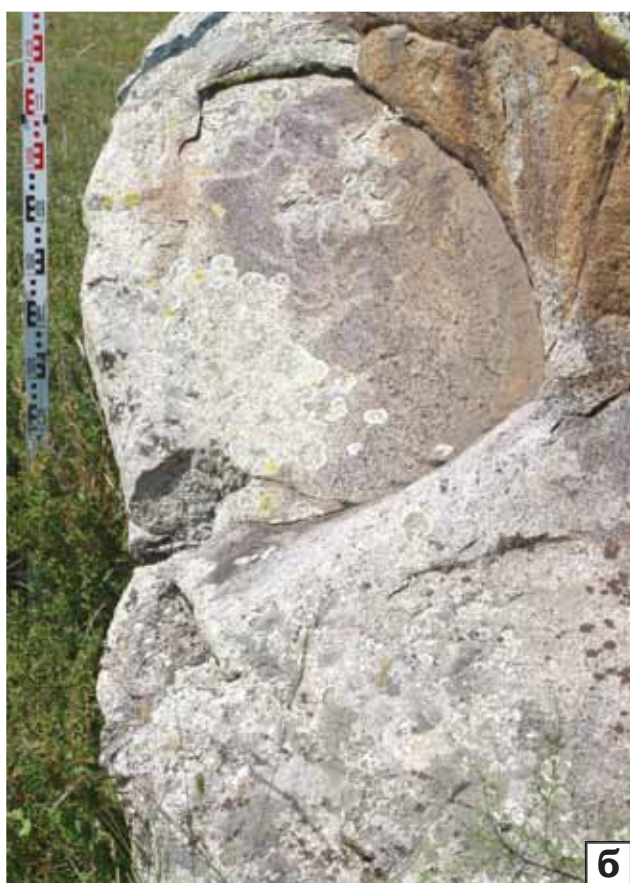

Рис. 83. Уркош-XIV. Местонахождение петроглифов (а) и отдельные изображения (б-в)
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

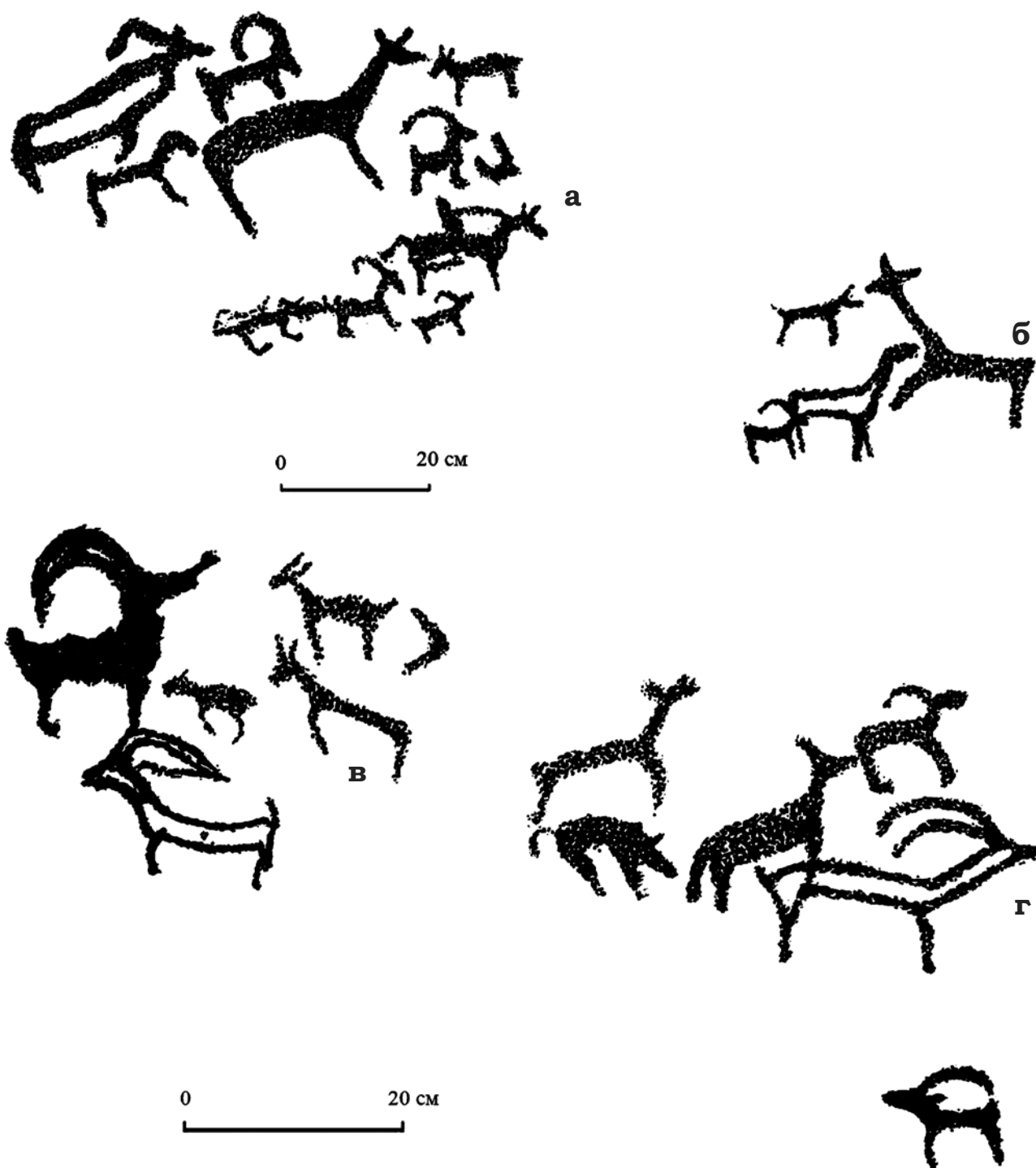

Рис. 84. Уркош-ХIV. Прорисовки изображений
(по: [Сидорова М.О., Маточкин Е.П., 2010, рис. 3 и 4])

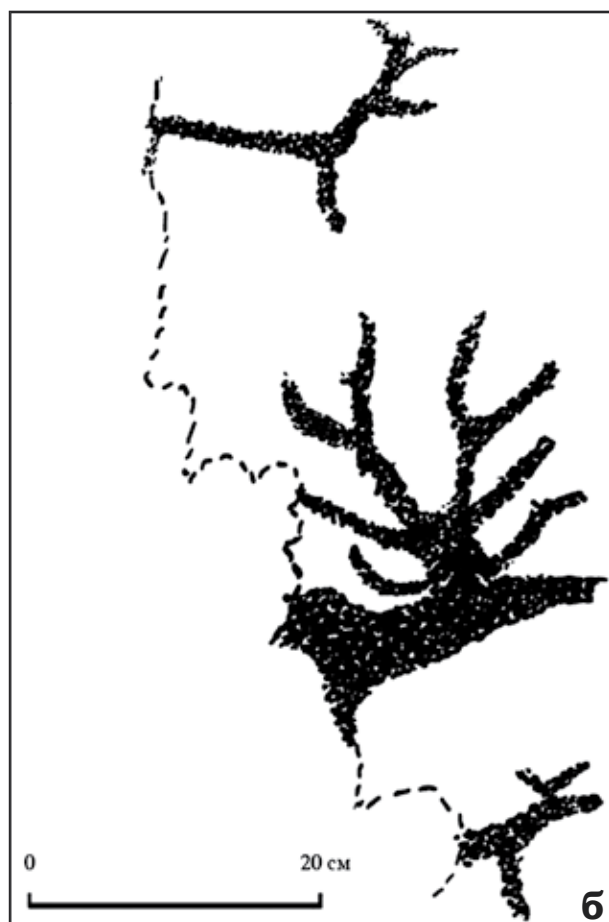
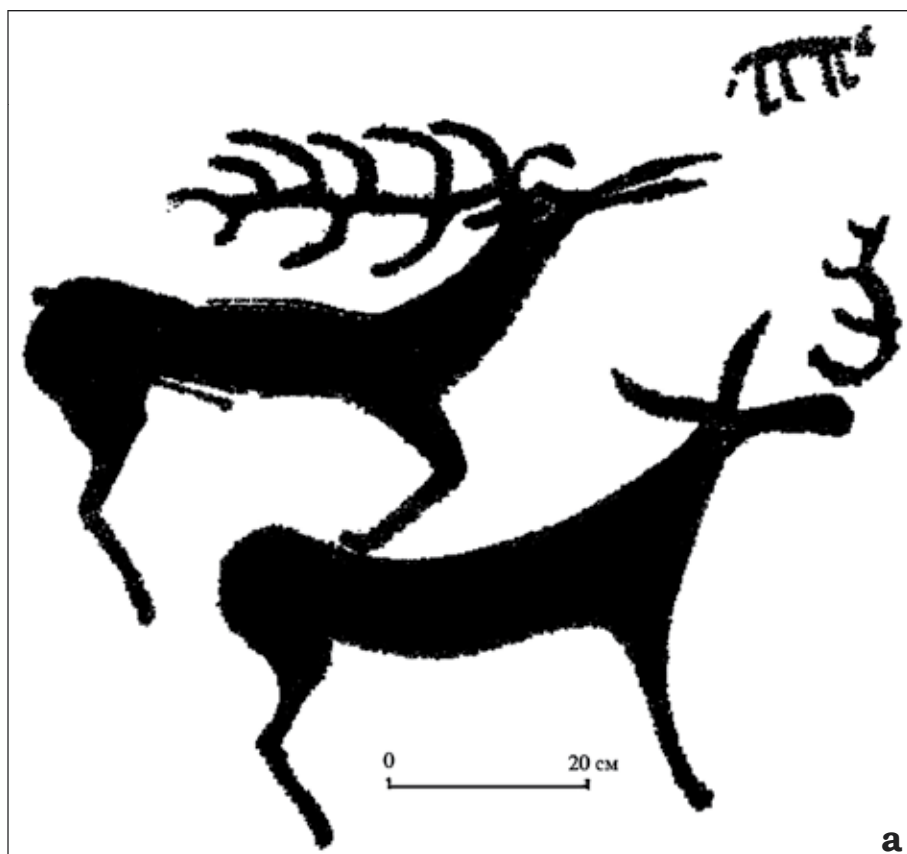

Рис. 85. Уркош-XIV. Прорисовки изображений
(по: [Сидорова М.О., Маточкин Е.П., 2010, рис. 1 и 2])

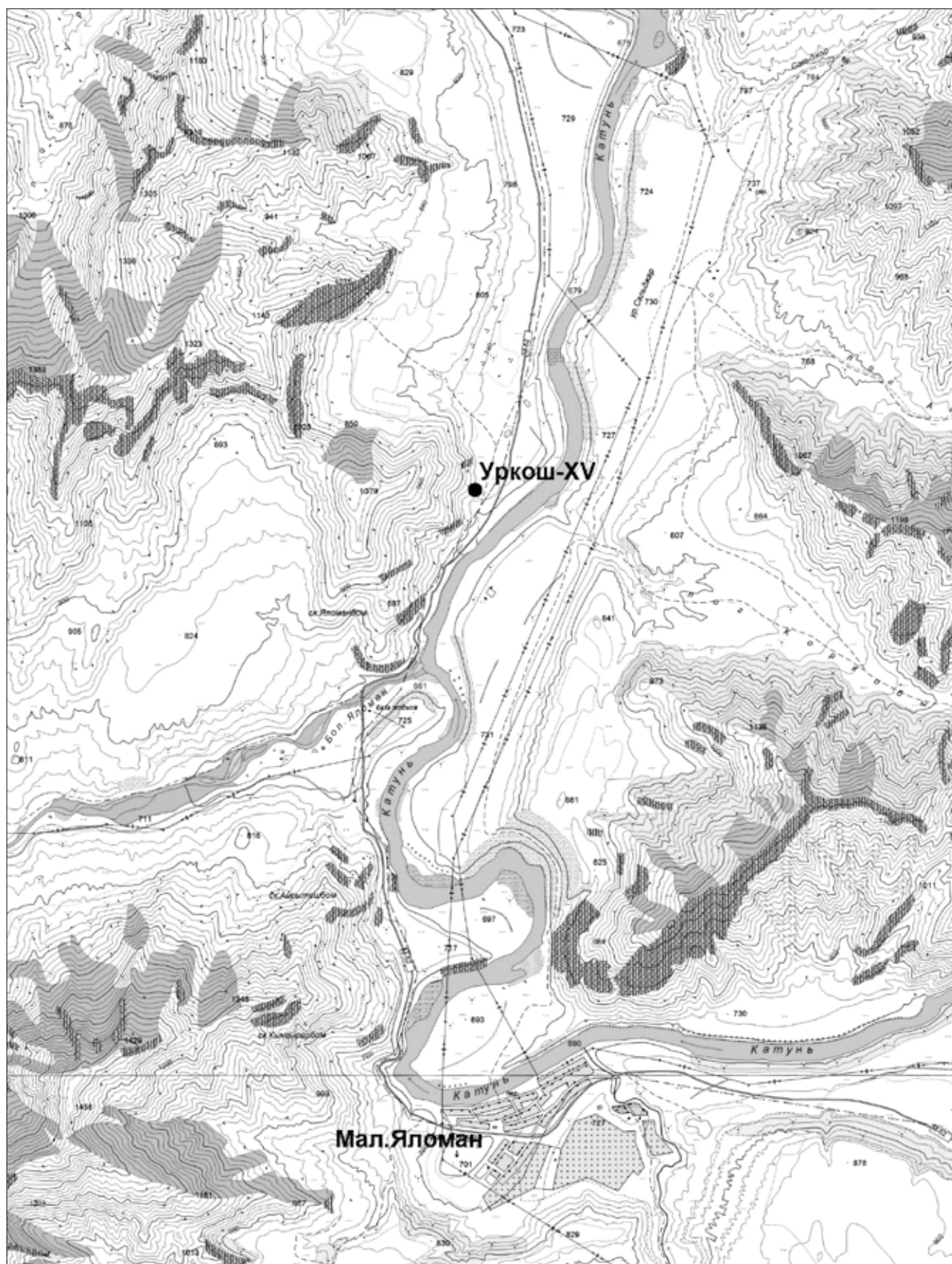

Рис. 86. Уркош-XV. Расположение памятника на карте
(по: [Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016, рис. I])

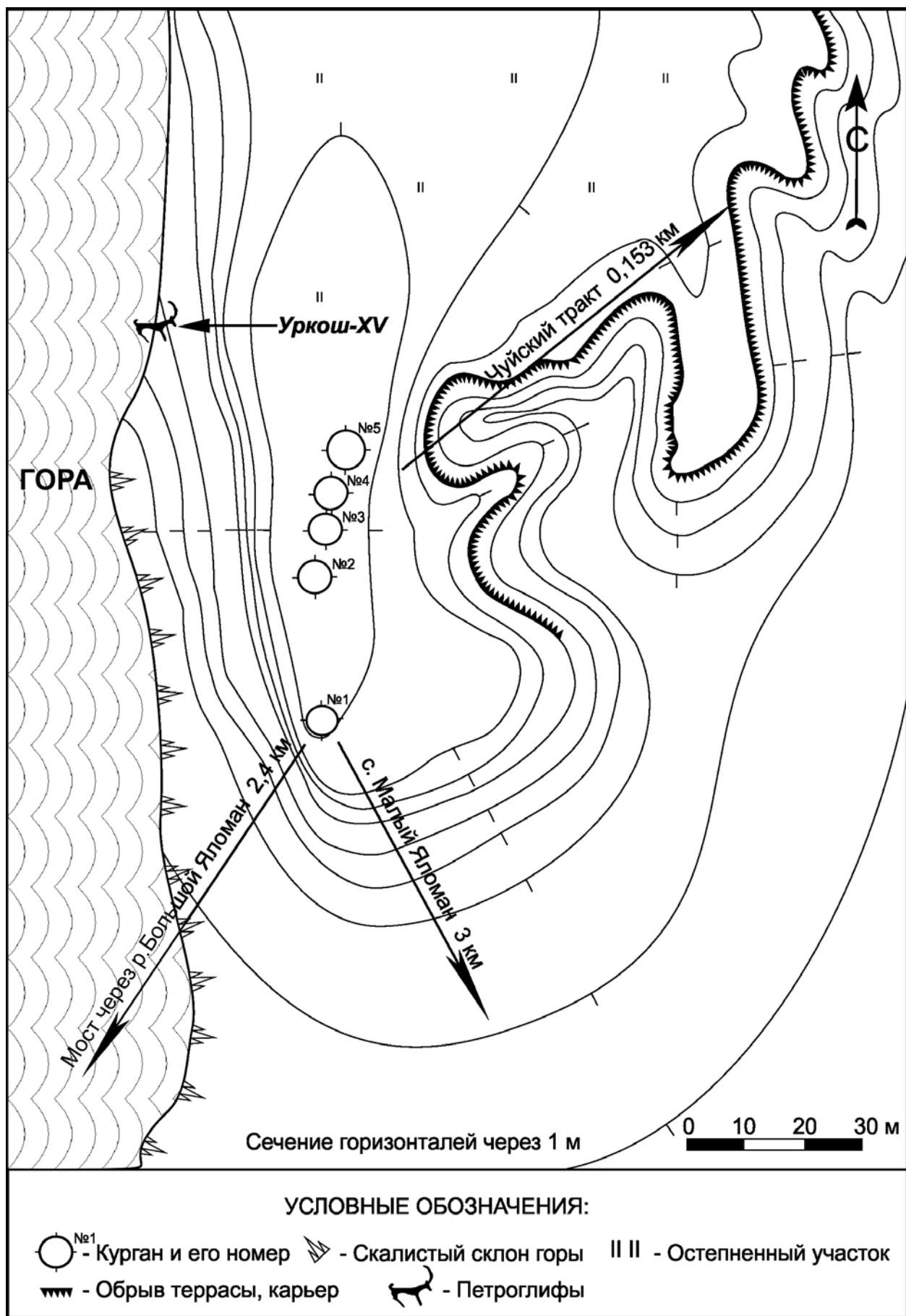

Рис. 87. Уркош-XV и Яломан-XV. План (подготовлен С.С. Матрёниным)

Рис. 88. Уркош-ХV и Яломан-ХV. Вид на памятники из космоса

Рис. 89. Уркош-ХV. Вид на основную площадку (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 90. Уркош-XV. Разные виды на основную площадку
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 91. Уркош-ХV. Виды на плоскость с петроглифами до их исследований
(фотоснимки сделаны А.Н. Мухаревой (а) и А.А. Тишкиным (б))

Рис. 91. Продолжение (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

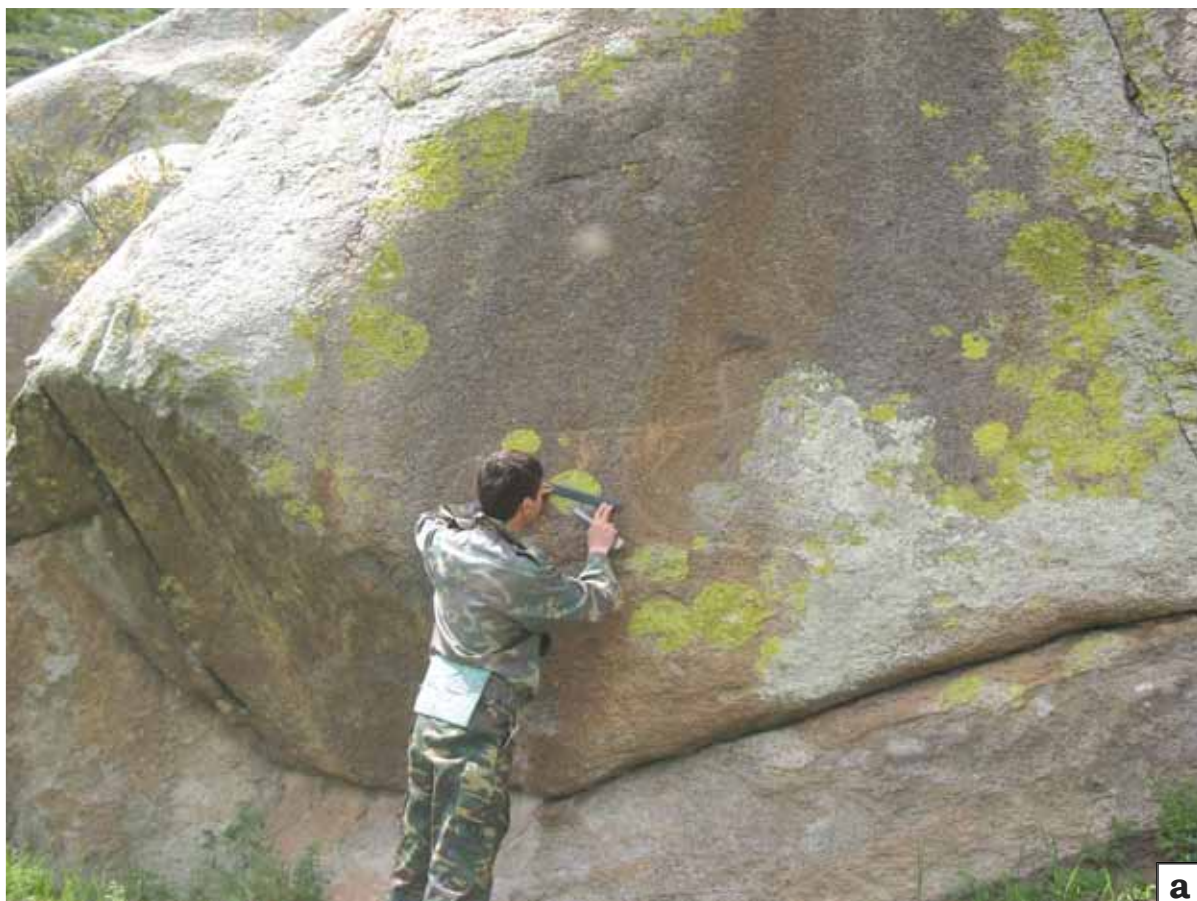

Рис. 92. Уркош-ХV. Лихеометрические исследования
(фотоснимки предоставлены Н.И. Быковым)

Рис. 93. Уркош-XV. Процесс удаления лишайников (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 94. Уркош-XV. Крупные петроглифы после удаления части лишайников
(по: [Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016, вклейка, рис. X и XI])

Рис. 95. Уркош-ХV. Процесс копирования на микалентное полотно и на прозрачный целлофан (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

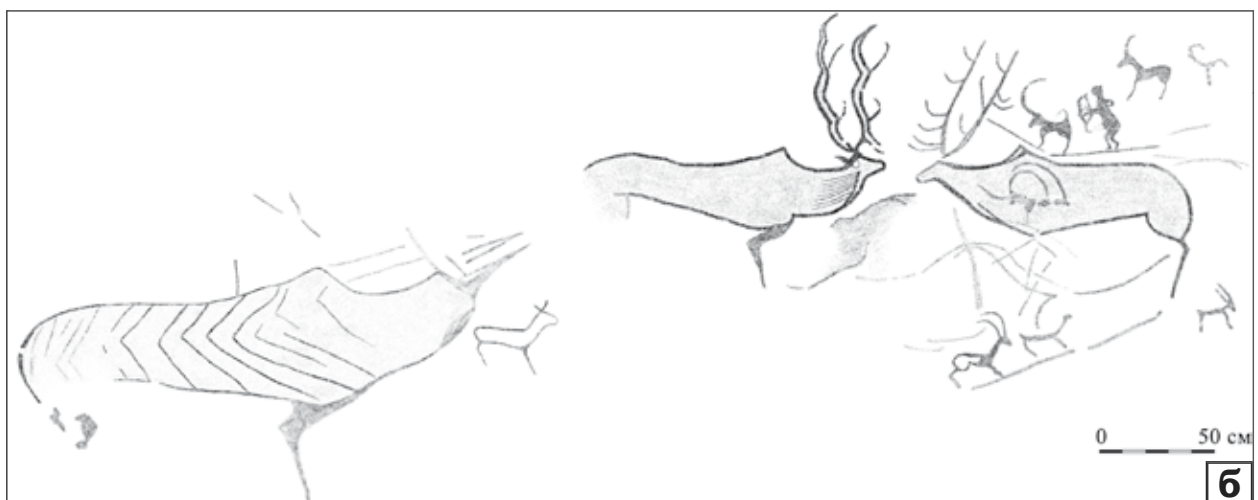
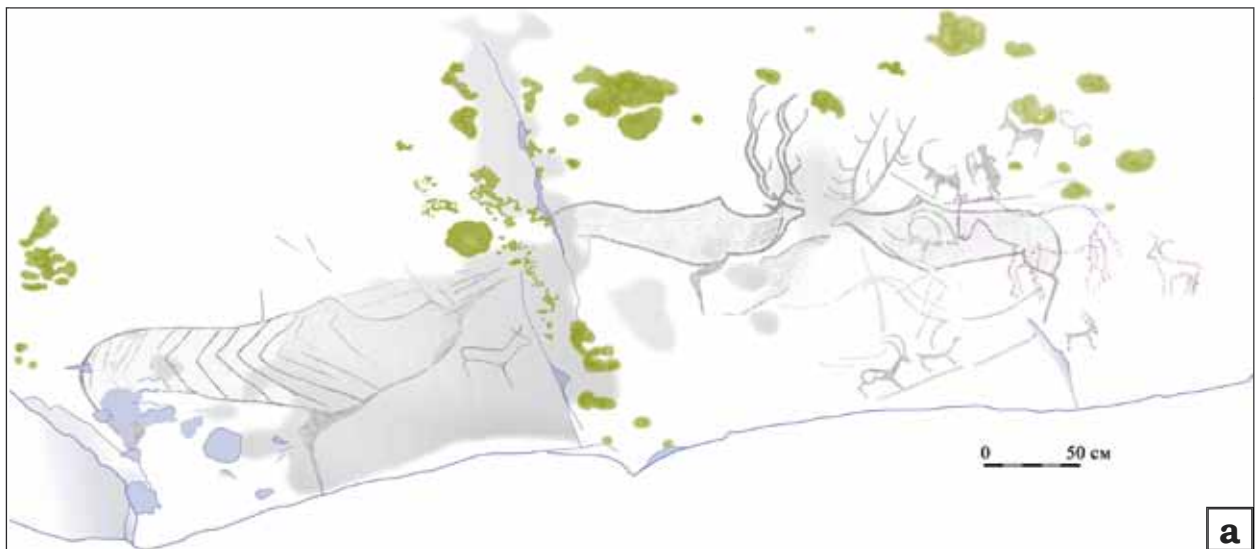

Рис. 96. Уркош-ХV. Прорисовка петроглифов. Композиция общая (а – выполнена А.Н. Мухаревой; б – по: [Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016, рис. VII])

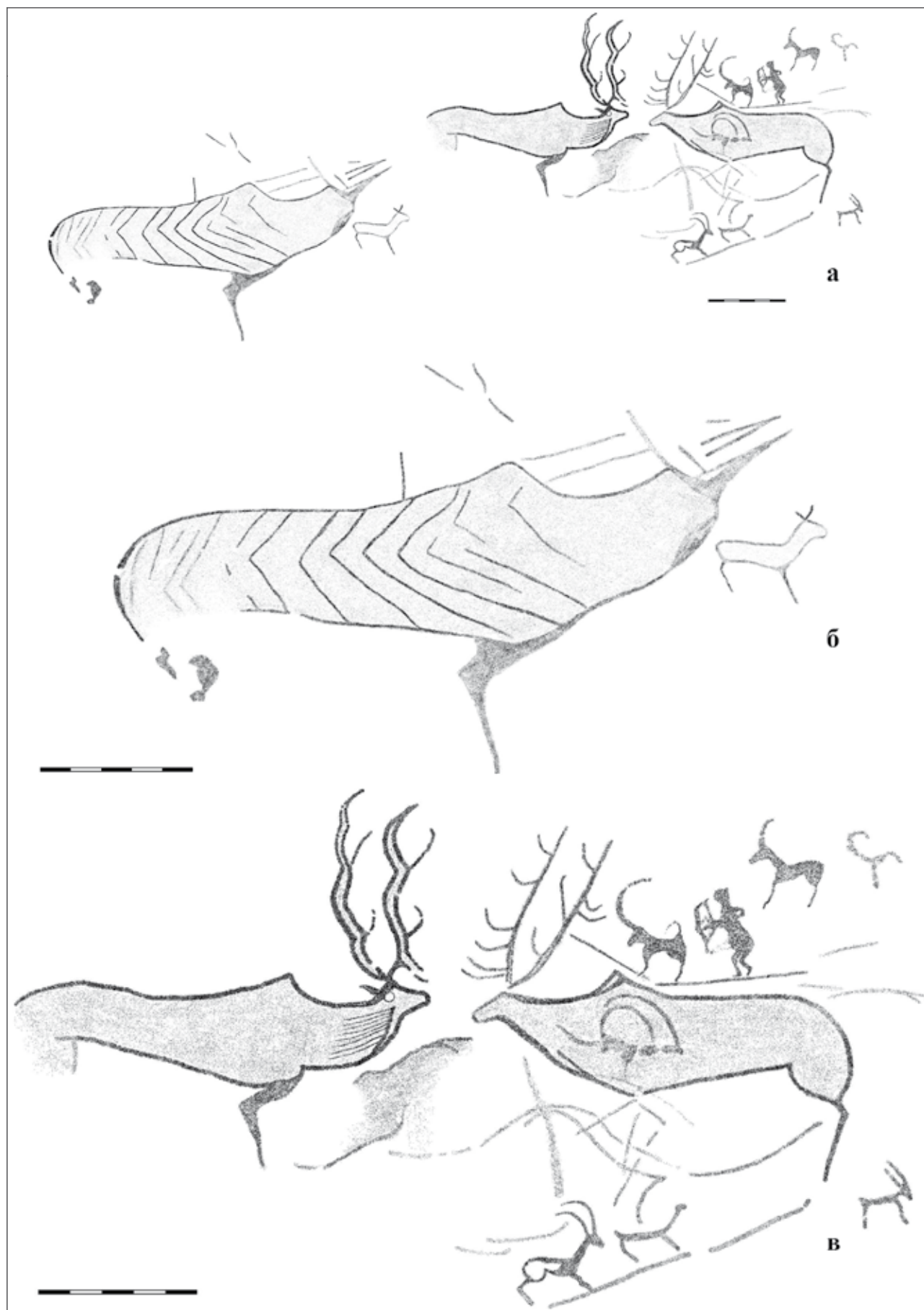

Рис. 97. Уркош-ХV. Фрагменты композиции (по: [Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016, рис. XII])

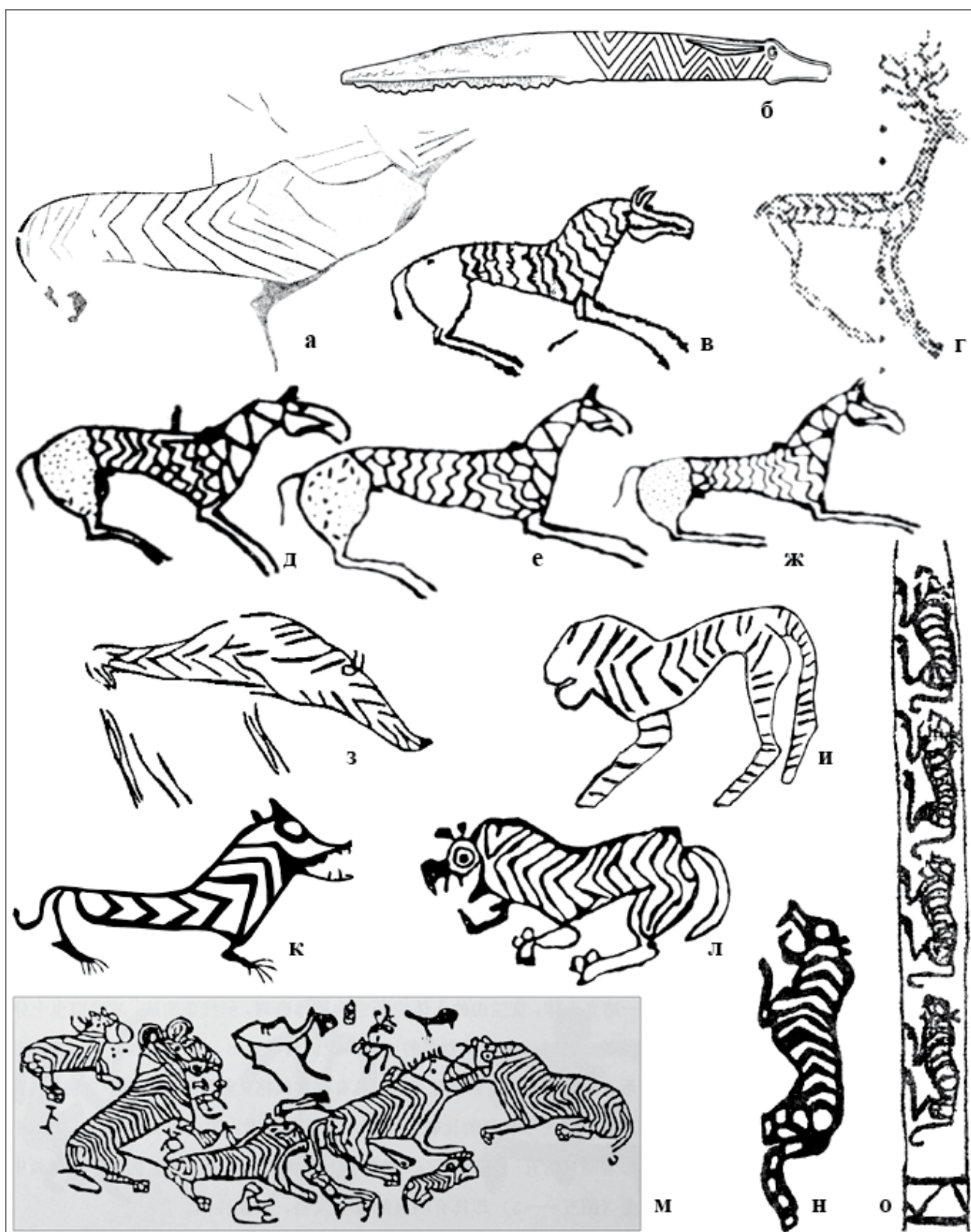

Рис. 98. Таблица с аналогиями крупному изображению памятника Уркош-XV
(по: [Мухарева А.Н., Тишкин А.А., 2016, рис. XIII])

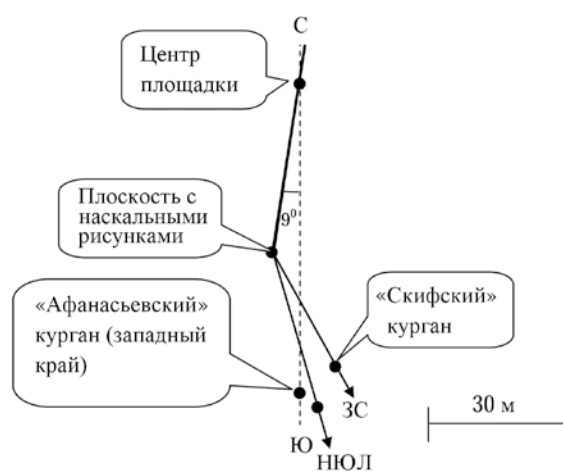

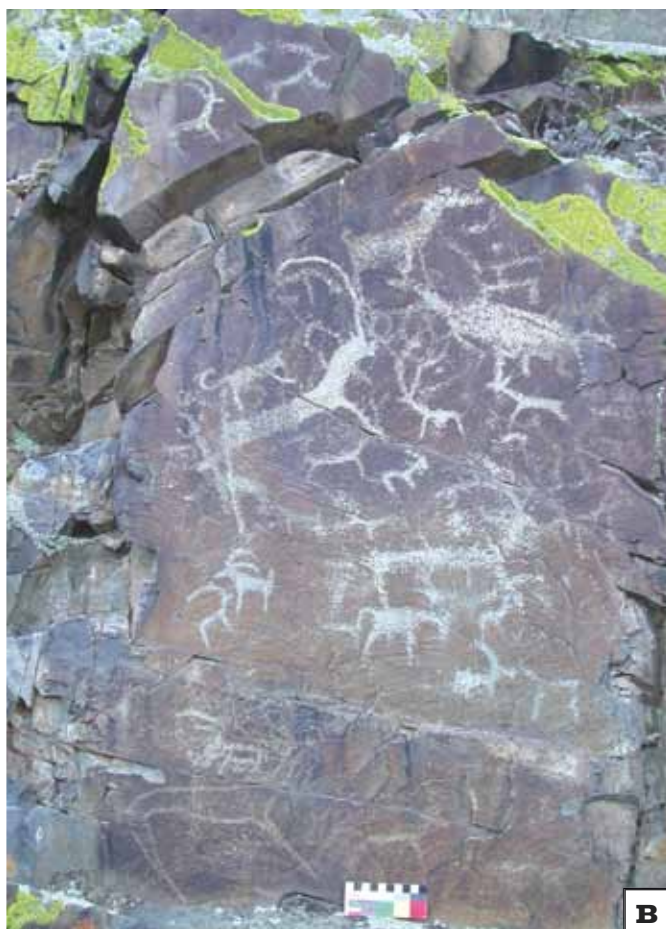
Рис. 99. Уркош-XV. Археоастрономические исследования на памятнике
(иллюстрации подготовлены Е.Г. Гиенко)

а

б

в

Рис. 100. Уркош-XVI. Общие виды на скальные плоскости с петроглифами
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 101. Уркош-ХVI. Изображения на разных плоскостях
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

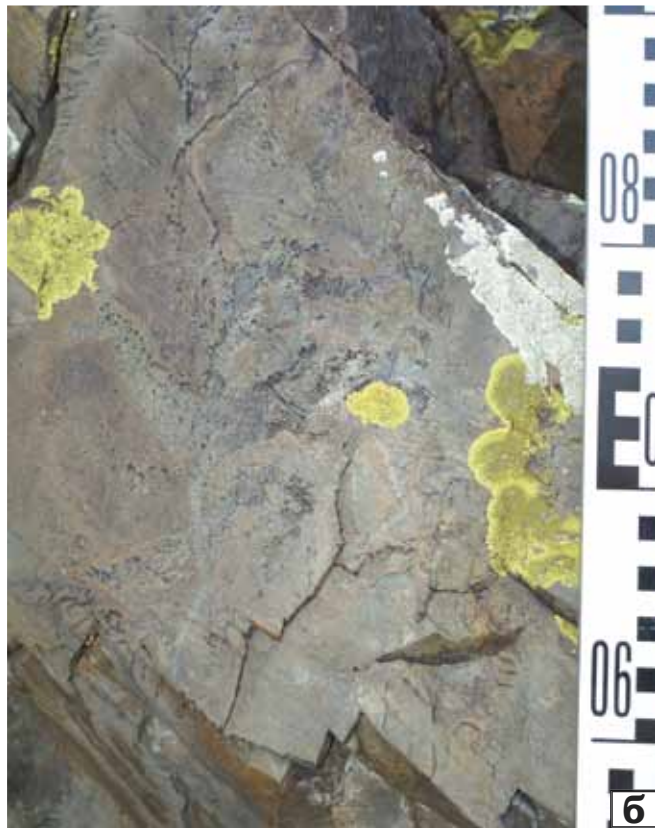

Рис. 102. Уркош-XVI. Изображения на разных плоскостях
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

a

б

Рис. 103. Уркош-ХVII. Общие виды на месторасположение петроглифов
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 104. Уркош-XVII. Отдельные изображения на разных плоскостях
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 105. Уркош-ХVIII. Общие виды на месторасположение петроглифов
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 106. Уркош-ХVIII. Изображения на разных плоскостях
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

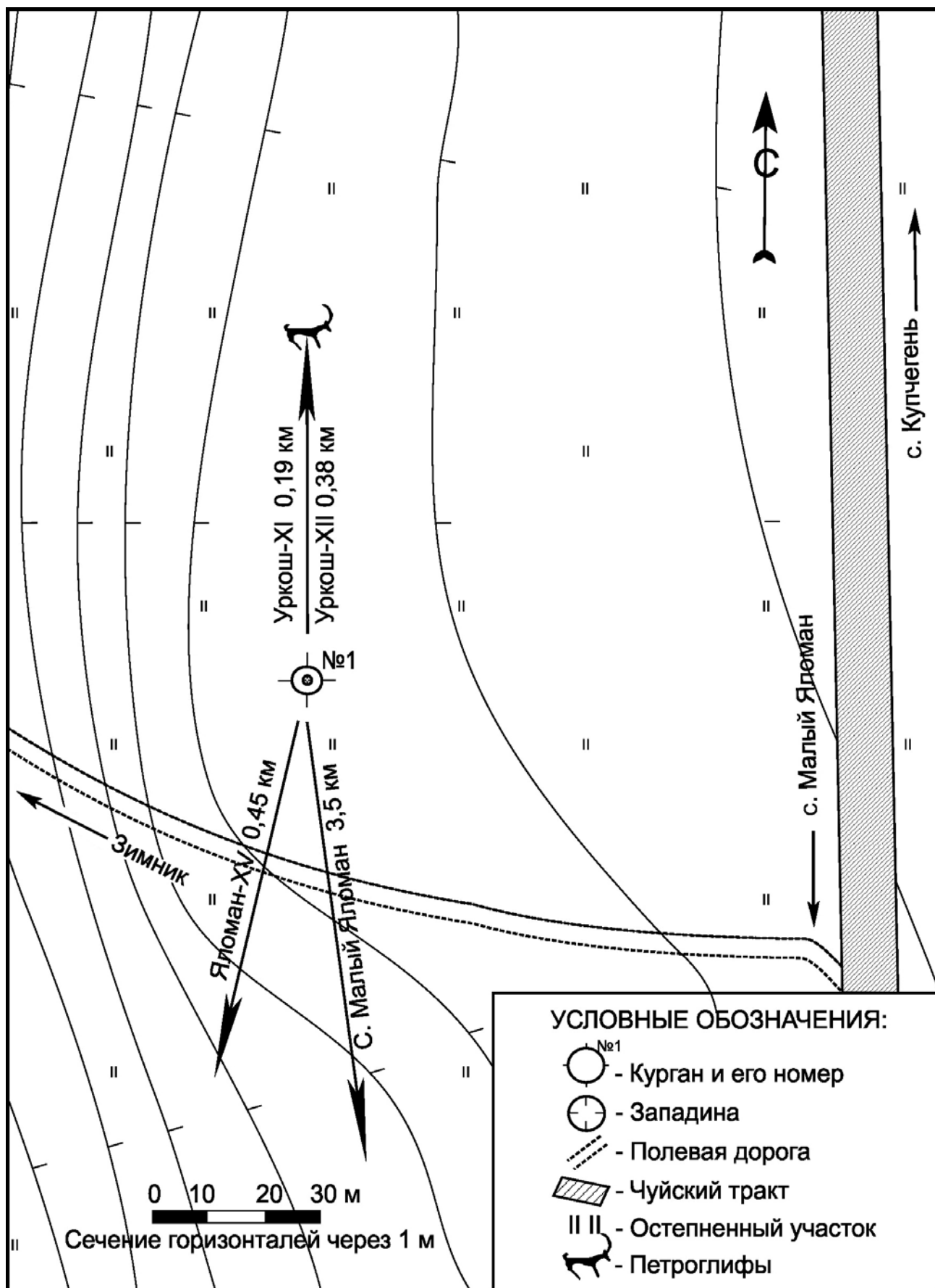

Рис. 107. Уркош-XIX. План (подготовлен Н.Н. Серёгиным)

Рис. 108. Уркош-ХІХ. Вид на расположение одиночного кургана (а) и его насыпь (б)
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

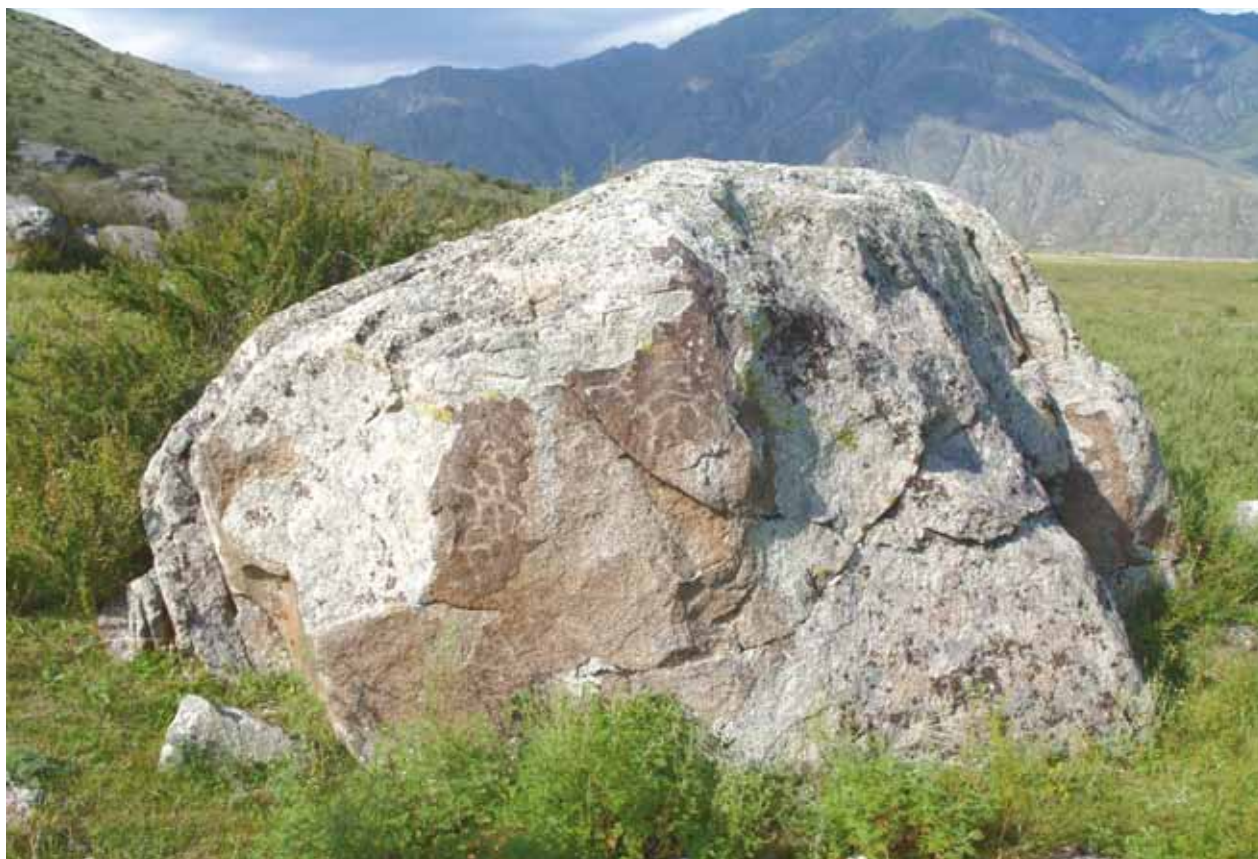

Рис. 109. Уркош-XX. Вид на местонахождение (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 110. Уркош-XX. Петроглифы (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 111. Яломан-ХV. Общий вид на памятник (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 112. Яломан-ХV. Объекты памятника (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 113. Урочище Уркош. Вид на нижнюю (а) и верхнюю (б) террасы
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

a

б

Рис. 114. Урочище Уркош. Лог (а) и вид из лога на долину Катуня (б)
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 115. Урочище Уркош. Курум (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 116. Урочище Уркош. Растительность в логу на верхней террасе (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным в 2010 г.)

Рис. 117. Урочище Уркош. Виды травяной растительности
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 118. Урочище Уркош. Виды растительности (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 119. Урочище Уркош. Можжевельник (а, б) и дикий крыжовник (в, г)
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 120. Урочище Уркош. Кустарники и другая растительность
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 121. Урочище Уркош. Деревья и другая растительность
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 122. Урочище Уркош. Насекомые и змеи (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 123. Урочище Уркош. Современный зимник (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

а

б

в

Рис. 124. Урочище Уркош. Виды разных построек на зимнике
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

а

б

Рис. 125. Урочище Уркош. Жилые постройки (а) и коновязь (б)
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 126. Урочище Уркош. Забор (а), поилка (б) и приспособление для погрузки скота (в)
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 127. Лошади в урочищах Уркош (а, б) и Кур-Кечу (в)
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 128. Урочище Уркош. Мелкий рогатый скот (козы) на пастбище
(фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 129. Урочище Уркош. Козы (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 130. Урочище Уркош. Крупный рогатый скот (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

Рис. 131. Урочище Уркош. Собака с зимника (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Рис. 132. Урочище Уркош. Пугало (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным)

Археологические памятники Уркошского микрорайона

№	Название памятника	Вид памятника	Датировка и культурная принадлежность	GPS-координаты
1	Большой Яломан-II	Курганный могильник	Скифо-сакское время (пазырыкская культура), раннее средневековье (тюркская культура)	N – 50°32.696'; E – 086°34.026'
2	Большой Яломан-III	Святылище	Эпоха бронзы, ранний железный век, раннее средневековье	N – 50°33.017'; E – 086°34.162'
3	Уркош-I	Погребально-поминальный комплекс	Хуннуско-сяньбийско-жужанское время (булан-кобинская культура)	Курган №1: N – 50°32.898'; E – 086°34.171'; курган №5: N – 50°32.903'; E – 086°34.166'; курган №31: N – 50°32.920'; E – 086°34.184'
4	Уркош-II	Курганный могильник	Ранний железный век – средневековье	Курган №1: N – 50°32.975'; E – 086°34.058'; курган №4: N – 50°32.922'; E – 086°33.975'
5	Уркош-III	Курганный могильник	Ранний железный век – средневековье	Курган №1: N – 50°32.903'; E – 086°33.817'; курган №6: N – 50°32.910'; E – 086°33.788'
6	Уркош-IV	Курганный могильник	Ранний железный век – средневековье	Курган №1: N – 50°32.868'; E – 086°33.728'; курган №3: N – 50°32.887'; E – 086°33.737'
7	Уркош-IVa	Местонахождение петроглифов	Не определены	–
8	Уркош-IVб	Местонахождение петроглифов	Не определены	N – 50°32.836'; E – 086°33.580'
9	Уркош-V	Одиночный курган	Ранний железный век – средневековье (?)	N – 50°33.009'; E – 086°34.263'
10	Уркош-VI	Одиночный курган	Ранний железный век – средневековье (?)	N – 50°33.321'; E – 086°33.734'

Окончание таблицы

№	Название памятника	Вид памятника	Датировка и культурная принадлежность	GPS-координаты
11	Уркош-VII	Погребально-поминальный комплекс	Эпоха бронзы (?), скифо-сакское время (пазырыкская культура), раннее средневековье (?)	Курган №1: N – 50°32.561'; E – 086°34.523'; объект №13: N – 50°32.563'; E – 086°34.561'; объект №15: N – 50°32.587'; E – 086°34.465'
12	Уркош-VIII	Одиночный курган	Энеолит (афанасьевская культура)	N – 50°32.802'; E – 086°34.802'
13	Уркош-IX	Одиночная ограда	Эпоха бронзы (?)	N – 50°32.908'; E – 086°34.527'
14	Уркош-X	Одиночная ограда	Эпоха бронзы (?)	N – 50°33.035'; E – 086°34.521'
15	Уркош-XI	Местонахождение петроглифов	Эпоха бронзы – этнографическое время	N – 50°32.330'; E – 086°34.431'
16	Уркош-XII	Местонахождение петроглифов	Эпоха бронзы – этнографическое время	N – 50°32.434'; E – 086°34.460'
17	Уркош-XIII	Курганный могильник	Скифо-сакское время (пазырыкская культура)	Курган №1: N – 50°32.459'; E – 086°33.723'; курган №7: N – 50°32.480'; E – 086°33.744'
18	Уркош-XIV	Местонахождение петроглифов	Эпоха бронзы, аржано-майэмское и скифо-сакское время	N – 50°33.065'; E – 086°34.514'
19	Уркош-XV	Святылище	Аржано-майэмское время	N – 50°31.948'; E – 086°34.284'
20	Уркош-XVI	Местонахождение петроглифов	Эпоха бронзы – этнографическое время	N – 50°33.326'; E – 086°33.687'
21	Уркош-XVII	Местонахождение петроглифов	Скифо-сакское время (?)	N – 50°32.526'; E – 086°33.721'
22	Уркош-XVIII	Местонахождение петроглифов	Эпоха бронзы – этнографическое время	N – 50°32.958'; E – 086°33.902'
23	Уркош-XIX	Одиночный курган	Ранний железный век – средневековье	N – 50°32.207'; E – 086°34.410'
24	Уркош-XX	Местонахождение петроглифов	Эпоха бронзы – этнографическое время	N – 50°32.564'; E – 086°34.445'
25	Яломан-XV	Курганный могильник	Энеолит (афанасьевская культура); аржано-майэмское время (бийкенская культура)	N – 50°31.924'; E – 086°34.293'

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. История изучения археологических объектов в урочище Уркош	7
Глава II. Характеристика памятников Уркошского археологического микрорайона	19
Глава III. Реконструкция этнокультурной ситуации на территории Уркошского микрорайона	51
Глава IV. Урочище Уркош как отражение системы жизнеобеспечения скотоводов Центрального Алтая	65
Заключение	78
Архивные материалы	84
Библиографический список	85
Список сокращений	98
Приложение	99

Научное издание

Серия «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ»
Выпуск 1

Редакционная коллегия серии:
Бородовский А. П., Горбунов В. В., Грушин С. П., Дашковский П. К.,
Дёмин М. А., Кирюшин Ю. Ф., Кривошапкин А. И., Кунгуров А. Л.,
Марсадолов Л. С., Соёнов В. И., Тишкин А. А. (председатель), Худяков Ю. С.

Тишкин Алексей Алексеевич
Серёгин Николай Николаевич
Матрёнин Сергей Сергеевич

**УРКОШСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН
(ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ)**

Монография

Редактор: Е. М. Федяева
Подготовка оригинал-макета: М. Ю. Кузеванова

Подписано в печать 30.11.2016. Печать офсетная.
Шрифт Bookman Old Style. Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 24,1.
Тираж 500 экз. Заказ 556.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
656099, Барнаул, пр-т Красноармейский, 98а /ул. Мерзликина, 10.
Тел. 8 (3852) 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru